ДВА СТОЛЕТИЯ РОДА ВИКТОРОВЫХ ИЗ ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ: 1816-2016

«Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам».

«Неуважение к предкам есть первый
признак безнравственности»
А. С. Пушкин

От составителя

У Николая Николаевича Семёнова сохранились записки его деда Фёдора Александровича Викторова. Он бережно их обработал, и появился текст «Дневник моего деда». Своей работой Николай, мой двоюродный брат, заразил и меня. В результате появились другие материалы этой книги: «Братья и сёстры Викторовы» и «Женская стойкость». В целом получилась книга о роде Викторовых, родина которых — Тамбовская губерния. Материал охватывает два столетия.

В 2005 году мы с женой решили навестить «прародину» и поехали в село Протасово Тамбовской области, где находился отчий дом деда Фёдора Александровича Викторова, и где его отец Александр Андреевич Викторов служил священником.

Вот мои записи из этой поездки:

«У самых ворот кладбища — два каменных памятника. Смотрю на левый — всё плохо видно, так как камень светлый. Смотрю на правый и — о, перст судьбы! — вижу надпись: «ВИКТОРОВЪ». Вот это да! Чего-чего, а этого я не ожидал!

На памятнике вырезаны надписи: *«Здесь погребено тело иерея ВИКТОРОВА Александра Андреевича, скончавшегося 10 июля 190…* (последняя цифра

сколота). *Священствовал 53 года. День ангела 30 августа. Любящему мужу и отцу от жены и детей».*

Вокруг ниши: «*Помяни, Господи, и прими во Царствие небесное».*

Слева: «*В руцы твои предаю дух мой».*

Справа: «*Мир праху твоему, добрый пастырь».*

Перед памятником столик, на нём яблоки. В нише памятника стоит стакан.

На кладбище были посетители, местные жители. Они и рассказали, что церковь, в которой служили мой прадед и мой дед, разрушили в 1961 году, в хрущёвские времена. Разбирать кладку было очень трудно. Кирпич пошёл на свинарники и коровник, а на месте церкви появился огород. Длительное время посреди огорода оставался осыпающийся склеп, в нём-то и был похоронен иерей Викторов. Местные ребятишки видели в склепе иконы. А памятники просто валялись на огороде. Только лет пять назад их поставили на новое место — у ворот кладбища.

На месте церкви в селе Протасово несколько лет назад установили памятный крест

А ещё раньше в селе случился большой пожар, в котором сгорел старый дом, стоявший на берегу озера. В этом доме в конце позапрошлого века жила большая семья Викторовых. Зато в селе Александровка Тамбовской области, где прожил, пожалуй, самые счастливые годы мой дед Фёдор Александрович Викторов, сохранилось здание школы, где он учительствовал. Стены толстенные, простоят, может быть, и следующий век. Сейчас в этом здании возрождается сельская церковь.

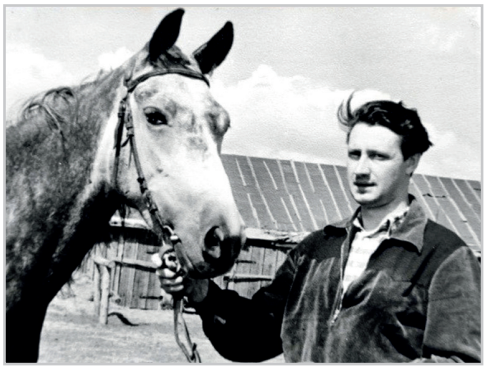
Об авторах

Людмила Филипповна Викторова — жена старшего сына Фёдора Александровича — Александра.

Окончила гимназию в Симбирске, преподавала в сельских щколах Тамбовской губернии. В Воронеже работала на «Хладокомбинате». После ареста мужа в 1937 году была арестована и сослана в казахстанские лагеря. Из лагеря в 1943 году её вывез сын Николай. До конца жизни жила с сыном.

Людмила Филипповна пользовалась большим уважением и авторитетом в семье Викторовых. Её муж Александр говорил: «У нас два хороших человека — Ленин и Людмила Филипповна». А его сестра Капитолина Фёдоровна называла Людмилу Филипповну «моральным центром семьи Викторовых»

Николай Николаевич Семёнов — внук Фёдора Александровича и Екатерины Александровны Викторовых, сын их старшей дочери Натальи.



Кандидат химических наук, работал в Саратовском институте стекла. Вёл в Саратове большую краеведческую работу, написал несколько книг, в том числе о судьбе своего прапрадеда по линии бабушки Ека-

терины Александровны — Льва Ивановича Косова, участника войны 1812 года. Большой любитель лошадей.

Лев Александрович Краснов — внук Фёдора Александровича и Екатерины Александровны Викторовых, сын их младшей дочери Капитолины.

Кандидат технических наук. Работал в ОКБ МЭИ, ведущей организации страны в области аппаратурного обеспечения космических исследований. Заслуженный испытатель космической техники. Занимался альпинизмом.

Составитель книги — Л. А. Краснов

Н. Н. Семёнов

ДНЕВНИК МОЕГО ДЕДА

Ф. А. Васильев. Картина написана в Знаменке по заказу графа П. С. Строганова

Содержание

Предисловие.....9
Глава 1
Протасово. Прадед Александр Андреевич.....11
Детство и обучение грамоте.....17
Учёба. Начало пути.....21
Граф П. С. Строганов.....32
Школа в Александровке.....39
Косовы. Женитьба Фёдора Александровича
на Екатерине Александровне.....42
Александровка.....49
Дом, сад и хозяйство.....59
Поездка в Протасово.....64
Житьё-бытьё.....68
Регент хора. Праздники.....82
Глава 2
1905 год.....94
Переезд. Серединовка. Карай-Салтыковка.....96
В Духовной семинарии.....101
Епархиальное училище. Наташа и Капа.....104
Учительницы.....108
Мосоловка.....112
Послесловие.....120

Предисловие

Наш дедушка Фёдор Александрович Викторов прожил 80 лет и умер в 1938 году в Тамбове от воспаления легких. Работал он учителем сельской школы, певчим, регентом церковного хора, дьячком и священником сельского прихода до той поры, пока в 1926 году не вышел за штат на шестьдесят восьмом году жизни.

Вместе с женой своей, нашей бабушкой Екатериной Александровной, он вырастил здоровыми и воспитал шестерых своих детей, и все они со временем получили высшее образование. Дети и труд были основным содержанием и смыслом их жизни.

Летом 1933 года Фёдор Александрович гостил в семье у старшего своего сына Александра Фёдоровича, работавшего в Тверской губернии. По просьбе сына он и начал писать воспоминания о своей жизни, изложенные в форме дневника по отдельным годам.

Поразительна память деда, приведение точных дат, числа своих учеников по годам, сроки начала и окончания занятий, дословные записи отдельных разговоров и встреч. Интересны краеведческие факты, зарисовки типов, характеристики людей, описание различных обычаев и общественных событий. Своеобразен и язык деда, лексикон и обороты прошлого, которые мы по возможности постарались сохранить.

Дневник деда был бы достоин отдельного опубликования, если бы в интересах целостности и полноты не дополнялся устными воспоминаниями его детей и друзей, которые автор настоящих записок частично помнит с детства, а предметно собирал и записывал с 1968 года. Основу книги составляют записи дедушки, кроме того, автор использовал и сведения из других источников.

Человек не может ощущать себя ни нравственно, ни исторически, ни в культурном отношении полноценным без точного знания того, откуда он произошёл, как жили его предки, о чём они думали, говорили, что доставляло им радость, каковы были мелкие атрибуты их жизни или такие значимые, как исполнение религиозного долга, их потребности.

Другие люди, другие, старобытные, времена. Как хорошо звучит это словосочетание — «старобытные времена»!

Родословным русским корням нашего теперешнего поколения, памяти предков, памяти дедушки и бабушки Викторовых и их покойных и ныне здравствующих потомков и посвящается эта книга.

г. Саратов. Май 1988 года

Глава 1

Протасово. Прадед Александр Андреевич

Для охраны южных рубежей русского государства от набегов ногайцев и крымских татар в числе прочих крепостей был в 1636 году основан и Тамбов. Тогда-то и началось заселение прилегающей лесостепной и степной окраины России, место обитания наших пращуров. После того, как в 1722 году Пётр I предпринял свой персидский поход, усилилось военное и торговое значение Астрахани. В те же времена была учреждена по всей России государева почта и гоньба ямских троек. Шла она почтовыми трактами, один из которых, астраханский, был проложен от Москвы и Рязани на юго-восток по водоразделу Волги и Дона, в междуречье Цны и Битюга. Чуть южнее Тамбова подходил тракт к месту, слегка возвышавшемуся над остальной равниной, откуда истекали реки Цна, Кариан, Савала, Битюг и Бурначка. Не было здесь затруднительных водных переправ, и потому с древних времен проходили по этим местам кочевые тропы степных народов, а позднее пути прогона прасольских гуртов, проезда почт и торговых обозов. Близ таких мест и ставились первые укрепления русского государства, вслед за ними селили тут крепостных, благо, тамбовская равнина была благодатным краем: тучные чернозёмы, пышный травостой, обилие чистых рек, ручьёв и родников, кое-где леса.

В XVIII веке обширные земельные наделы получили здесь новоиспеченные графы Строгановы, потомки знаменитых сибирских основателей. В 75 верстах к югу от Тамбова, близ самого астраханского тракта возникло и поместье князей Меньшиковых. Очередной наследник, князь Александр Сергеевич Меньшиков, вступил во владение имением к началу семидесятых годов прошлого столетия. Включало оно три с половиной тысячи десятин пахотной земли, целинную степь, несколько деревень, заселённых ещё в семидесятых годах крепостными, вывезенными из каких-то глубинных мест старой Руси.

Центром имения было расположенное в красивой местности небольшое, в 40 дворов, сельцо Протасово. Жители его в начале нашего века всё ещё отличались особым, нездешним говором. В своё время владельцы имения запрудили протекавший по живописной долине ручей и образовали большое озеро длиной версты три и шириной двести сажен, обсаженное плакучими ивами, вербой и ветлой, обросшее камышом, полное рыбы, дикой и домашней птицы.

На берегу озера со старых ещё времен поставлен был и храм Божий. В церкви сей 53 года и прослужил священником прадед наш Александр Андреевич Викторов. Фамилия Викторовых на Руси стала появляться с царствования Петра I, во время которого и позднее было одержано немало славных викторий. Родился же прадед в 1816 году, вскоре после победы над Наполеоном, — стало быть, и фамилия его могла иметь известное смысловое происхождение, как, впрочем, и наследственное. Назван он был Александром в честь своего деда, состявшего священником. Можно полагать, что священнослужителем состоял также и его отец.

В 1848 году, тридцати двух лет, прадед наш заступил на своё постоянное место.

Приход его по тогдашним меркам был богатым: пять деревень, четыреста дворов, да ещё окольные. Кроме того, учил он детей в школе при храме, возился в саду с пчёлами возле сделанных на старинный манер долблённых ульев-колод и пребывал в трудах с раннего утра до позднего вечера.

В деревне дом прадеда с железной, крашенной голубой краской крышей стоял не там, где церковь, а на противоположной стороне озера. Дом был большой, деревянный, с надстроенным мезонином. Полы — из толстых, необычайно широких досок. Коридор против входной двери разделял первый этаж на две половины. Справа — многочисленные чуланы и большая кухня, где стояли русская печь, огромный обеденный стол, лавки вдоль стены, полки с деревянной посудой. В красном углу — образа. На кухне хозяйничала кухарка, тут же на полатях спали несколько работников.

По левую сторону коридора размещалась большая светлая горница, устланная полосатыми половиками, устав-

Храм, где столько лет дед служил, в хрущёвские времена уничтожили. Осталось только его изображение на поклонном кресте

ленная фикусами и горками. К горнице примыкала комната поменьше, со множеством икон и лампад — нечто вроде домашней церкви.

На втором этаже устроены были спальни, комнаты для гостей.

Из окон дома открывался царственный вид на озеро. Предки наши имели возможность селиться среди природы, отличавшейся ландшафтным великолепием.

С тыльной стороны дома на огромном дворе стояли амбары, за двором тянулся большой сад с пасекой. Держал прадед четырех хороших лошадей, выводных от бывшего когда-то в имении конно-рысистого завода, всякую скотину, кур. По озеру плавало сотенное стадо гусей. Имел он и землю.

Жить богато Александр Андреевич, видимо, начал с получения приданого. А женился он на дочери дворянина, которой не пожалел за чадом много разного добра и семь тысяч деньгами. В 1845 году сумма эта была огромной.

Жена прадеда Анна окончила в Тамбове женское епархиальное училище, была довольно образованна, сама учила своих детей первоначальной грамоте. Родила она двух дочерей и четверых сыновей.

Старшую дочь Марию спустя положенное время выдали за П. И. Орлова, ставшего вскоре за тем протоиереем в соборе уездного Воронежской губернии города Лебедяни, известного своими конскими ярмарками и торговлей. Партия это была почтенная, невесту выдавали из глухомани, и Александр Андреевич отдал за дочерью богатое приданое. Вследствие этого остальных детей принуждён был устраивать гораздо скромнее.

Старший сын Евгений окончил Тамбовскую духовную семинарию и потом служил священником в церкви при станции Мучкап Рязано-Уральской железной дороги. Двое средних сыновей окончили

ту же семинарию, после чего Павел заменил отца в качестве учителя во вновь открывшейся протасовской земской школе, а Андрей с многочисленной семьей устроился псаломщиком в одном из приходов на стороне. Младшая дочь Анастасия по слабости здоровья замуж не выходила и оставалась дома.

Дед наш, Фёдор Александрович, самый младший из детей, родился 13 июня 1858 года, т. е. еще при крепостном праве. Отец сам нарёк его Фёдором. Учился Фёдор сначала тоже в духовной семинарии, но оставил её по болезни, а затем экстерном держал экзамен в Тамбовском учительском институте, и в конце концов стал учителем в селе Александровка, имении графа Строганова в 40 верстах от села Протасово.

В 1906 году, когда минуло ему девяносто, прадед умер. Он лежал в гробу белый как лунь, с длинными седыми волосами, распущенными по груди и плечам, в белой домотканой рубахе. Незадолго до того привозили к нему внуков прощаться. На отпевание и похороны своего почившего в Бозе духовного пастыря съехалась вся округа, заставив телегами сплошь берега озера. Тем, кого венчал он в самом начале, было уже под восемьдесят. Родителей их он отпевал и поминал, сынов и внуков крестил-венчал, крестил и нарекал правнуков. Выучил грамоте целое поколение. Знали и любили его как человека большой доброты, простого, по-своему близкого народу, жившего принятой в то время правдой. Все девяносто лет его прошли без великих перемен, при одних и тех же порядках.

«И помянул Господь его во царствии своем и спас душу его».

Похоронили Александра Андреевича в склепе, устроенном в церковной ограде. Обильный поминальный обед свершился в доме покойного. Ели-пили в кухне деревянными ложками из деревянной посуды, сидя на длинных лавках. С полатей глазели на взрослых мно-

гочисленные внуки. До нашего времени сохранилось письмо Александра Андреевича, писанное мелким бисерным почерком любимой дочери Маше и семье её:

«Любезнийшие наши Дети!

Пётр Ивановичъ!

Маленькие Внучатки!

Мамаша благополучно приехала, благодарю Васъ, что её отпустили.

Новостей у насъ асобенных нетъ, только недавно был пожар который насъ больно перепугалъ, против насъ сгорело два двора, Карпуха Корниловъ и Семёнъ Ивановичъ, же нас Бог помиловалъ, отъ насъ дулъ ветеръ сильнейший.

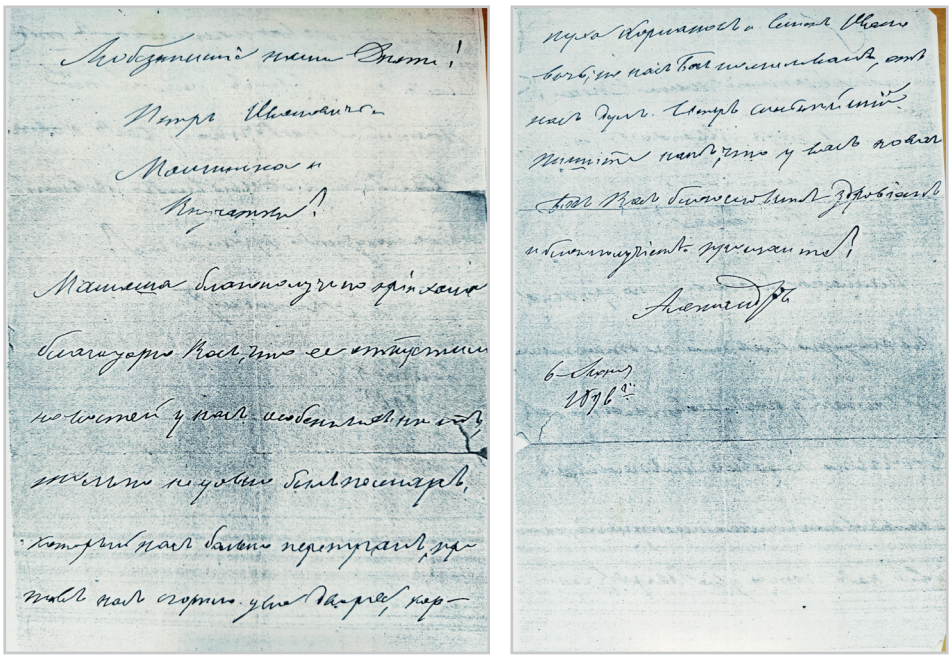
Пишите намъ, что у васъ новаго.

Бог Васъ благословит здоровьемъ и благополучиемъ. Прощайте!

Александръ.

6 июня 1896 г.»

Ещё несколько лет хозяйствовала в доме жена его Анна («бабаня», как звали её внуки), маленькая, сухая, очень чистенькая и славная старушонка. Похоронили её в том же склепе, что и мужа. В отчем доме ещё многие годы жила младшая дочь Александра Андреевича Анастасия — баба Настя. Сестра, братья, племянники и внучатые племянники долго навещали её в Протасове, почитая его тем гнездом, откуда пошли тогда и ныне здравствующие Викторовы.



Письмо Александра Андреевича Викторова, 1896 г.

Детство и обучение грамоте

Из тетрадей деда Фёдора Александровича:

«1858 года 6 июня — начало моего земного существования, день моего рождения. Отец назвал меня Фёдором, что значит по-гречески «Дар Божий». Имя мне дано в честь прадеда-священника. Родина моя — село Протасово Тамбовского уезда, в 75 верстах от Тамбова, глухое степное село. Земля представляла собой ровную степную равнину с глубоким тяжёлым чернозёмом на водоразделе двух рек. Кругом было много родниковых прудов с обилием рыбы. В степных травах росли клубника и земляника. Из птиц много было куропаток, стрепетов, дроф и масса

перепелов. Климат этой местности отличался особенным здоровьем. Вот в такой-то местности прошло моё бедное детство до школьного обучения. Я рос подобно дикому степному цветочку.

Село Протасово с пятью деревнями составляло целый приход в 400 дворов при храме, построенном князем Меньшиковым. В этом приходе мой родитель прослужил 53 года. Много было заботы родителю с просвещением своего прихода грамотой. Школ не было, учителей — редкость, а были же хотя некоторые счастливцы, как умели читать и писать. Откуда же эти малые звёздочки почерпали себе грамоту? Элемент учителей составлял в то время вышедшие в заштат большей частью дьячки, пономари, сельские волостные писари. Дьячки да пономари учили грамоте большей частью в своём приходе осенью и зимой. Плату получали обычно натурой, кто что даст. Деньгами платили за учебный сезон 3 рубля или 50 копеек помесячно — кто как сладится. При этом учитель не жил в каком-нибудь определённом доме. Он ходил по очереди к каждому ученику в дом, жил у него сутки, завтракал, обедал и ужинал. Причём, в этот день хозяйка старалась угостить своего учителя и задобрить его чаркой водки в завтрак, обед и ужин. Аудиторией учителя обычно выбиралась большая изба у кого-либо из учеников. Книжки, бумага, чернила, перья у каждого ученика свои. Стальных перьев тогда и во сне не видали, а писали, по крайней мере, по селам и деревням гусиными перьями. Делалось это так. Сначала очищалась плёнка с острия, затем делали на оставшейся заостренной половине разрез так, чтобы получилось два равных острых рожка, и перо готово писать. Осталось только для изящного почерка подчищать рожки. Чтобы перо при письме было не так мягко и гибко, надо острый конец пера (рожки) подержать несколько минут в кипятке, а потом сразу остриё пера опустить в горячий песок на несколько

минут, чтобы оно было упруго, отчего волосные линии в буквах получались как можно тоньше. Многие писаки достигали в каллиграфии такого искусства и красоты, что не разберёшь с литографированным письмом. Вся операция с гусиным пером обязательно для всех учащихся делалась самим учителем.

На осьмом году меня начали обучать церковно-славянской грамоте. В 1850–60 гг. звукового метода не знали, а учили читать букво-слагательным способом: а — аз, б — буки, буки–аз получается слог «ба», а способ составления и прочтения слога назывался «читать по толкам».Родители считали время обучения грамоте не зимами, а по букварям. Так, при разговоре: «Давно ли учится сынок-то?» — отвечали: «Да третий букварь покупаю, а всё дальше азов не перелезает». Это значит, третью зиму читает в азбуке азы да склады, а дальше дело зашло в тупик.

Так вот в старину достигалась книжная премудрость!

Осенью или, вернее, зимой мама поехала в ближайшее село, там она купила у офени-коробейника букварь с киноварью, где вместо черных литер некоторые строки и начальные буквы были отпечатаны красными крупными буквами.

В старину, по народному поверью, начинали обучение детей грамоте с 1 декабря старого стиля, т. е. со дня пророка Наума: «Пророк Наум наставляет на ум».

Вероятно, в этот день и меня мама засадила за букварь, красненький, чистенький. Раскрыла после обложки первый лист, а на нём отпечатан вверху большой красный крест, а под ним красная строка. Мать прочла: «Боже, в помощь ми вонми и вразуми мя в учении сем!» Потом, указывая на крест, сказала: «Крестись и целуй крест». Я так и сделал. Затем, взяв вязальную спицу, мама стала указывать ею

в алфавите по порядку азы и называть их: аз, буки, веди и так далее всю азбуку, вплоть до фиты и ижицы. Провела по этим азам 3–4 раза и ушла. Дня 3–4 я всё учил азбуку от первой буквы до последней. Потом стал читать склады: ба, ва, гда, вра, кра, фру и т. д. После складов читали изречения из Святого писания и другие нравственные изречения. Например: «Бог гордым противится, а смиренным даёт благодать». Или: «Что посеешь, то и пожнёшь», «Корень ученья горек, да плод его сладок».

Далее переходили к чтению слов, написанных славянскими литерами с титлами: простыми и буквенными по порядку азбуки. А) Ангельский, Архангельский, Б) Бог, божество, В) Вера, Г) Господь, госпожа и т. д.

После титловых слов читались краткие молитвы, молитва Господня, 10 заповедей, заповедь блаженству, Символ веры, молитвы перед вкушением и после вкушения пищи, молитва Животворящему кресту, «Да воскреснет Бог!» и псалмы: 50-й «Помилуй мя, Боже!» и «Живот в помощи Всевышняго» — 90-й псалом. В самом конце азбуки на последней странице печаталась таблица умножения.

После азбуки читали и краткую святую историю Ветхого и Нового завета, и краткий катехизис И. Филарета. Усвоивши хорошо механизм чтения, читали часовник, псалтырь и Евангелие. После азбуки мне дали часослов. Читал я в нём без разбору, где вздумается.

На другой год весной я ходил учиться к волостному писарю в волостное правление, где было человек 12–15 крестьянских и дворовых мальчиков от 9 до 12–13 лет. Учитель наш, писарь, лицом был рябоват, нос удлинённый, усы редкие, щетинистые, волосы носил недлинные, в «кружок», с гоголевской прической, характер имел холерический, рубашку носил ситцевую, опоясанную ремнём, поверх руба-

хи — жилет с берестовой табакеркой в боковом кармане. Для выезда в церковь надевал длинную, ниже колен, черного сукна поддёвку. Занятия начинались утром с 8–9 часов с чтения статей из тех книг, какие он имел у себя. Один читал Евангелие, другой краткую святую историю, иной часовник или псалтырь, а некоторые читали книгу гражданской печати, купленную у офени-коробейника».

Учёба. Начало пути

Весной 1868 года для подготовки к поступлению в Тамбовское духовное училище отвезли Федю в соседнее село в дом тамошнего священника, где с несколькими другими учениками он занимался зубрёжкой грамматических правил, склонений и спряжений, таблицы умножения, сложения и вычитания до миллиона да многочисленных молитв. И ни одной басни Крылова! То же самое и всё лето дома.

Глава семьи Александр Андреевич для Феди с двумя старшими братьями, которые уже учились в Тамбове, назначил выезд на 16 августа, после Успенья.

Сборы и проводы были по-русски долгими.

Накануне отец отслужил обедню, дал сыну просфору. Ужинали всей семьёй и перед сном снова молились Богу. До полуночи мать ходила по дому, собирая в дорогу вещи, перемены белья и прочее. А утром все встали в четыре часа.

Отец напоил и накормил лошадей, уложил в ящик телеги мешки с мукой, пшеном и овсом, кинул сена. Мать возилась на кухне. Старший брат пересчитывал бельё. А Федя с грустью увязывал в пачку кни-

ги, которые брал с собой. Немногочисленные игрушки свои сложил в два больших лаптя, прикрыл тряпицей и, увязав верёвкой, спрятал их высоко под крышей сарая. Наконец, все сели завтракать, включая няню и кучера. Если блины с маслом, сметаной, яичницей, пили чай.

Мать завернула в бумагу дорожную провизию: горячие пышки, хлеб, ломоть жареной баранины, печёных цыплят. Когда всё было готово, лошади запряжены в телегу и поставлены у крыльца, а поклажа укрыта от дождя большой конской шкурой, все снова собрались в доме и присели перед дальней дорогой. Потом каждый прочёл молитву, а по молитве подходили к отцу и матери под благословение по порядку возраста. Мать сказала Феде: «Господь с тобой! Не шали…», — и две слезы побежали у неё по щекам. «И в этот момент я как-то особенно прозрел в сердце дорогой моей мамы, я ничего не мог выразить словами, но сердце всё чувствовало, всё понимало», — напишет дед в своих тетрадях через 65 лет.

Шестилетние духовные училища того времени (три класса с двухгодичным сроком обучения в каждом) состояли в ведении Епархиальной духовной консистории и предназначались главным образом для детей из семей священнослужителей.

В том 1868 году и вплоть до 1874 года в них, так же, как и в духовных семинариях, сохранялись старые порядки, хорошо описанные в помяловских «Очерках бурсы». Учителя были консервативными, преподавание и обучение было основано на зубрёжке, от себя пояснений не делалось, чтение не поощрялось. В училище процветала казарменная дисциплина, поддерживаемая бессмысленными наказаниями в виде порки, стояния на коленях, оставления без обеда, сажания в карцер и записи в штрафной журнал. Неспособные, ленивые, отупевшие образовывали обширную прослойку «камчадалов», сидевших в каждом

классе по два, а то и по три года. Многие уж и брили, а то и отращивали бороды. Среди учеников была очень популярна игра «кулачки». Большинство из них (особенно бурса) жили в общежитии, полном клопов, в тесноте и духоте. На завтрак полагалась кашица с «елеем сарептской вдовицы», на обед щи да каша, на ужин тоже, чаю не давали. Одевались, кто во что горазд — одежда и сапоги большей частью были на вырост.

Лучше жилось своекоштным, вскладчину снимавшим комнаты сразу с питанием.

Дед наш Фёдор поступил в духовное училище десяти лет отроду. На вступительных экзаменах прочёл он восемь строк гражданской печати, сказал молитву Господню «Отче наш», а потом на листе бумаги написал свою фамилию и имя. Жил сначала с братьями своими коштом на Киркиной улице у хозяйки Матрёны Васильевны Лисицыной под командой «квартирного старшего» семинариста Д. Н. Кобякина. Помимо обычных предметов зубрил латынь, греческий, закон божий, навыкал к училищным порядкам и дисциплине, предавался проказам вместе со всеми. Вот, например, как-то раз запустили в класс галку с оборванным хвостом и приделанным мочалом — то-то было шуму и смеху.

При духовном училище было три основных, «синодальных» класса (т. е. содержащихся на синодальные средства), был ещё класс — так называемый «причетенский», откуда выпускали дьячков и пономарей. Попадали в этот класс, в основном, малоуспешные казённокоштные ученики из семей с небольшим достатком, которым не было смысла и возможности учиться в духовной семинарии. В основном, это и были «камчадалы». Главными предметами в таком классе были изучение и пение сольфеджио по церковному, так называемому цефаутному ключу, пение по нотному обиходу восьми гласов на «Господи воззвах»,

на «Бог Господь» с тропарями; пели также догматики, прокимны, ирмосы восьми гласов, задостойники великих праздников, евангельские стихиры, заучивали особенные нотные напевы Великого Поста, Страстной и Пасхальной седмиц. Церковные ноты заучивались, хотя и механически, но зато твердо, что называется, назубок. Например: ми-ре-ми, фа-соль-фа-ми-ре, ми-ми, ми-ре, соль-фа, ми-ре… По этим нотам требовалось пропеть догматик первого гласа «Всемирную славу от человек прозябшую»… Пели всегда громко, с выдержкой такта. Так как в этом классе учились все великовозрастные, то и вырабатывались у них сочные, могучие, неутомимые и закалённые голоса — басы и тенора. Самых лучших брали в архиерейский хор, давали места при градских церквях во диакона или псаломщика, по старому названию — дьячка.

Другой важный предмет — изучение церковного устава по книгам богослужебным октоиху с минеей, порядка Всенощной, литургии и прочих церковных треб. Твёрдое и бойкое чтение часослова, псалтыри и праздничных паремий. Учились в этом классе год, но некоторые высиживали по два, по три года. Каждый выпуск распределялся по указам консистории по сельским приходам во дьячки и пономари. Большинство из выпускников были бедные или круглые сироты.

Премудрость церковного пения и служб постиг со временем и наш дед.

* * *

Большое впечатление на деда в то время произвело чудотворное избавление жителей Тамбова от холеры. Это событие, видимо, сыграло значительную роль в определении его жизненного пути.

Из тетрадей деда:

«Летом в июне 1871 года появилась сильная холера. Не успевали рыть могилы и хоронить покойников. Их возили целыми десятками на кладбище. Многие жители из страха заразиться холерой разъехались по дачам, сёлам и другим городам. Тамбов опустел, приуныл, у многих горожан было большое семейное горе от безвременной кончины близких родственников. Многие матери и жёны надели чёрные платья и платки на головы из чёрного крепа.

В такие тяжёлые времена русский народ всегда обращался с покаянной молитвой к небесной помощи. Жители послали петицию в Синод о разрешении поднять Вышенскую Казанскую чудотворную икону Божьей Матери. Просьба была удовлетворена, и депутация Тамбова с надлежащими документами прибыла в Вышь получить святыню. Для сопровождения её игуменом был назначен усиленный штат иеромонахов с послушниками на четыре смены для совершения молебнов.

Когда жители узнали о дне прибытия иконы в Тамбов, все старые и малые вышли к слободе Донской встречать святую икону. Шествие из Донской в Тамбов делалось всё торжественнее, народ примыкал к шествию из соседних сёл и деревень. За городом икону встретило всё городское духовенство во главе с епископом. Подъём религиозности был могуч и величественен.

На другой день после поздней литургии икона, согласно составленному расписанию, с очередными монахами была носима по домам с пением краткого молебна и водосвятием. С иконой ходили и днём, и всю ночь до ранней обедни.

Через 2–3 дня холера стала стихать, а через неделю не было ни одного случая холерного заболевания, хотя в это время медицинская помощь совсем ослабела в своих действиях. Истина была налицо: совер-

шенно без посторонней внешней деятельности холера прекратилась не случаем каким-либо, а единственно через ходатайство и молитвы Божьей Матери перед Богом, Спасителем нашим.

В память этого чуда — прекращения холеры — и милости Божией жители постановили впредь на все времена приносить в город сию икону к 15 мая и построили на Пятницкой площади часовню в честь Чудотворной Вышенской иконы Божьей Матери».

* * *

«В шестидесятых-семидесятых годах в семинарии был обычай праздновать 1 мая. В этот день все воспитанники семинарии собирались во дворе перед квартирой ректора и, когда он выходил во двор, чтобы пройти в корпус в сборную преподавательскую, вся семинария, построившись в ряды, громко нараспев просила рекреации, т. е. освободить их в этот день от занятий: «Dominus rector, rogamus recreacionem!» Ректор был доволен такой встречей его. Разрешал им отпуск, при этом делал предостережение, чтобы поведение вне города было благообразно и скромно, чтобы не класть чёрного пятна на alma mater. Радость и восторг были неописуемы. Через час семинаристы, кто имел средства и желание подышать загородным свежим воздухом, заранее запасшись ложками и солью, на складчину купили пшена, молока, яиц, масла, колбасы, ветчины и обязательно горилки. На нанятых лодках плыли по реке за архиерейский хутор, а другие по реке и лесу, там выбирали подходящее место поблаженствовать на лоне природы. Причалив лодку к берегу, кто-нибудь из товарищей шел набирать топлива для варки кашицы с ветчиной, сдабриваемой молоком и маслом. За выпивкой ели колбасу и ветчину. Все были радостны, шутили и смеялись.

К вечеру поздновато возвращались по своим квартирам, причём, поклонники Бахуса были с порядочным туманом в голове».

* * *

Духовное училище Фёдор не закончил — заболел перед экзаменами и в первый, и в повторный год. Семнадцати лет вернулся он к своим расстроенным родителям, не зная, что делать, ибо не оправдал он их надежд и чаяний.

Но судьба вскоре всё устроила. Знающие люди посоветовали поступить в учительский институт, да только в младшие классы деда не приняли по урослости, а в старшие — по отсутствию должной подготовки. Решил он сдавать экзамен на учителя начальных школ экстерном. Накупил учебников, достал программу, да и уехал к родному дяде (брату отца) в Борисоглебск.

Дядя служил протоиереем в местном соборе, слыл хорошим проповедником, был образованным человеком. Он-то во многом и помог подготовиться, тем более, что смог потом, как видно, оказать протекцию при сдаче экзаменов в местное уездное училище. Через полгода, 2 января 1876 года, Фёдор написал сочинение на тему «Польза грамоты», сделал переложение басни Крылова «Пустынник и медведь» с выводом нравственной и практической морали и решил арифметическую задачу на простые числа. Потом держал устные испытания и провёл два урока в церковно-приходской школе. А через две недели получил он постановление Училищного совета об определении его вторым учителем в село Бурнак Борисоглебского уезда.

«Слава Богу! — писал дед. — *Радость и восторг! Думал о том, что теперь я сниму хоть некую долю горечи моих родителей! Осо-*

бенно потому, что избавлялся я от «лобового», т. е. от забрития лба и воинской повинности, которая тогда продолжалась около шести лет».

* * *

Радушно встретил молодого учителя отчий дом. По приезде забрался Фёдор по старой детской привычке на родную кухонную печь обогреться после зимней дороги. А через три дня, наняв возницу и напутствуемый благословением родителей, поехал на должность к месту своего нового пребывания, в село Бурнак. Устроился там у родственников жены старшего брата. Отвели ему койку в углу общей комнаты, назначили за содержание умеренную плату — семь рублей в месяц. Назавтра объявился Фёдор Александрович в волостном управлении, сдал документы и узнал положенное ему по штату жалованье — десять рублей.

Расположенное в треугольнике слияния двух рек село Бурнак было картинно красиво. В середине села — большая деревянная церковь, волостное правление, каменные дома, два магазина — мануфактурный и галантерейный, множество лавок, трактиров, харчевен, постоялых дворов, пекарен с выпечкой калачей и баранок. Зимой шумела тут Сретенская конная ярмарка, на которой продавались разводимые в округе крестьянские тяжеловозы — битюги. В те благодатные времена водились в здешней речке Савале сомы до трёх пудов, лещ, окунь, карась, щука, плотва и сазан. Окрестности кишели водоплавающей пролётной и гнездующейся птицей. Рыба и дичь продавались на ежедневном базаре и в буфете при станции железной дороги.

Школа оказалась небольшой: 18х12 аршин (12,5х8,5 м) и в высоту 3,5 аршина. 120 учеников, разбитые на три отделения, занимались

в одной комнате одновременно, сидели за партами по 8–10 человек в ряд, писали на грифельных досках.

Первый учитель занимался со старшими, а Фёдору Александровичу отдал первозимников — 70 человек. Фёдор перекликал их по списку, а потом стал знакомиться — оказалось, половина-то даже по слогам читать не умела. Долго не мог привыкнуть он к ведению уроков, чувствовал, что робеет, что краска заливает лицо. Потом обвык, стал осваивать с учениками новый звуковой метод сложения слов по Ушинскому, учить счисление. Неуспешных постепенно становилось меньше. Водку наш дед смолоду не вкушал, табак не курил, в потребностях был скромен и экономен. Вскоре его пригласили петь теноровую партию в церковном хоре. Положил ему ктитор церкви вначале 5 рублей в месяц, потом увеличил до 7 рублей. Так что к концу третьего месяца получал Фёдор Александрович уже 17 рублей, из них по 10 рублей ежемесячно стал он откладывать.

Природная наблюдательность позволяла молодому учителю видеть много интересного вокруг. В своих воспоминаниях описывает он проходившую в селе ежегодно осеннюю ярмарку: горы яблок, арбузов, дынь, моркови, картошки, редьки. Яркие ленты, расписные пряники, карусель, балаган с Петрушкой.

Чубатые парни приглашали своих невест качаться на качелях. А родители их со свахой тем временем в трактире чаёк попивали да нахваливали своих детушек. Свадьбу уговаривались играть «на Казанскую», то бишь, в престольный сельский праздник, 22 октября. Заодно и праздничный харч-то получится один.

Волну патриотических чувств в русском обществе вызвала Балканская война 1877–78 гг. против Турции. В дни, следовавшие за освобождением болгарских городов, всей школой ходили к торжественной

литургии. После неё в классе Фёдор Александрович читал ученикам газетные телеграммы и распускал их по домам. Поздним вечером купцы жгли на селе смоляные бочки, а простые жители — лагунки или просто дрова, обрызганные керосином. Восторги и ликования были всеобщими, так же, как и гнев против турок, мучителей болгарского народа.

Испокон веков вся семья Викторовых, включая и самого деда Фёдора Александровича, была, как видно, воспитана в любви к царю-батюшке. Вот почему в своих записках дед горько сожалеет о покушении «злоумышленников» на Александра II и кончине августейшего мученика в 1881 году («Солнца закат за вечный горизонт», — пишет дед). Проникновенно поёт он в хоре панихиду «Со святыми упокой» и «Вечную память», благолепно слушает Манифест о восшествии на престол Александра III. Присягу на подданство новому императору сельские жители приняли на площади у церкви. Поставили налой, положили текст присяги. Пришёл священник, надел епитрахиль и показал, как надо держать пальцы. Потом священник громко и нараспев говорил слова присяги, а народ хором их повторял. В храме была провозглашена «Многая лета».

* * *

Прошло шесть лет на одном месте. Жалованье нашему деду постепенно увеличили до двадцати рублей. Ученье детей он освоил хорошо. Всё время пел в церковном хоре. Завёл хороших знакомых и часто встречался с ними в домашней обстановке; угощали его закуской, баловали чайком да задушевной беседой. Обсуждали газетные новости. В летнее время дед дополнительно репетиторствовал с детьми богатых сельских торговцев и коммерсантов, готовя их на дому

к поступлению в какое-нибудь училище. К Успенью ездил в Протасово к родителям, там отдыхал, убирал урожай слив и яблок и с двумя мешками фруктов, обычно перед Воздвиженьем, возвращался в Бурнак.

В Бурнаке же, между тем, сменился школьный смотритель, а новый стал вмешиваться в преподавание, что встретило дружный отпор учителей. Вследствие этого осенью 1883 года Фёдор Александрович был переведён учителем в село Спасское на Елани Козловской волости.

* * *

Школа в Спасском была совсем маленькой — 10х8 аршин (7х5,6 метра) с 45 учениками. Герб Тамбовской губернии — три жёлтых улья в зелёном поле — Фёдор приделал снаружи, портреты царя и царицы повесил внутри, обновил школьный инвентарь и впервые стал вести обучение самостоятельно.

На квартире тоже устроился хорошо: снял небольшую горенку с «итальянским окном» через коридор от хозяев. В горенке дедов сундучок, печка, железная кровать с керосиновой лампой, табурет. На стене недавно купленная скрипка. В углу три иконы лубочного письма. За постой с дровами, овощами и молочными продуктами плата восемь рублей в месяц. Мясо, чай, сахар, керосин молодой учитель покупает от себя.

Быт, нравы, хозяйство местных жителей, краеведческие факты привлекают его внимание и подробно записываются.

«Копали яму под фундамент церкви рядом с селом на возвышении, у изгиба речки Елани — нашли братское захоронение русских воинов, погибших в схватке со степными ордами; три воза костей отвезли на кладбище и предали земле с панихидой».

«Душевой земли у спассцев много — по 12–15 десятин пашни, её сдают в аренду под лён и пшеницу. В солончаковой степи на полыньях вывели особую породу тонкорунных овец. Курдюк у них хорош с салом, а мясо «с прорезью». На всех ярмарках за спасских овец прасолы дают прибавку цены».

«Грешат многие местные жители краденными лошадьми, коих гонят преимущественно с Дона. Скупают их, держат в табуне в степи. Когда там лошадки к осени осытеют, их и перегоняют дальше — за Тамбов, Пензу и к Нижнему Новгороду».

«Издавна спассцы не привыкли заниматься хлебопашеством — такое уж село. Раньше многие в отхожие промыслы ходили — в бурлаки на Волгу, по сёлам да ярмаркам раёшниками, коробейниками. Теперь вот кто в торговлю ударился, а кто скупает с осени урожай озимых, в рост деньги даёт. Судятся много из-за долгов, особенно с жителями окрестных деревень».

Граф П. С. Строганов

Граф Павел Сергеевич Строганов был последним по мужской линии потомком известных в XVI-XVII веках Строгановых — освоителей Сибири, возведённых тогда в звание «именитых людей». Были они сподвижниками царей, на важнейшие государевы дела ссужали деньги, открыли множество руд, построили десятки заводов, учредили крайне выгодную для России торговлю с сибирскими народами.

При Петре I Строгановы жалованы были в бароны, потом возведены в графы. В XIX веке стали они одними из крупнейших дворян

и землевладельцев России, занимали крупные государственные посты. Граф Сергей Григорьевич Строганов (1794–1882 гг.), генерал-адъютант, археолог, московский генерал-губернатор, участвовал в боях под Бородино, в Русско-турецкой и Крымской войнах. Ко времени освобождения крестьян в 1861 году имел до 95 тысяч крепостных душ.

Сын его, Павел Сергеевич (1823–1911 гг.) — генерал-аншеф, в государственной службе преуспел меньше отца, состоял при дворе в свите Его Императорского Величества, был поставщиком царского двора. Земельные владения графа располагались в Херсонской, Харьковской, Тамбовской губерниях — всего 56 тысяч десятин составляло его тамбовское имение, простиравшееся от реки Цны через волостной центр Знаменку на 45 верст в западном направлении. Половину владения составляли пахотные земли, остальное — целинные, как говорили, адамовская степь, залежь 40–50-летней давности, кое-где леса. Кроме Знаменки в имение входили еще и бывшие строгановские крепостные села: Сергиевка, Измайловка, Альшанка, Ключёвка, Ерофеевка и Александровка, да много хуторов. Крестьяне их в 1861 году вышли из неволи с полным наделом земли в три десятины на душу.

Кругом лежали такие же крупные имения дворян и помещиков — Миллера, Болдырева, Лихарева, князя Лейхтенбергского.

Имение графа Строганова поделено было на семь участков согласно названию деревень, во главе каждого состоял заведующий земельным участком. Большая часть графской земли сдавалась в аренду мелким помещикам и крестьянам из расчёта сравнительно недорогой цены 3–5 рублей за десятину 30х80 саженей. На меньшей части велось собственное, по передовой агрономической науке, зерновое хозяйство, а также молочное скотоводство с производством фирменного сливочного масла. Громадные масляные круги клеймились графским клей-

мом с именем владельца и поставлялись в обе столицы, на экспорт и ко двору. Ко двору же из херсонских поместий поставлялись и виноградные вина. Заправляли выделкой масла немцы — на молочных фермах была чистота, работницы ходили в белых халатах.

Не обременённый большими государственными делами уже пожилой граф больше всего жаловал своё тамбовское поместье, где и проводил в общей сложности до шести месяцев в году. Приезжал в Знаменку обычно к 1 мая, иногда к Троице, самое позднее к 29 июня — Петру и Павлу, дню своего ангела. Железнодорожная станция при Знаменке так и называлась — Строгановская.

По приезде граф с приближёнными и служащими стоял обедню в Знаменской Петропавловской церкви, слушая в свой адрес «Многие лета», причащался. Графский выход из церкви и последующая поездка в коляске к дому согласно древним обычаям сопровождались раскидыванием медных и серебряных денег. В поместье на графском дворе ставились столы с праздничной трапезой для всех желающих. Народу в таких случаях, особенно к денежной раздаче, собиралось много, и была давка.

Двухэтажный графский дом, поставленный большим полукружьем с крыльями, верандой и широкими своими лестничными сходами был обращён к саду с розарием. На верхних ступенях сходов толпились местная власть, гости, служащие. На коляске выкатывалась недавно обезножившая графиня. Одетый в придворный вицмундир, с лентами и орденами, но без треуголки и шпаги граф выходил на несколько ступенек вперед и останавливался с приятной улыбкой. В этот момент фотограф делал снимок (фотографии потом дарились присутствующим), после чего совершался именинный обед. Из графских подвалов подавались столетние вина, закупленные в Крыму и Херсоне.

К вечеру из Тамбова прибывала ежедневная графская почтовая тройка, привозила поздравительные письма и телеграммы и текущую почту.

Жена графа действительно недавно лишилась ног, вынужденно оперированных выше колена. Её целыми днями возили в коляске по саду и вокруг большой розовой клумбы, в центре которой было похоронено несколько её собачек.

Отчасти по причине благополучного спасения жизни супруги Павел Сергеевич в своём тамбовском имении был щедр на различные благодеяния. Арендная плата за землю устанавливалась невысокой, цены на отпуск хлеба, строительных материалов были низкими, расценки на работы, жалованье служащим были хорошие. Каждый стремился получить работу в имении графа. Говорили, что если бы граф землю продал, а деньги положил в Государственный банк из расчёта принятых тогда 7 % годовых, то доход у него был бы выше.

Служащим трижды в год — на Рождество, Пасху и ко дню ангела графа — выплачивались наградные: по сто рублей и более. Мука, крупа и некоторые другие продукты поставлялись служащим из хозяйских амбаров. Разрешалось за счет экономии держать скотину, брать корма. Делалось это для того, чтобы устранить воровство. Бедным крестьянам оказывалась помощь: в неурожайные годы по низкой цене продавался хлеб (большинство брали его в счет отработок). Погорельцам тотчас же выдавались брёвна на сруб согласно справке сельского писаря. Этим часто крестьяне пользовались. Бывало, нарочно загонят в болото старую или больную лошадь, или корову и идут за помощью к управляющему графа. Стремился граф обеспечить к себе хорошее отношение, быть «отцом родным» бывшим потомственным крепостным своего рода, и надо сказать, что в деле этом весьма преуспел.

* * *

Дед наш Фёдор Александрович о порядках в имении Строгановых узнал в 1885 году, когда в летние каникулы приехал в Тамбов и учился там у соборного регента церковному хоровому пению. К тому же обнаружилось, что в имении графа в селе Александровка вскоре должна освободиться должность учителя начальной школы, а священник в Знаменке, резиденции графа, является бывшим товарищем отца соборного регента по бурсе. Он-то и составил протекцию в части получения аудиенции.

Дальнейшее дед описывал следующим образом:

«Принарядился я в приличную чёрную пару (сюртук). Через чёрный ход прошёл в «лафис» (офис) и пришёл в изумление: думаю, не сюда я попал. Глазам моим представилась большая комната, посредине неё стол, покрытый снежной белизны скатертью; за столом сидят несколько человек мужчин и женщин. Одни из них пьют чай, другие кофе, а кто шоколад. На столе в фарфоровых и хрустальных вазах наложены сухари, пирожки и разные печенья. При входе в эту комнату я вежливо всем присутствующим сделал общий поклон и подошёл к окну…

Сидящие за столом все были одеты в костюмы из дорогого материала. Мужчины в чёрных фраках, брюки и жилет необыкновенной белизны, на руках снежной белизны перчатки. Дамы все одеты на шик, по последней моде, в шёлковых и др. материях; у всех надеты золотые украшения. Словом, я бы назвал их блестящей публикой. Один из сидящих, мужчина телесною солидностью своею пудов 6–на–7 подошёл ко мне, попросил сесть на стул к столу и предложил мне стакан кофе. Я принял его предложение с благодарностью и выпил стакан кофе, насыщенного обильно, с печеньями. В ту минуту он меня спросил: «Ваш

визит какое имеет значение?» Я ответил: «К его сиятельству по личному делу».

Когда я выпил кофе, подходит другой субъект, сильно упитанный, красивый, нарумяненный, в форменной, особого покроя, ливрее; металлические пуговицы с гербом графа.

«Вы что, к графу?» — «Да».

Он пошел по коридору куда-то. Через минуту приходит и приглашает меня идти за ним. Сначала прошли коридором в столовую, из столовой вошли в круглую гостиную. Перешагнув порог этой комнаты, проводник указал мне место, где стоять и ожидать появления графа, причём указал мне направо дверь кабинета, откуда выйдет ко мне граф. В ожидании видеть графа я простоял пять минут приблизительно. В эти минуты сколько было пережито в душе самых жгучих моментов между надеждой и отчаянием.

Господи, помоги мне! Вразуми меня! Мати Божия, защити меня! Святитель Николай милостивый, будь за меня ходатаем! Решительный момент, в нём судьба моя! Будь твёрд, смелым Бог владеет!

Наконец, из кабинета вышел граф. При виде его я расшаркался, поклонился и замер в почтительной позе, держа руки по швам. Пока он доходил до меня, я окинул его взглядом с головы до ног. Это была тощая, живая, элегантная аристократическая фигура с симпатичным добрым лицом. Идя по паркету, отполированному как зеркало, он скользил по нему какой-то особой непредсказуемой походкой. Лицо чисто выбрито, с маленькими бакенбардами. Одет по последней моде, аристократически. Когда приблизился ко мне, я ещё раскланялся с ним и приветствовал: «Здравствуйте, Ваше Сиятельство!» Потом сказал, кто я такой, откуда и что мне нужно. Начался разговор.

– Ваше Сиятельство, из достоверных источников мне известно, что ваш учитель в селе Александровка намерен определиться во диаконы в селе С…, а потому я осмеливаюсь беспокоить Ваше Сиятельство своей покорнейшей просьбой в случае его определения во диаконы иметь меня ближайшим кандидатом учителя в вашу школу.

– У меня учитель есть в Александровке. Я ничего не знаю, и управляющий мне об этом ничего не докладывал.

– Учителю Александровки невыгодно заявлять Вашему Сиятельству об этом. Вы ему откажете, и во диаконы он, может быть, не поступит. Но я знаю верно, и заведующий Александровского хутора Шведов говорил, что он собирается оставить Александровку. Я, Ваше Сиятельство, прошу Вас условно: иметь меня первым кандидатом тогда, когда в Александровке свободным будет место учителя.

– Я не могу этого сделать, у меня в Александровке учитель есть.

Что делать?! Наконец, говорю графу:

– Ваше Сиятельство, я человек бедный, о вашей Александровской школе ничего не знал до сего времени. Я приехал за 150 верст по пригласительному письму вашего священника в селе Александровка отца Ермила. Он любитель церковного пения и желал бы организовать хор, а хором управлять я могу.

Для графа священник отец Ермил был авторитетом, и тогда он сказал, чтобы я шёл в контору и передал бы управляющему письменно свой адрес. Так я и сделал».

А вскоре дед получил от тамбовского Училищного совета постановление от 12 сентября 1885 г. об определении его учителем в село Александровку «по воле и желанию графа П. С. Строганова».

«Слава Богу за всё!», — записывает дед в своей тетради. 25 последующих лет (1885–1910 гг.) проработал он в имении графа в качестве

учителя начальной школы и регента церковного хора в селе Александровка.

Школа в Александровке

Школа размещалась в здании бывшей церковной караулки. Тесовые сени вели в прихожую, где была устроена постель сторожа. Стояли колодки для плетения лыка — лыковые вязанки мокли тут же в лохани. Сюда выходил маленький чулан, где хранилось грошовое школьное имущество, и устье печи-голландки, встроенной в простенок. Единственное классное помещение было невысоко и бедно светом, полы вымощены кирпичом. В переднем углу несколько старых церковных икон, в другом — шкаф с книгами. На стенах печатные картинки, наклеенные на картон.

Прежде чем заступить на должность, Фёдор Александрович ещё раз представился графу, и тот «подчеркнул заниматься также и по Закону Божьему» вместо многосемейного отца Ермилы. В барском доме на Александровской усадьбе отвели ему квартиру из двух комнат с прихожей по правую сторону от парадного входа. В вотчинной конторе получил он старый диван, железную кровать, стол, этажерку для книг да полдюжины венских стульев. Столоваться стал у управляющего Александровским хутором Владимира Евграфьевича Шведова, молодого человека двадцати лет, который вместе с тёткой занимал квартиру в том же барском доме. Год назад под номером первым окончил Шведов Московскую земледельческую школу, а до того воспитывался в имении Новосельцева, где ранее состоял управляющим его покойный отец. Имение это расположено было во Мценском уезде Орлов-

ской губернии. По женской линии Шведовы шли от Леоновых, общих наших предков.

Занятия в школе, как вспоминал дед, никогда почти не удавалось начинать раньше середины сентября по той причине, что шла ещё молотьба и дети помогали взрослым. Все торопились закончить работу к Сергиеву дню, 25 сентября, когда праздновался престольный праздник, игрались свадьбы, и целую неделю вся Александровка спивалась. Поэтому иногда занятия в школе задерживались до 2 октября, т. е. начинались сразу после Покрова.

Учились в школе обычно 60–70 человек, 35 — в первом отделении, 20 — во втором и 15 — в третьем. Много было второгодников. Сначала двоечников почти и не было, лишь со временем стало их в школе по 8–12 человек. В школе все три отделения учились одновременно, сидели за партами по 8–10 человек за каждой. Сначала и не раздевались даже, лишь потом появилась вешалка.

Занятия шли с 9 утра до часу дня, начинались они с молитвы «Ко святому Духу», кою прочитывал дежурный ученик.

Перьями писали уже металлическими, а грифелем на аспидных досках. По окончании занятий читалась молитва «Достаточно есть …»

Здание школы располагалось недалеко от церкви, и взрослые — свадьба ли с поезжачими, родители, а то и просто крещёный люд — то и дело заглядывали в школу. Какая-нибудь сердобольная мамаша отворит дверь в класс и спросит: «Как тут Гришутка-то наш? Чай, есть хочет. Вот каравайчик принесла ему тёпленький. Не бойся, учитель, сейчас обоимемся и уйдём».

Приходит другая мать, говорит: «Ты, учитель, взял бы ещё к себе нашу Анютку. А то их семь ртов, целый день они в избе-то есть просят. Вот так-то бы один лишний рот у нас убыл».

Подходили святки и Новый год. В школе появилась ёлка. Фёдор Александрович учил с детьми стихи и басни в лицах, клеил игрушки, сам играл на скрипке или приглашал гармониста, балалаечников. Дети водили хороводы с приплясом, танцевали метелицу, барыню, трепака. В заключение раздавались подарки: орехи, мятные пряники, жамки, приобретённые на пожертвования.

С половины апреля детишек в школе начинало убывать: кто огород караулил от грачей, кто телят или гусей с гусятами пас — работ по хозяйству появлялось много.

В середине мая бывали экзамены; сдавшие их получали льготные свидетельства, согласно которым срок воинской службы сокращался с шести до четырёх лет. Получали такие свидетельства от четверых до 12 человек в год.

Весной отхлопотал Фёдор Александрович у конторы участок земли рядом со своим домом, пригласил учеников и вместе с ними разделал грядки, высадил клубнику, малину, семена яблони, акации, овощи. Каждый год потом собирал он в своём саду детей и показывал, как надо прививать яблони, ухаживать за растениями. Ребята охотно ему помогали.

Водил детей в лес, в степь, на речку. Показывал птиц, гнёзда, объяснял жизнь животных, учил различать травы и цветы. Дети любили своего учителя, и душа его наполнялась благодатью.

В одну из вёсен, ближе к выпуску, в школу пожаловал граф. Прибыл он в коляске, запряжённой дышловой орловской парой, в сопровождении управляющего. Прошёл в класс, сел на стул и сказал: «Здравствуйте, дети». «Здравствуйте, Ваше Сиятельство!» — стоя отвечали они. Потом он попросил одного мальчика прочесть молитву, другого прочесть стихотворение, попросил девочку выйти и написать

на доске своё имя и фамилию. Оставшись всем доволен, граф милостиво выслушал просьбу деда о ремонте и расширении школы. «Вот эту стену, — он указал управляющему рукой на трещину в стене, — снести и пристроить к школе такую же половину».

Заменены были в школе и парты на двухместные, присланы новые учебники, а также сборники песен Соколова, 10 книг Закона Божьего, молитвенники и прочее.

В память о своем посещении граф распорядился прислать детям пакеты со сладостями и орехами.

Косовы. Женитьба Фёдора Александровича на Екатерине Александровне

Бабушка наша, Екатерина Александровна, родилась в 1859 году в селе Волково Мценского уезда Орловской губернии. Была она дочерью потомственного дворянина Александра Львовича Косова, промотавшего и пропившего своё состояние и вследствие этого служившего в уездном городе Мценске на скромной должности секретаря земской управы. Умер он в 1862 году, и отца Екатерина не помнила. Дед её, Лев Львович Косов, в составе Орловского ополчения принимал участие в Отечественной войне 1812 года, отличился, получил чин офицера, соответственно этому был жалован во дворянство. Второй его сын был полковником в Нижнем Новгороде.

Мать бабушки Наталья Фёдоровна Леонова происходила из семьи так называемых однодворцев — государственных полукрепостных кре-

стьян. По происхождению однодворцы были потомками тех стрельцов, которых Пётр I не казнил, а помиловал во время стрелецких бунтов. Правда, расселил их по сторожевой линии вдоль тогдашней южной границы русского государства отдельными караульными дворами. Отсюда и пошло прозвище «однодворцы». Можно высчитать, что шесть раз «пра» дед нашего теперешнего поколения был стрельцом. Семья Леоновых, видимо, была состоятельной. Брат Натальи Фёдоровны Василий торговал, брал откупы, имел четверых сыновей.

Прабабушка наша умерла ещё раньше своего мужа. Трёх дочерей её — Евдокию, Варвару, Анастасию воспитывали родственники. Наша бабушка Екатерина Александровна тоже воспитывалась в семье одного из родственников, агронома, состоявшего управляющим имением.

Несмотря на то, что родственник был образованным человеком, Екатерина воспитана была по-народному, окончила всего два начальных класса, писала плохо, но читала хорошо и читать любила. На своей подаренной фотографии бабушка сделала буквально следующую надпись: *«На память Володи и Ани от матири любящей вас Викторовой, 1926 год 6 января. С. Знаменка Тамбовского уезда».* Православное, народное воспитание объяснялось тем, что главным воспитателем при ней состояла старшая сестра Евдокия, богомольная старая дева в синих очках. «Тётя Даша», как звали её племянники, жила в семье бабушки и после её замужества и стала единственной, кто похоронен был на кладбище в Александровке.

Вторая сестра бабушки, Варвара, тоже осталась не замужем.

Третья сестра, Анастасия Александровна, была замужем за Васильевым. У них родилось четверо сыновей и дочь Анна, по мужу Ласкина. Семьи Васильевых и Ласкиных всю жизнь поддерживали близкие родственные отношения с семейством Викторовых.

Была у бабушки и ещё одна, двоюродная, сестра Анна, состоявшая за Евграфом Шведовым, сын которого Владимир Евграфович служил управляющим Александровским земельным участком в 1885 г., т. е. в момент переезда туда дедушки Фёдора Александровича. Бабушкин племянник Владимир Евграфович также происходил из Мценского уезда — он-то и способствовал знакомству Екатерины Александровны и Фёдора Александровича.

В записках Фёдора Александровича о женитьбе на нашей бабушке говорится следующее:

«1889 год, 29 сентября, был для меня многозначительным, счастливым и родственным. Я женился по сердцу на бедной, но рассудительной и тактичной девушке. Теперь я стал семейным человеком. Появились иные думы, иные заботы. Граф выдал мне своих кабинетных 100 рублей

на обстановку. Свадебное торжество прошло в радостной, родственной обстановке. Были, конечно, мои родители и ближайшие родственники, а с её стороны находились две сестры и её племянник — заведующий земельного участка; много было приглашённых знакомых, товарищей, сослуживцев, должностных лиц в имении графа. Граф освободил меня на целую неделю от школьных занятий».

На святки (неделя от Рождества до Нового года), т. е. во время школьных каникул, у молодых состоялось свадебное путешествие.

«23 декабря я со своей молодой отправился на её родину, к родственникам в г. Мценск Орловской губернии, у коих прожили все святки. Святками в Мценске были приглашены в городской клуб. В большом зале было более 300 человек. Играли военную музыку. Распоряжался и смотрел за порядком старшина города. В буфете изобилие было дорогого десерта, фруктов — яблок и апельсинов, всяких фруктовых вод, лимонада и сельтерской воды. Старшина и кавалеры ухаживали за дамами, в изящной и деликатной форме предлагали своим дамам что-нибудь взять из десерта и фруктов.

И смешно сказать: из прекрасного пола были такие лакомки, которые нелегально и бесцеремонно наполняли свои, вероятно, какие-нибудь особые карманы, в кои опускали их изящные пальчики взятое со стола или вазы.

Город Мценск — древний город, расположенный на реке Мсте, впадающей в Оку. В старину на этой территории жили язычники, вятичи. До проведения железной дороги из Москвы на юг он был большим портовым городом. Жители всю зиму ссыпали разные зерновые продукты в огромные двухэтажные расположенные на берегу Мсты амбары, строили на льду огромные барки, насыпали в них товар и полой водой сплавляли на Оку и дальше по назначению.

На берегу Мсты стоит одноэтажное здание — дворец Екатерины Великой, в котором она останавливалась и отдыхала, когда ехала к графу Потёмкину в Малороссию. Кроме уездного училища, других учебных, просветительских и ремесленных заведений не было. В то время, когда я в нём был, он представлял собой глухой, захудалый город. Как горожане, так и жители деревень отличаются особым выговором в словах, например, они говорят так: «у вагоне» вместо «в вагоне», или вместо «я еду в телеге» говорят «у телеге», вместо Фёдор — «Хфёдор», «снег по колено» — «у колено». Но в общем говор приятный. Жители сёл и деревень отличаются особым своим национальным нарядом, подходящим по вышивке сарафана и сорочки к малороссийскому наряду. На шее носят мониста — особое украшение из цветных бус и бисера, на голове (большею частью) — красный платок: серединой его покрывают верхнюю часть лба, а нижние концы завязывают под косой.

10 января мы прибыли в своё гнездышко в село Александровку».

Первые одиннадцать лет своей жизни Фёдор Александрович и Екатерина Александровна прожили в двухкомнатной квартире всё того же барского дома, стоящего при подворье. Здесь и родилось у них пятеро детей. Первым в 1892 году был рождён Александр.

«Один из последних дней октября для меня и моей жены был самый горчайший, мучительнейший. В душе жгучая боль от страха, отчаяния, соболезнования и сострадания; а для неё, бедненькой мученицы, муки рождения неописуемые: для них у меня не находилось ни в уме, ни на языке слов для выражения ея страданий от боли. Эти физические и душевные мучения хотя невообразимы, но осознательны и понятны только переживающему их. Вот уже девять часов вечера. С муками страдалицы и у меня мучительное, щемящее сердце, боли все увеличиваются, душит в горле, слезы льются…

Вот когда нужна вера, вот когда необходима дерзновенная пламенная молитва к Нему, который зрит каждое биение сердца, принимает всякий вздох нашего покаяния, исчисляет мельчайшие капли слёз! В такую-то благодать молитва пройдёт небеса! Боже, пощади! Неужели на этом ей предел жизни! Неужели я опять один!.. А там в опочивальне — о, ужас! Нет, я больше не могу слышать, я истерзался, я изнемог! Нет, нет, не могу!.. Всемогущий Боже, прости её! Она мученица! Прости! Прости! Слёзы душат меня и катятся градом. Я, отчаянный душевной мукой, в изнеможении падаю коленопреклонённо на пол, плачу и молю: «Прости и помоги!» Еще минута-две тягчайшего и мучительнейшего ожидания… Слышится и не верится! Крик дитяти! О, радость! О, восторг! И слёзы горячей, сердечной, благодарной молитвы неудержимым бурным потоком льются!.. Еще минута, и слёзы смыли с груди давящий тяжёлый камень. Я вздохнул, мне стало легче. Через полчаса я подошёл к ней. А она с мертвенно бледным лицом, с перемягшими губами и оставшимися на ресницах двумя слезинками, блестевшими, как росинки на цветах, смотрела на меня с радостной улыбкой. Я стал целовать её уста, щёки, голову и руки; а она всё шептала: «Сынок…»

На восьмой день по рождении мы назвали новорожденного Александром (что значит «поборник мужей» — в честь двух дедов) и спраздновали по-семейному скромные крестины.

Я каждый день по нескольку раз подходил осторожно к постельке, колыбели малютки, любовно смотрел на него, радовался и много, много думал о нём …»

* * *

«Зима следующего года была обильна снегом. Весенний разлив был сильный и дружный. Пахота и выгонка скота на пастбище начались с 1 апреля. Зеленя из-под снега вышли весёлые. В мае прошли складные дожди с промежутками. В полях всё пышно росло. В такую-то благодать я и жена с сыном поехали на мою родину к родителям показать им своего сына. Ехать приходилось вдоль обширной степи на протяжении 3–4 вёрст, по которой разбросаны были большие кусты чернолесья и тальника с котлованами между ними, в которых на всё лето скоплялась снеговая вода и водилось множество дикой птицы — уток, пигалиц (чибисов) и гагар. Вот у одной такой котловины, лежащей при дороге нашего пути, мы и сделали отдых. Кучер, отстегнув повод и чересседельник у лошади, пустил её на траву. А мы пустили своего мальчика побегать.

Как живописна, как поэтична в это время была степь! Так и просится на кисть художника. Большой простор горизонта. Степь — что ковёр персидский расстилалась во всю даль, украшенная разнообразным сочетанием цветов, над которыми волнообразными полосами трепетал и колебался накалённый солнцем воздух, унося с собой эфирное благоухание. А в синеве воздушной сотни жаворонков трепетали и замирали в зените, разнося с воздушной высоты свои серебристые разнообразные трели. Ах, как хорошо, как приятно дышать в такой ласкающей природе чистым здоровым воздухом! Как он успокоительно влияет на душу и тело! Так бы и остался здесь, и слушал бы, как в кустах перекликаются деркачи, а в степи там и сям щёлкают задорные перепела, смотрел бы, как над камышом перелетают чибисы и кобчики. Незаметно прошло время получасовой остановки. Я сказал кучеру, что пора ехать. Кучер подтянул повод и чересседельник лошади, и мы поехали дальше.

Перед закатом солнца приехали в дом родителей. Конечно, они были очень рады нашему приезду, а бабушка в особенности довольна была внучком. Ласкала его, кормила разными кашками и киселями».

Александровка

Село Александровка расположено было в 15 верстах от Знаменки, в треугольнике, образуемом слиянием рек Карман и Ключёвка. Село полустепное, всего дворов пятьсот — протянулось глаголем вёрст на семь одной-единственной улицей, она же была и главной. Та часть, что шла по южному берегу Кармана, именовалась Слюнявкой, от неё вдоль речки Ключёвки располагалась собственно Александровка, а за мостом в линию с Александровкой тянулась та часть деревни, которая носила название Ключёвка, против неё располагалась ещё одна часть села — Гумно. Между Гумном и Слюнявкой в центре оставалась большая площадь, размером с квадратную версту, в середине которой стояла церковь, рядом школа, сзади кладбище. Со стороны обширной примыкавшей к площади степи размещалось графское гумно, на котором стояли риги, амбары, омёты соломы и каменная сушилка. В подполье её была вделана топящаяся соломой печь, а в каменном полу шли многочисленные переходы-дымоходы. На стропилах под навесом крыши жили совы. Их писк и уханье, хлопанье крыльев, возня слышались вечерами, возбуждая любопытство и страх деревенских мальчишек.

Сзади гумна на много вёрст, вплоть до излучины Кармана, простиралась целинная ковыльная степь, которой граф Строганов очень гордился. Степь была и по другую, восточную сторону Ключёвки. Там

пасся породистый графский скот и лежал хутор с молочной фермой и маслобойней. Заведовал хутором Александр Васильевич Трегубов, а главным мастером-маслоделом был немец Аушерберг. Другим хутором заведовал Тихон Флорович … На этом хуторе в числе прочего возделывали и молотили мак, большие чёрные груды которого лежали прямо на гумне. Ребятня туда бегала, объедалась и спала до полудня.

Все три графских хутора, расположенные близ Александровки, вместе с нею образовывали один земельный участок имения, заведующий которым жил в каменном двухэтажном, так называемом «барском» доме, прямо против церкви. Крестьяне, бывшие крепостные графа Строганова, жили зажиточно, пахали хоть и сошкой, а земли засевали помногу, урожаи обычно были обильные, у многих стояли ржи по два и по три года на участке. Скотоводство было развито, и скота крупного и мелкого разводилось много. Питались сытно. В реках и озёрах много было рыбы и дичи, то же и по степи. Жители исключительно занимались земледелием и продажей излишков от земледелия и скотоводства на местных базарах, станциях железных дорог и в Тамбове. Рукомёсла — портняжное, сапожное и плотницкое — были только частного характера, домашние. Вальщики, овчинники приезжали на сезон из села Конобеева. Кузница в селе была одна, и в ней работал не свой житель, а пришлый кузнец Михаил. Дед Фёдор Александрович однажды зашёл в кузницу починить замок и разговорился с ним о том, как тяжело жить рабочему человеку. Михаил рассказывал: «Я и отец мой были дворовые люди у своего помещика, земли при отпуске на волю нам не дали, с дворовой избы выселили. Отец умер, а я переселился вот сюда, в Александровку. Куда ни сунься — кругом всё графская собственность. А зачем ему? Их всего с женой две души. А я вот живу с семьёй сам пят, земли у меня нет, кроме трёх сажень

Семья Викторовых в Александровке

Фото из альбома Капитолины с подписью «Местная интеллигенция»

в огороде хозяина, и за ту уплачиваю работой. Ведь руки-то у меня не железные, молотом на наковальне много не заработаешь. А как поленился, или болезнь какая навалится, то и зубы на полку …»

Дед ответил: «Я с тобой согласен. Но ведь лбом стенку не прошибёшь. Ещё не настало время, не созрел, не просветлел народный ум. Вот поверь мне. Я живу в Александровке девятый год, и некоторые мои ученики теперь уже взрослые парни, совсем другого взгляда на жизнь и рассуждают иначе, чем старики — их отцы. А пройдет пятнадцать-двадцать лет, они станут управлять общественными делами и подойдут к земельному вопросу энергичнее и ближе. И народ, и Россия наша ещё только в отроческом состоянии, а когда она разовьётся умственно, возмужает политически, то те узкие рамки, в которых мы теперь живём, окажутся негодны и стары. Тогда их и чинить не придётся, а просто выбросить их вон, чтобы свету было больше.

Ну, уважаемый Миша, мы с тобой заговорились, а время обедать. Пока, до свидания. Ах, виноват, забыл. За труды твои сколько заплатить?

– Сколько дадите… (Дед подал ему пятьдесят копеек.)

– Ну, ещё раз до свидания!»

* * *

Со временем своей земли александровским крестьянам стало недоставать. Много новых дворов построилось, отделилось от отцовых хозяйств, много дополнительных наделов возникло на сельской земле. Собрались раз деревенские мужики и стали про землю толковать — как бы укупить у графа ещё земельки. Тут-то и проходил мимо Фёдор Александрович, поздоровался, поинтересовался, о чём разговор. И стали мужики просить его пособить делу. Составил тогда дед

прошение начерно и отдал мужикам, чтобы сельский писарь перебелил. И потом не раз ездил к управляющему вотчинной конторой И. И. Величко, чтобы направить дело в пользу сельской общины. Разрешение графа было получено с рассрочкой на 50 лет. Земля в те времена стоила дорого, от 100 до 200 рублей за десятину.

* * *

Голодные годы в Александровке тоже были. Особенно сильный голод был в 1891 году, когда озимые вымерзли от гололедицы, а яровые посохли. Тогда Екатерина Александровна подмешивала в хлеб отруби и лебеду.

На базарах тем временем догнали цену на муку до 2–3 рублей за пуд, и граф приказал продать крестьянам зерно и муку из своих запасов согласно спискам едоков. Муку из расчёта пятьдесят копеек за пуд крестьяне брали в счёт будущих барщинных отработок.

Но проходило недородное время, и снова приспевал хороший урожай. Тогда «всем обществом» молотили снопы, переходя с гумна на гумно от одного хозяина к другому. Молотили кто цепами, строго чередуя удары, а кто валками на лошадях. Ворошили вилами солому, веяли зерно на ветру.

Начиналась молотьба и на графском гумне. Зерно тут сразу не сушили и засыпали в амбары поодаль от деревни, чтобы уберечь от пожаров. Много засевали и молотили проса — от него и мякины для кормления скота тоже было много. Недалеко от графского гумна стояла старинная ветряная мельница. Две другие, паровая и водяная, были у арендатора Шустова. Каждый стремился поскорее смолоть хоть немного мучки из новины. Какой пахучий, какой вкусный получался из неё

хлеб! Бывало, отвалит Екатерина Александровна с утра горячего хлеба вволю, нальёт кружку парного молока — вот дети до вечера и сыты.

Была в Александровке и своя пекарня, держал её хозяин молочной лавочки. Но пёк в ней не хлеб, а крендели и разную сдобу. В праздники работы у него было больше, и тогда звал он на помощь викторовскую ребятню — лепить крендели. «Ну, дети, спаси вас бог за помощь и дай вам здоровья. Кушайте», — говорил он в конце работы и надевал кому-нибудь связку кренделей на шею. Вкусные пресные просфоры для церковных треб пекла на всю деревню одна монашка. Была ещё одна лавка с мелким товаром: конфеты, пряники, сахар, керосин, нитки, пуговицы. А вот хозяин — тот был чистая сволочь и грабитель. Народ обирал, жену и работника бил, а баб деревенских, кои поддавались, одаривал лентами, угощал сладкой наливкой, да и уводил в заднюю тёмную комнату лавки. Дед Фёдор Александрович как-то зашёл к нему и спросил пачку табаку. «Есть у меня одна пачка, — отвечает хозяин, — давеча видел, за полкой завалялась». И достает старую, мятую. «Пятьдесят, — говорит, — копеек с вас». «Помилуйте, — изумился дед, — за что столько? Она у вас слежалась, да и с давними промочками. Ну, возьмите с меня пятнадцать, восемнадцать, ну, в крайности, двадцать пять копеек».

«Э, нет! Она у меня три года лежала мёртвым капиталом. Продай я её в срок, деньги-то эти в оборот бы пошли. Дешевле сорока копеек продать не могу».

* * *

Пошёл как-то дед с удочками на речку рыбачить, подсел там к другому рыбаку, соседу Прокопию, спрашивает: «Можно, Проша,

рядом с тобой рыбку половить?» «Отчего ж нельзя, запрета нет», — отвечает Прокопий. Поймал дед с десяток окуней да ершей и плотвы штук двадцать. Потом спрашивает: «Не знаешь ли, Проша, чего это с утра у двора шумиловского народ толчётся?» А тот и рассказывает: «Здесь, видишь, какое дело вышло. Кузьма Ямочкин вечером вчерась свёл лошадь свою в овраг пастись. Укрылся тама зипуном, да и уснул. Ночью проснулся, а лошади-то и нет. Ну, думает, утром найду. Утром поглядел — опять нету лошади. Пошёл с уздечкой в деревню, по дороге спрашивает мужиков, не видали ли его лошади. А те отвечают, мол, шумиловские сыновья поймали её на своих овсах, да и во двор к себе свели. Кузька к самому, а тот говорит: «Стоит у меня твоя лошадка. Что ж, сейчас пора рабочая, забирай её, только сначала за потраву плати десять рублей». Кузька уж его Христом-богом молил, просил отпустить лошадь, а тот ни в какую. Староста с понятыми мужиками ходили, смотрели потраву и оценили её в три рубля. Шумилову говорят: «Бери с Кузьки трёшницу — боле того дело это не стоит. Страда самая рабочая, не имеешь права скотину удерживать. А коли не согласен, мы сами у тебя со двора лошадь сведём и хозяину отдадим. Судиться будешь — ещё более прогадаешь». Кричал, кричал Шумилов, жаловался на грабёж, потом смотрит, народ-то не в его пользу дело рассуждает — отдал за три рубля».

* * *

Бывали и пожары — непременная принадлежность русской деревни. Раз сгорело двадцать дворов. Сильный ветер разносил пучки горящей соломы, и огонь перекинулся на другую сторону улицы. Как водилось в таких случаях, пожарный сарай оказался на запоре, боч-

ки с водой рассохлись, а с дрог колёса были сняты. Староста их снял да в соседнюю деревню уехал. Посреди пожарища прискакал урядник, начал командовать, цепь из людей с вёдрами выстраивать от пожара до речки, непрестанно матерился. После пожара ускакал. Народ про него сказал: «Тоже начальник! Поменьше со старостой-то надо якшаться да по шинкам разъезжать, почаще в пожарный сарай наведываться». Впрочем, приезжал потом становой пристав со стражниками, старосту забрал в волость и там на десять дней посадил его в кутузку. Немудрено, что пожары были большие: на всю Александровку всего два каменных дома, оба двухэтажных. Один принадлежал Фролову — жил он своим капиталом, не крестьянствовал, а второй был барский (графский) дом: белый, нарядный, с палисадником. Сзади дома — барский двор с хлевом, конюшней на десять лошадей, сараем, каретником. Рядом с домом, окнами на улицу, стояла «людская» для графских рабочих, живших там с жёнами и детьми.

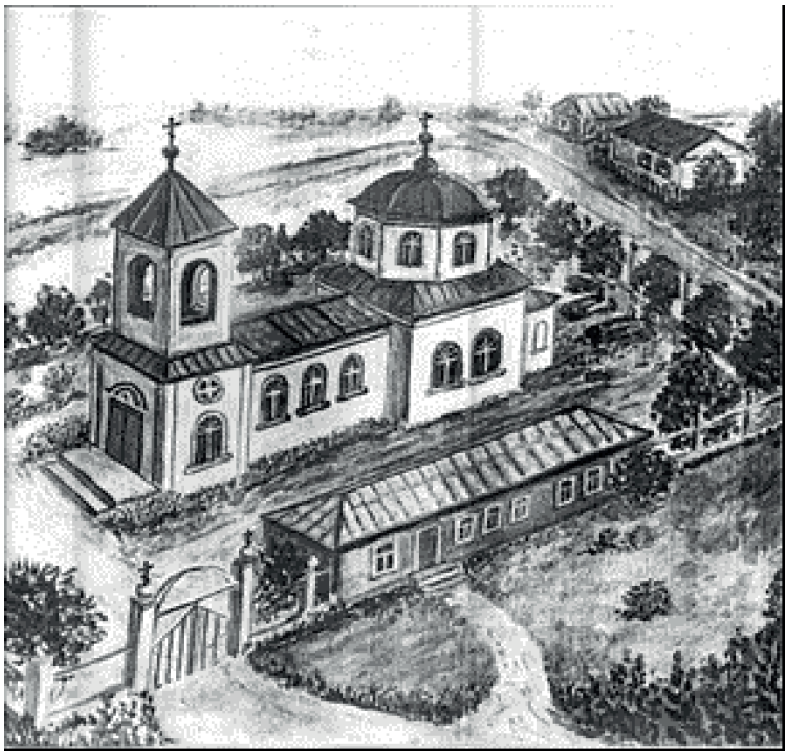
Близилась осень, в соседних сёлах ширились базары. После летней ярмарки в Знаменке осенняя проходила в Медведицком. Из Александровки тянулись туда возы с яблоками и разными овощами, обратно возвращались с обновами, угощеньями, домашней утварью.

Готовились к престольному празднику — Сергиеву дню, приходящемуся как раз на 27 сентября. После праздничной церковной службы разворачивалась в селе гульба вплоть до Покрова — 1 октября. Скотина в эти дни паслась, где хотела, а пастухи пригоняли стада задолго до срока. Пили-ели вволю, вся Александровка прямо-таки спивалась. Многие доходили до такого состояния, про которое говорилось, что мужик «спился с круга», т. е. в случае сельского схода удалялся бы оттуда. За отсутствием пьяных «на кругу» в те времена строго наблюдали урядники, чтобы не было, упаси бог, какого мордо-

бития. К этим дням обычно приурочивались и свадьбы, свершаемые по чину церковного венчания и старинным обрядам. Жених в коляске с лошадьми, запряженными русской парой (каретник с дугой и правая пристяжная в постромках), украшенными лентами, подъезжал к дому невесты и выкупал её у подруг. Торг шёл долго, с шутками да прибаутками. Жених одаривал подруг деньгами и лентами и увозил невесту в церковь. Родители побогаче ставили молодым дом, родственники дарили тёлку, свиней, домашний скарб. Если молодые оставались в доме жениха, где обычно отдельной комнаты не было, то ставили им кровать с пологом да и жили все вместе, добра и детей наживали.

Осенью в Александровку и другие тамбовские сёла наезжали торговые агенты саратовской табачной фабрики Левковича. Это у него служил сначала кассиром, а потом бухгалтером елецкий родственник Семёновых Андрей Андреевич Костин. Иногда на закупки табака выезжал и сам Левкович в сопровождении А. А. Костина, который много лет спустя интересно рассказывал об этих поездках, посещении ярмарок, кутежах в ярмарочных кафешантанах. Обычно Левкович в каком-нибудь селе у зажиточного крестьянина снимал помещение под жильё и амбар, куда свозил весь закупленный табак. Тюки с товаром санным путём потом переправлялись в Саратов. Что дед Фёдор Александрович много лет продавал табак — это известно, а вот встречался ли он с А. А. Костиным — нет.

Отмечали в Александровке и ещё один праздник — бабий. Свершался он «на Кузьму», т. е. в Кузьмин день, четвёртого ноября. Все полевые работы к тому времени были закончены, зерно засыпано, сено сложено, погреба, чем надо, забиты. Ни тележного, ни санного пути не было, и мужики сидели по домам. После урожая жизнь наступала более-менее сытная и не безденежная. Тогда бабы и девки собирались



Реконструкция церкви села Александровка.
Справа на заднем плане дом, в котором жили Викторовы

компаниями по избам, у кого удобнее, закупали вина, пекли блины и пироги, доставали соленья и ели-пили одни, без мужиков, пели песни, да шуточки-прибауточки между собой отпускали. Застолье такое продолжалось до вечера, а вечером выходили бабы на улицу с песнями. Тут и мужики-парни к ним подходили с гармонями и балалайками. Бабы им от себя выпивку подносили, и до ночи шла у них совместная гульба.

Гуляли ещё последние три дня Масленицы. Ели блины, катались на разукрашенных лошадях в ковровых санях. Это и было последнее народное гуляние всей деревней. Прочие праздники тоже отмечали, но всё больше в церкви да в домашнем кругу, по-родственному.

Поздней осенью и зимой устраивали ещё посиделки. Праздниками они не считались, но бабы и девки их любили. Собирались по очереди то в одной избе, то в другой за пряжей и рукодельем вокруг одной лампы, чтоб керосину расходовать меньше. Пели старинные народные песни, судачили. Кому свадьбу наговорят, кому ребёночка, а про других-то и нехорошее сказать могут. Слова бабьи что птички порхают.

Дом, сад и хозяйство

Вслед за Сашенькой пошли у Викторовых дети: Алёшенька (1893), Володя (1896), Наталия (1898), Серёжа (1899) и Капитолина, родившаяся в 1904 году. В 1901 году вотчинная контора имения начала строить для семьи деда новый дом «из осинового тёса», располагавшийся впритык к барскому подворью.

К тому времени отработал дед в имении графа учителем ровно 15 лет. За беспорочную службу представлен был к двум медалям. Всё это время был он в Александровке и регентом церковного хора. Усердный труд, благопорядочность, большая семья, сравнительно молодой возраст (43 года) деда и были приняты во внимание при решении графа.

Дом строился одноэтажный, отчасти на господский манер, когда хозяйская половина отделялась от кухни, чуланов и помещения прислуги. Чёрный ход вёл на барский хозяйственный двор, широкое парадное крыльцо — в сад, посаженный ещё ранее дедом, и на улицу. Оба хода через весь дом соединялись коридором, по левую сторону которого размещались холодный хозяйственный чулан (он же летняя комната) и нужный чулан, обогреваемый с одного боку стоявшей за стеной кухонной печью. Кухня была большая, один угол весь занят

русской печью — с утра до вечера готовили на ней еду; топили когда соломой, а когда дровами. За большим столом семья Викторовых завтракала, обедала, ужинала. Перед вкушением пищи отец семейства, обратясь на угол с иконами, читал молитву.

Посуда на кухне была деревянная, а варили в обливных чугунах, которые подавались в печь и вынимались из печи ухватом. Летом чугунки ставили на таганки, под которыми жгли чурки и щепки. В глиняных бадейках топили молоко, в глиняных горшках тушили картошку со сметаной.

Два кухонных окна выходили на барский двор. Кухня была уютна, пропитана вкусными запахами еды, свежих дров, соломы, тёплым жилым духом. Её любили, здесь больше всего проводили время. Тут же на печи спала Парамоновна, неопределённого возраста рябая женщина–сирота, жившая у Викторовых наполовину за кухарку, наполовину за приёмную родственницу.

Угол кухни рядом с печкой в марте загораживался досками, и туда на ворох соломы приносили новорожденного телёночка. В своём закуточке он тягуче мычал, чмокал молочко и сосал пальцы, которые ему просовывали дети. К Пасхе обыкновенно телёнка переводили в хлев, солому за ним сжигали в печи.

С правой стороны коридора дверь вела в прихожую, главное место в которой занимала обширная вешалка. Стоявшая тут же этажерка была забита нотами церковного хорового пения, школьными учебниками. В углу прихожей также висела икона. В другой угол выходило устье большой печи; стенки её выступали во все три жилые комнаты. Рядом была дверь в спаленку, где сначала жила тётя Душа, няня, а потом ещё приёмная дочь Викторовых Уляша. Относительно Уляши вспоминали так. Однажды на сельском сходе было объявлено,

что имеется сирота восьми лет, оставшаяся после смерти родителей. Вот и взяли её в семью Викторовых, где в то время дочь была только одна, а сыновей четверо.

В конечном счёте в семье оказалось семеро детей, число счастливое. А Уляша жила у Викторовых до 16 лет, когда в 1908 году уехала замуж в Петербург, на всю жизнь сохранив со своими сводными братьями и сёстрами, а также их детьми, хорошие родственные отношения.

Три окна самой большой комнаты в доме выходили в сад. В красном углу комнаты размещался целый иконостас с негасимой лампадой перед ним. В середине этой комнаты на полу, на расстеленном войлоке, спали четверо братьев — и тогда, когда были малыми ребятами, и когда приезжали на каникулы из Тамбовского духовного училища. Праздничный обеденный стол в это время отодвигался в сторону. В углу на большом сундуке с зимними вещами спал Фёдор Александрович. Над сундуком на стене висел шкафчик с семейными документами, деньгами, фотографиями, ценностями и сластями. К большой комнате примыкала спаленка Екатерины Александровны, где стояла её кровать и кровать девочек — Натальи и Капитолины, они спали вместе.

В доме Викторовых не имелось лишней мебели и вообще лишних вещей — всё только самое необходимое, включая одежду. Единственное, что было в изобилии — это иконы. Икон в доме было множество, в каждой комнате по иконе, а в кухне и горнице — по нескольку. Были среди них и составлявшие приданое Екатерины Александровны, подаренные родителями Фёдора Александровича на свадьбу (божье благословение), а большая часть представляла собой подарки деду от служащих графа и певчих хора, сделанные по поводу дней ангела, крестин и прочих памятных дат. Одиннадцать человек жило в доме — когда собирались все, дом походил на муравейник. Часто бывали гости:

соседи, служащие имения, крестьяне, приходящие по делу. Летом ставили обеденный стол на крыльце, выходящем в сад.

Под крыльцом на цепи жил Полкан, старый добрый дворовый пёс.

К северо-западному углу дома пристроен был хлев для коровы с тёлкой, сарайчик для свиньи, курятник-индюшатник. Помещения со всей этой многочисленной живностью стояли фактически на барском дворе, корма тоже выписывались из графских запасов. В сарае находилась картофельная яма. Туда картошку с осени ссыпали валом, закрывали досками и соломой, землёй, а сверху клали сено или мякину. Был ещё погреб с соленьями, картошкой на расход, овощами. Капусту подвешивали за кочерыжку к потолку. Яблоки зимние анисовые дарили крестьяне за учительские труды. Хранились они в подполье, вход туда был из дома. Перед домом со стороны улицы дед посадил кусты бузины — они, как считалось, отпугивают мышей.

К югу от дома примыкал пожалованный деду участок земли площадью более десятины, обкопанный глубокой канавой. За пятнадцать предшествующих лет обсадил его дед вётлами и кустами акации, оградив от сухих ветров и сдувания снега. На участке под окнами дома всё лето цвёл табак, а в центре близлежащей площадки разбита была клумба с прочими цветами. Четыре дорожки, расходящиеся от клумбы, образовывали четыре куртины с малиной, клубникой, вишней, сливой, смородиной и прочими посадками. Подальше располагались посевы гречихи, росли две большие яблони, кусты орешника. Самую дальнюю часть территории занимало дикое разнотравье, там Фёдор Александрович косил сено для коровы. Дальняя сторона сада была засажена черёмухой. Осенью пекли с ней пироги, а летом лечили ею от поноса. Сад Викторовых радовал ухоженностью и порядком, цвёл и благоухал с ранней весны до красно-жёлтого листопада. На север от

дома под уклон к речке Ключёвке сбегал косогором огород: картошка, горох, редька, репа, капуста, огурцы, морковь, свёкла, лук и разная зелень (помидоры в то время приняты не были). Тыква вырастала большими колёсами. Сажал дед там и табак, который с выгодой продавал скупщикам, наезжавшим большей частью от фабрик Левковича из Саратова.

Большое хозяйство надо было пестовать всё лето с утра до ночи. Дети часами пропадали в малиннике и на огороде, таскали вёдрами воду из колодца на барском дворе или из речки. Особенно досаждал табак, нуждавшийся в тщательном уходе. Осенями дружно выбирали в огороде картофель и всякий овощ.

Питались по будням тоже в простоте: молоко, пшённая да гречневая каша, щи, картошка, яйца, хлеб да чай. Летом — зелёные щи. Маленьким — манная каша. На скорую руку наводила Екатерина Александровна «саломать»: замесит на воде или молоке ржаной муки да и прижарит её с маслом на сковородке. Пока горячая — пальчики оближешь. Утром спахтает молоко, а вечером уже едят своё масло. Масла, правда, не всегда хватало.

По воскресеньям или праздникам с утра пораньше мать семейства с кухаркой пекли блины, лепёшки, пышки со сметаной, пироги с яблоками, капустой, морковью. В эти дни еда была изысканной.

Куры у Екатерины Александровны были российских пород, пеструшки и рябы. Умела Екатерина Александровна разводить также индюшек. Сама подкладывала под них яйца, варила индюшатам каши да подкармливала ранней зелёной крапивой. Летом несколько индюшиных выводков уходило далеко в степь, большей частью домой ночевать не возвращалось. Осенью их откармливали под уткой.

Один год держали двух коров, а обычно — корову и тёлку. К Рождеству резали свинью и коптили из неё окорока, которые потом развешивали под потолком в холодной комнате. Вслед за этим покупали и держали на откорме другого поросёнка.

Скотину граф разрешал держать за его счёт (кроме лошадей). И корма выдавали бесплатно. Бывало, Фёдор Александрович напишет в экономию: «Пришлите задков» — и на следующий день привозили зерноотходы, которые шли на корм птице и свинье.

Поездка в Протасово

В тени за домом (чтоб не рассыхался) стоял у дедушки Фёдора Александровича простенький безрессорный одноконный тарантас. Подарил его молодым вскоре после свадьбы прадед Александр Андреевич с таким расчётом, чтобы не забывали дорогу в Протасово, навещали стариков. Весной каждый год дед собственноручно красил тарантас (причём колёса всегда были красные), мазал дёгтем оси. Частенько тарантас отдавали под деревенские свадьбы. По случаю Фёдор Александрович и Екатерина Александровна принаряжались и ездили в Знаменку в контору и магазины, на базар и ярмарку, бывшую всегда на Петра и Павла, к знакомым, крёстным родителям детей. Представлялись графу и получали наградные — по сто рублей. С наградными дед, опять же на своём тарантасе, отъезжал в Тамбов и там покупал всё необходимое — одежду и обувь, мануфактуру, сласти и гостинцы. Лошадь для запряжки брали с барского двора.

Тарантас дети любили, а Фёдор Александрович, да и вся семья, с удовольствием ездили в Протасово. Для такого случая брали и куче-

ра — отставного солдата с Георгиевским крестом и медалями на груди, участника Русско-турецкой войны 1877–78 годов. Фёдор Александрович и Екатерина Александровна усаживались на заднее сиденье с самыми малыми детьми. Против них, где в сене лежала четвертная бутылка с молоком, размещались Алёша и Володя. Старший Саша устраивался на козлах с кучером.

Переехав мостик через Карман, выворачивали в широкую степь, и ехали 35 вёрст старинным астраханским трактом среди немногочисленных других подвод. Кучер показывал кнутом в сторону: «Вона дудаки-то пасутся (крупная птица семейства дрофиных. — *Примечание автора*)… Ишь, головами вертят». Под уклон пускал лошадей рысью. Через пару вёрст переводил лошадь на шаг, и та походя отдыхала, блестя потом. Отставной солдат между тем рассказывал:

«В казарме у нас вкруг киота с ротным образом великомученика Дмитрия Солунского было написано: «Нет больше сей любви, как если кто душу свою положит за друзей». Это Иисус Христос так сказал.

Помню, в Румынии перед наступлением в первый бой построили наш полк «покоем» для напутственного «на брань» молебна. Впереди знамённая рота. Командуют: «Смирно! Под знамя слушай на караул!» Потом полковой батюшка вперёд выходит. И опять команда: «На молитву — шапки долой, певчие — перед полк!»

Ну и порадели мы тогда за другов болгар, братушек наших меньших православных. Турки у них имущество грабили, деревни и сёла жгли, девиц и жён брали в плен и в гаремы, мужчин сажали на кол. Двинулись мы тогда к Дунаю, а сколь трудна и гибельна была эта переправа для русского войска! Командующим был у нас Скобелев, прозванный турками «ак-паши» — «белым генералом». Предание о нём

гласило, будто бы одна цыганка, когда ему ворожила, предрекла, что он будет знатный генерал, и на войне будет спасать его белый цвет. Вот и носил он белый костюм, в нём всегда на всех редутах и атаках был впереди. При взятии Плевны под генералом убило нескольких лошадей, перебита была его сабля, но ни одна турецкая пуля не попала в него самого».

Справа в степи завиднелись полуразвалившиеся постройки в куще зелёных деревьев. «Совсем малый я был, — кивая на них, продолжал кучер, — а тут еврейская корчма стояла. Постоялый, стало быть, двор при большой дороге. А езда-то по тракту в то время была гораздо сильней, и обозов шло по сто и боле саней. Только слышим мы, начали поговаривать, нечисто стало тут. Будто бы заманивают те евреи малых православных младенцев и пьют их кровь. Владельцев, конечно, тогда с места согнали или сами они уехали. А нечисть-то, поговаривают, отсель не отошла, по-прежнему здеся крутится. Так что, Господи, помилуй и пронеси!» — и кучер истово три раза крестился, побыстрее проезжая «нехорошее» место.

С поля подходила и шла вдоль тракта линия телеграфных столбов с проводами. На них сидели горлицы, ласточки, сизоворонки. Старший сын Викторовых Саша знающе пояснял средним братьям: мол, вот провода, а утолщения в местах их соединений — это, значит, по проводам идут телеграммы, а когда застревают, то птицы-то их клювом дальше проталкивают. Протолкнут раз сто — вот и дойдет телеграмма кому надо. Братья Алёша и Володя ему верили.

Наконец вдали становилась различима протасовская церковь, тарантас широкой дугой огибал берег озера и останавливался перед домом, на крыльце которого уже стояла тётя Настя, сестра деда, жившая здесь после кончины родителей.

Тётя Настя была необыкновенной чистюлей. Не только полы на кухне, но и крыльцо у неё было тщательно выскоблено ножом. Замуж она не выходила по причине болезни желудка, а собирала и пила разные травы. Запах сушёных трав, грибов, яблок при ней прочно установился во всём доме. Худощавая и подвижная, говорливая, необыкновенно душевная, она привлекала своею кротостью и добротой, и дети Викторовых её очень любили. Бывало, залезет в печь, откопает из золы чулок, а из чулка достанет пяти- или десятирублёвый золотой и сунет внучке Наташе: «Это тебе. Как приедете домой, отдай отцу». Мальчикам давала по двугривенному.

Многочисленное дворовое хозяйство, оставшееся от родителей, тётя Настя ликвидировала, и дом стал тихим, одиноким. Тётя Настя рано ложилась спать и подолгу спала в своей комнате с большим сундуком, наполненным ценными вещами. Племянникам и племянницам бегать по дому не разрешала, хоть и очень их любила. Ругалась: «Растакую вашу мать!» Зато дети постоянно таскали у неё фрукты. Когда племянница её, Наташа, выросла, тётя Настя подарила ей завещанную матушкой — «бабаней» — швейную машинку «Зингер».

Зимой тётя Настя приезжала в гости к Викторовым одетая в беличью шубку с пушистыми хвостиками. Дети, Капча и Серёжа, часть хвостиков однажды срезали, и им за это здорово досталось. Долго жила тётя Настя в большом доме. Навещали её там вплоть до 1926 года.

В Протасове, рядом со старым викторовским домом стоял дом брата Павла. Он учительствовал в местной школе, водил пасеку, изучал и собирал травы, лечил ими народ. Все его любили, хотя к виду дяди Павла надо было иметь привычку. Лошадь ударила, расплющила нос. Новый нос дядя Павел носил резиновый и пудрил его. Семья его была немногочисленной — только жена, детей не было.

Житьё-бытьё

В александровском доме семья Викторовых прожила десять лучших лет — с 1901 по 1910 годы — самый счастливый период жизни. В это время уже родились, подрастали и учились дети, часто бывали гости, цвёл сад, разрастался огород, мычала и кудахтала многочисленная скотина и птица. Весь дом с утра до ночи — полная жизни чаша большой семьи. Шутка ли сказать! — двенадцать человек.

Зима

В старое время погода свершалась по правильным законам. Зимы бывали многоснежными, трещали морозы — никольские, рождественские, крещенские, сретенские, власиевские. Когда бушевали метели, на колокольне Сергиевской церкви, рядом с домом Викторовых, всю ночь звонил большой колокол. Бум-бум-бум — это для путников, сбившихся с пути. Звуки его и опечаливали, и успокаивали. В теплоте дома дети спали под одним одеялом — девочки на кровати, мальчики на полу. Екатерина Александровна рассказывала им сказку: «Вот идет к нам Новый год. Это такой мальчик красивый и нарядно одетый. Рождается он далеко на востоке и оттуда приходит к нам, и все ему рады. Там, где он появляется, наступает Новый год. Мальчик идет счастливый и сам приносит счастье».

Утром Фёдор Александрович выходил откапывать от снега калитку, а из-под крыльца — дворовую собаку Полкана. Сугробы наметало такие, что из-за них не видно было улицы, и когда через несколько дней образовывался наст, лошадь с санями, привозившая корм для скотины, заезжала в палисадник поверх ограды.

К ночи погода разъяснивалась, и на небо выходил месяц, освещая вокруг всё сверкающее белоснежье. В большой горнице тушили керосиновую лампу, и тогда сквозь оконную изморозь становился видным сад.

Фёдор Александрович брал на руки девочек и вместе со всеми детьми подходил к окну.

«Вот видите, — говорил он шёпотом, — во вьюгу месяц народился, молодой ещё, видите, край у него изогнулся — ведро можно вешать».

Ружьё у Фёдора Александровича было, но при детях он никогда зайцев не стрелял. Вред от них был небольшой.

Однажды зимой на целый месяц сильнейшей ангиной заболела Наташа. Она сильно ослабла, её постригли наголо, вдобавок после болезни случилось какое-то нервное осложнение. Беспричинно она плакала, говорила, что к ней придираются. Когда её оставляли в покое, она брякалась на пол и кричала, что никому не нужна. Лечил её брат Саша, а отец Фёдор Александрович брал её, свою любимицу, на руки и подносил к настенному шкафчику над своей постелью, разрешал открыть и взять хранящиеся там сладости. Между прочим, лежал в этом шкафчике ещё и вышитый бисером мешочек «для золотых». Всегда из-за него была драка. Однажды мешочек утащил Алёшка.

Масленицу перед Великим постом отмечали всегда на кухне, ели блины прямо со сковороды, в приятном масляном чаду. Угощали гостей. Как-то приехал под хмельком из Знаменки знакомый, приказчик графа, привёз дюжину «калинковского» пива (с завода Калинкова в Тамбове). Ел он блины, нахваливал и их, и стряпуху, рябую Парамоновну. Тут-то и началось весёлое сватовство: Парамоновну прочили за приказчика. Тот сначала было поддался, да спохватился вовремя. Тем временем Володька с Серёжкой бутылку пива стащили, залез-

ли на печь и там напились. Пьяные слезли и приняли решение: идти на речку драться на кулачки с деревенскими. Ну, драться не дрались, а выступать выступали.

Шло время, и постепенно дети один за другим уезжали в Тамбов учиться: сыновья в духовное училище для мальчиков, девочки — в женское епархиальное.

Первым в 1900 году поступил в училище Саша, сдав после занятий с отцом все приёмные экзамены на пятёрки. В духовное училище Фёдор Александрович определял своих сыновей на тех основаниях, что они, как дети церковного регента, освобождались от платы за обучение, а сверх того давалось небольшое денежное пособие и через год ещё сапоги или костюм — визитка и брюки.

Зато к Рождеству и Новому году все съезжались в отчий дом, наполняя его весельем и молодостью. Делали ёлочные игрушки, разыгрывали спектакли, читали стихи, ходили по гостям и к себе приглашали.

Фёдор Александрович и Екатерина Александровна загодя готовились к приезду детей. Филипповским постом с наступлением морозов били кур и индеек и на жердях привязывали их в холодном чулане. Кололи свинью. Куски мяса Фёдор Александрович подвешивал в дымоходе кухонной русской печи, в которой сжигал мякину и всякий сор — коптил необычайно вкусные домашние окорока. Куски окорока мать потом запекала в тесто. Всё это быстро съедалось.

Наташа и Капча уединялись в своей комнате, шептались, допоздна читали в постели. Входила мать и тушила лампу.

После Крещенья заканчивались каникулы, и Фёдор Александрович нанимал двое саней везти детей обратно в Тамбов. У соседей занимали овчинные тулупы, тёплые шали — в них укутывали, завязывали детей. Ехать надо было семьдесят вёрст — целый день. Остатки

варёного птичьего мяса и окорока отдавались в дорогу. И наступало прощанье, когда до Пасхи, а когда и до лета.

Весна

После Сретенья зима начинала сдавать, солнце припекало, на закраинах крыш дома и амбаров появлялись сосульки. На задах подворья Викторовых всегда лежали бурты соломы и мякины — сюда в первую очередь и приходила весна. В этот солнечный затишек сразу собирались дети. Накопав под себя теплой мякины, грелись весной от света, отражённого от снега, играли в нехитрые игрушки. Ребята баловались увеличительным стеклом. Вдыхали сытный хлебный запах отопревшего бурта и запоминали его на всю последующую жизнь.

Весной, ближе к Пасхе, Фёдор Александрович ездил в соседнее село к своей дальней пожилой родственнице и привозил оттуда «бабушкины яблоки». Потом родственница умерла, но весной опять отец поехал и привёз «бабушкиных яблок». Маленькая Наташа мучительно пыталась сообразить: как же это получается, когда бабушки уже нет. Спросила у отца, и тот объяснил ей, что есть такой сорт яблок, называется «Бабушкин», очень хорошо лежит зиму.

Вдоль дома и сада росли высохшие вётлы, на которых всегда висело несколько скворечников. С тёплой волной на Благовещенье прилетали скворцы, и тогда сад на целый месяц наполнялся их звонкими нежными трелями, посвистыванием и сердитыми криками. Раз в доме Викторовых зимовал скворец. Брал пищу из рук, садился на край стола к Фёдору Александровичу на плечо, сердито долбил клювом. Весной, когда собратья его уже прилетели, скворца пустили в сад через раскрытое окно. Первое время он часто возвращался, и на подоконнике ждало его угощение. Но в руки уже не шёл. Потом исчез.

В саду росла черёмуха. Много кустов — ровно столько, сколько было детей. Каждый имел свой куст. Буйным ароматом наполнялся сад от их цветения в конце весны. Мальчики лазали на ветки и рвали пушистые гроздья. Тогда из дома появлялась сердитая материна сестра тётя Даша, в синих очках, и ругалась: «Слезайте, окаянные!» Вскоре она умерла от водянки и была похоронена на кладбище при церкви. Пришла новая весна, и дети сожалели о ней: некому поругать.

Лето

Речка Ключёвка, протекавшая вдоль деревенских задов и огородов, была запружена мельничной плотиной у впадения её в Карман. От того и вода в ней стояла тёплая, тихая, заросшая шинками и травой. Викторовская ребятня всё лето бултыхалась в речке. Взрослые ходили в купальню управляющего. Ширина речки составляла всего восемь саженей, а глубина доходила до двух. После запруды развелась в Ключёвке и крупная рыба: щука, окунь, лещ, краснопёрка, синявка, двухфунтовый карась. Мальчишки нет-нет да и налавливали рыбки на уху. Иногда собирались и уходили на другую речку — Карман. Там течение было посильнее, и ловился голавль. Голавля ловили на кузнечиков и на мух. Мух раньше в кухне много было.

Фёдор Александрович иногда тоже любил посидеть с удочкой вместе с самым заядлым рыбаком в деревне — отцом протодиаконом, вынимавшим иной раз метровых щук. Рыба в те времена вела себя по погоде и, когда следует, клевала хорошо. Ещё в Ключёвке сети ставили вдоль камышей. Потом плыли на лодке и палку с колокольцем на конце в воду совали: рыбу пугали, загоняли в сети.

Как любили, как холили в семье скотину! Кормили разнообразным кормом. Фёдор Александрович косил сено и сушил в тени, чтобы

сохранить его зелёный цвет, питательность, аппетитный вид и дух лета. Наташа брала хлеб с солью и вечером ходила встречать овечье стадо. Прилакомит своих овечек — вот они и бегут за ней прямо на подворье.

Всё летнее время дети Викторовых работали в саду и на огороде. Особенно много приходилось заниматься табаком. Его надо было полоть, поливать, обрывать листья в определённой последовательности, сушить их и т. д. Табак выращивался на продажу, чтобы за вырученные деньги можно было платить за обучение дочерей в епархиальном училище. Осенью туда надо было заплатить сразу за год. Отец говорил: «Работайте, ухаживайте за табаком, а то обновы покупать будет не на что».

Как-то в каникулы брат Серёжа говорит Наташе: «Давай народ соберём. Вот так: стой на улице да на небо смотри. Будут подходить, спрашивать — молчи и всё». Так они и сделали. Вышли, задрали головы и давай глядеть вверх. Особенно картинно Серёжа смотрел, руками от солнца даже загородился. Стали подходить, спрашивать. Наташа ещё кое-как отвечала, а Сергей как воды в рот набрал, напрягся весь, что есть силы всматривается, будто что-то там различает. А народ всё прибывает. Опять спрашивает. Тут Сергей и Наталья рассмеялись и домой пошли. А собралось-то человек двадцать. В каникулы, когда все дети собирались, дома разыгрывались живые картины: «Зима», «Лето», «Осень», «Весна», для которых шились специальные костюмы. Местные фотографы из интеллигентов их снимали.

Раз летом собралось на селе богомольцев человек семьдесят, решили пойти в Вознесенский монастырь к чудотворной иконе Божьей Матери. Пятьдесят вёрст до него было. В монастырь полагалось именно идти, а не ехать, иначе не будет благодати. Все Наташины подружки пошли, и Наташа с ними. Дня полтора шли, в дороге просились на

ночлег. В монастыре ходили к службам, причащались, прикладывались к святым, особо почитаемым иконам. Наташе там очень понравилось: чистота, тишина, покой, благовест колокольный. Особенно понравилась трапезная с большими сводчатыми потолками, разрисованными житиями святых. Длинные чистые столы, лавки, вкусная чечевичная похлебка. Две ночи ночевали. Когда домой пошли — на душе будто просветлело.

В августе на графском гумне начиналась молотьба. Пригоняли локомобиль, соединяли его трансмиссией с молотилкой и веялкой, человек восемьдесят нанимали народу. Саша к пяти утра уходил на гумно и начинал греть котел локомобиля, громадными охапками бросал солому в топку. Часам к семи поднимал пар, и начиналась молотьба. Зерно шло в одну сторону, а солома, сбитая в вяхиль (сетчатый кошель для сена. — *Примечание автора*), двумя канатами подавалась в омёт. Омёты были десяти-двенадцати аршин высотой — громадные, там наверху раскладку вели мужики с вилами. Слышалась команда: «Правый пошёл!» И лошади начинали тянуть правым канатом вяхиль на омёт. Подавать канат обратно к молотилке нанимали Володю и клали жалованье двадцать пять копеек в день. Самая мальчишечья работа.

Фёдор Александрович

Был он страшный аккуратист. Везде поддерживал образцовый порядок: в школе, в саду, в огороде, в сарае и дома. Очень чистоплотный, в аккуратном, всегда свежевыглаженном костюме, при шляпе и галстуке — выглядел франтовато. Много костюмов доставалось ему с графского плеча, с графом он был схож ростом и сухостью фигуры.

Бывало, осенью уедет граф в Петербург, а уполномоченный начнёт раздавать практически неношеные дорогие костюмы. Платья графи-

ни носила и Екатерина Александровна.

Фёдор Александрович любил грозу. Как гроза, так он сейчас ищет себе работу в саду под деревьями или идёт в сарай и там начинает плотничать при открытых дверях. Торжественное, приподнятое образовывалось у него настроение при этом величественном явлении природы. При грозе он и окна в доме держал открытыми. Однажды во время грозы сидели все в комнате — вдруг в окно влетел шар величиной с арбуз, задержался над столом, а потом медленно уплыл в другое окно. Фёдор Александрович объяснил детям, что это была шаровая молния с электрическим зарядом внутри, сквозняк её протянул сквозь дом. Во время грозы нельзя устраивать сквозняков.

Рядом с домом на улице рос большой вяз. Встал под него Фёдор Александрович, а молния попала в дерево и развалила ствол пополам. Фёдор Александрович не испугался.

За пятнадцать, двадцать и двадцать пять лет беспорочной службы награждён он был тремя медалями и всегда надевал их в торжественных случаях. В церковь тоже ходил в медалях. То ли он шутил, то ли всерьёз, никогда он не знал, где они лежат, но только всегда обращался к Екатерине Александровне: «Мать, где мои медали? Давай их сюда».

Скорее всего, ему просто приятно было, когда она эти медали подавала. Любил читать и читал много до глубокой ночи при свете лампы. Его трехтомный «Энциклопедический словарь» 1903 года издания с закладками из сушёных листьев и цветов и сейчас ещё цел.

Курил Фёдор Александрович хороший ливанский табак. Закручивал из специальной бумаги папироски и вставлял в мундштук. Чай любил с кипячёными сливками. Капризен был в этом, да и во многом другом.

Екатерина Александровна

Вставала она раньше всех. Затемно соломой топила печь, если была зима, готовила завтрак. Сделав эту работу, садилась отдельно пить малый чай из маленького самовара. А самоваров в доме Викторовых имелось четыре штуки: медный красный, большой жёлтый, пузатый и маленький. Какие гости — такой и самовар. Большие гости — значит, и самовар самый большой. В самоварах раньше варили и яйца — на семью две дюжины, а чистили самовар бузиной. Больше всех любила пить чай Екатерина Александровна. Кроме трёх раз в день, когда пили его все, она ещё три-четыре раза присаживалась пить отдельно свои внеурочные чаи. Чай покупался фунтовыми пачками и всегда заваривался свежий. В изобилии варилось всяческое варенье, для чего служил большой медный таз с ручками (и сейчас он цел). Умаявшись за работой, Екатерина Александровна любила выпить стопку сладкой наливки, что иногда и проделывала с большим удовольствием.

Екатерина Александровна вела дружбу с деревенскими девками. Ходили они к ней советоваться. Бывало, придёт какая-нибудь и скажет, что хочу за такого-то выйти замуж. А Екатерина Александровна в ответ: «Не бывать тому». И её слушали.

Жила в Ключёвке Поля Галкина. Пела она у Фёдора Александровича в хоре. В девчонках жила года три у Викторова в доме, нянчила маленькую Капчу. Потом в хоре слюбилась она с певчим, молодым парнем Петей Макаровым, графским скотником. Стали они уже и о свадьбе думать, да тут подошло такое дело, что надо было Поле в монастырь уходить. Дело в том, что, когда мать рожала Полю, роды были страшно трудные. И тогда мать дала зарок: если всё будет благополучно, дитя новорожденное отдать в монастырь. И действительно, отдали Полю в послушницы в восемнадцать лет. Да только жених её, Петя Макаров, не смирился. Выкрал Полю из монастыря и обвенчался «самокрутом».

Поговаривали, что всё это Екатерина Александровна и устроила. Скандал был страшный, но его замяли. А Поля потом всю жизнь (умерла она в 1978 году) из Тамбова писала Екатерине Александровне письма, так же, как и детям её. После писала дочь её Аня.

Через деревню часто проходили нищие и погорельцы, просили «Христа ради». Заходили и в дом к Викторовым и всегда получали милостыню. В голодные, неурожайные годы из Саратовской губернии ехали подводами на лошадях, побирались. В таких случаях Екатерина Александровна шла в сарай, зачерпывала там зерна и ссыпала в телегу. Если Екатерина Александровна удивлялась, то говорила: «Сроду не слыхала» или «Отродясь не видывала».

Детские воспоминания

Маленьким детям рассказывала Екатерина Александровна сказку про хабкасов. Хабкасы — злые лесные чудища языческие, может, мордовского происхождения.

«Жили-были в избушке старик со старушкой. И была у них собака Фунтик. Повадились хабкасы ходить к избушке. Как ночь, так из лесу

идут и поют: «Войдём, войдём в избушку. Съедим старика и старушку». А Фунтик на них: «Тяф-тяф!» Хабкасы испугались и убежали…» и т. д.

В семье Викторовых воспитание детей было поставлено круто, вплоть до порки. Работали в поте лица, хлеб свой отрабатывали трудом. И помыслить нельзя, чтобы ослушаться. Отец считал, что, кроме труда, нужно ещё и терпение. Раскидает по двору кирпичи, щепки, палки и заставляет собирать, складывать в кучи по размерам. Вот дети и стараются, ползают; слёзы на глазах, а всё равно делают.

Оттого дружно и работали. Бывало, когда косить или жать, веять зерно — Викторовых детей охотнее всего брали в помощники. Только Серёжка считался плохим работником. То есть, сам-то он тоже работал, но с ленцой, а главным образом во время работы всех смешил и отвлекал — как начнёт рассказывать анекдоты и истории, так все и покатываются.

Однажды бабушка Аня («бабаня») подарила Наташе хорошенькую куклу: настоящую, не тряпичную. А тогда у детей игрушек совсем мало было. Как-то расположилась маленькая Наташа в уголке около дверной притолоки, построила себе дом и играла с куклой. А в соседней комнате кто-то из братьев лежал на сундуке да как толкнёт ногой дверь. Куклу прищемило и раздавило ей голову. Как Наташа плакала, как убивалась! (Случай этот помнили все восемьдесят лет и горько сожалели.)

Вообще, Наташу и Капчу часто обижали Володя и Серёжа. Както увеличительным стеклом прожгли одеяло, которым укрывались. Но жаловаться друг на друга было строжайше запрещено. «Доносчику первый кнут», — говаривал Фёдор Александрович и придерживался этого правила в воспитании. Однажды Володя раскачал качели и доской рассёк Наташе бровь. Как её ни спрашивала мама, она всё-

таки не призналась, кто это сделал. Несмотря ни на что, все дети хорошо играли вместе. Наташа с Володей приспособились ловить мышей. Потом делали из кирпичей дом и мышей туда сажали.

Признанным верховодом был Сашка. Приедет на каникулы, соберёт ребят и айда с ними в лес, в поля, на речку. По грибы ходили в лесок, что лежал в нескольких верстах в сторону от Знаменки.

Сначала, то есть первые три года, дети учились в той же школе, где учительствовал Фёдор Александрович. Раз он надолго заболел — образовался очень опасный фурункул на шее, создалась даже и угроза смертельного исхода. Больного через день навещал знаменский фельдшер Дмитрий Фёдорович и делал всё, что необходимо. Но мать всё-таки написала в Петербург знакомому иеромонаху в Александро-Невскую Лавру, чтобы помолился о болящем.

В отсутствие Фёдора Александровича занятия в школе вместо него вели старшие дети, а также их двоюродные братья Васильевы, которые приезжали в гости из Петербурга. Это была семья Анастасии, сестры Екатерины Александровны. Тогда лишь Закон Божий преподавал отец Ермил, пресвитер Сергиевской церкви. Не выучивших урока ставил он к стене на колени, потом вызывал следующих и, если тоже не знали, и их ставил на колени и начинал раздражённо ходить по классу. Окончательно взвинтившись, давал кому-нибудь подзатыльник.

Однажды дома никого не было, а Володя лежал на отцовском сундуке и «стрелял» спичками, зажигая их от коробки. Получал большое удовольствие. Над сундуком висела картина в раме под названием «Бабушкины сказки», а за картиной лежала вата. Вату вскоре Володя и поджёг, но не растерялся, вынес её во двор и затоптал.

Полы раньше в доме мыли, а кроме того тёрли кирпичом. Работа эта чаще доставалась Наташе и Капе. Тёрли долго, часа по два.

Когда Наташе было ещё мало лет, впервые послал Фёдор Александрович её в церковь исповедаться в грехах. Дал десять копеек, чтобы положила в кружку после исповеди. Наташа готовилась, все свои грехи вспоминала, а когда пришла, то получилось по-другому. Священник накрыл её платком, спросил быстро: «Папу, маму слушаешь? В бога веруешь? Отпускаю грехи…, и прочая…» Только и всего.

Когда Наташа стала побольше, то захотелось ей поступить в монастырь. Думалось: «Как там тихо, тепло, красиво и кормят вкусно».

В семье детей часто ругали, приговаривая: «Такой-сякой, немазаный». Это имелись в виду блины — те, что похуже, не смазанные маслом.

Однажды заболели Наташа и Володя брюшным тифом. А были маленькие ещё. Положили их вдвоём в одну постель и так лечили.

В четырнадцать лет Саша окончил духовное училище и, прежде чем поступать в духовную семинарию, повезла его мать в Саровскую пустынь на поклонение к чудотворной иконе преподобного Серафима Саровского. Пустынь была далече, и ездили туда на поезде.

Поймал раз Фёдор Александрович зайчонка. Разместили его в холодной комнате, что примыкала к коридору, постелили ему тулуп. Зайчишка повзрослел и в конце зимы разорвал тулуп лапами. Таков был инстинкт и свадебная привычка бить по зайчихе задними лапами. В доме часто жили ручные ежи, вечерами они гуляли по комнатам. Так, в тесном общении с животными, росли дети.

Викторовы крестили детей у своих соседей Галкиных. И, стало быть, являлись тем кумовьями. Галкины — большая крестьянская семья, дружеская и приближённая к дому Викторовых. Дочь Галкиных Поля девчонкой нянчила Капу. Как уже было сказано, Поля пела в церковном хоре, попала в монастырь, а потом вышла замуж за Петю Макарова и жила с ним хорошо. Пётр этот работал скотником на барском

дворе, и дети Викторовых часто ходили к нему в людскую. Там всегда было много народу. Под Новый год собирались графские работники в людской и разговаривали про ведьм, чертей и нечистую силу. Дети сидели на печке, аж дух захватывало от разговоров (страсти-то какие!).

Другими соседями Викторовых была семья Сашки Рыжего, непутёвого пьяницы. Детей имел кучу, а хозяйство держал в развале. Мать семейства померла, и Сашка привёл мачеху, которая детей-то не больно жаловала. Да и без того у них никогда ничего не было, приходилось им помогать. Бывало, прибегут — то им мучки миску, то горсть соли просят. Так и поддерживали их всей деревней, кое-как тянули.

Кумом Викторовых был Егор Иванович Самодуров, главный управляющий графа Строганова. Был он человек уже в летах, но тоже крестил детей. В память таких событий и снят он на фотографии с Фёдором Александровичем. Крёстным отцом Наташи был Николай Петрович Ласкин, повар графа Строганова.

Фёдор Александрович и Екатерина Александровна одевались по-нарядному, брали с собой детей и ездили к графу Строганову, когда тот приезжал из Петербурга. Обычно совпадало это с днём его именин, 29 июня. На приём Викторовых как мелких служащих не пускали, а размещали в комнате у графской сестры милосердия, у которой тоже была дочка. Девочка эта провожала Наташу в сад, и из кустов они смотрели, как безногую графиню возят по дорожкам в коляске.

Во время «приёмов» граф раздавал наградные. Однажды Екатерина Александровна подала графу прошение о «воспомоществовании». Тот выдал ей 100 рублей, и Екатерина Александровна купила на них швейную машину «Зингер». Фёдора Александровича граф уважал, платил жалованье 40 рублей и давал щедрые наградные — 400 рублей в год. Без наградных семья Викторовых не прожила бы.

Иногда граф приезжал в Александровку и размещался в барском доме, в особых, постоянно сохраняемых комнатах. Тогда барского кучера и жену его, прачку, определяли к Викторовым на постой.

Проходило три-четыре дня, графский поезд съезжал, и жизнь в Александровке входила в прежнюю колею.

Регент хора. Праздники

В дедовы времена численных дат почти не знали и не употребляли их, а для обозначения времени свершения событий назывались дни православных праздников и памятных дат. Говорили: «Санный путь лёг Филипповским постом на третий день», «Святками ездили мы навестить родителей», «Отсеялись на Николу Летнего», «Озимые закончили убирать к Княж-Владимиру, а яровину обмолотили Успенским постом», «Свадьбу играли на Казанскую», т. е. в день празднования чудотворной иконы Казанской Божьей Матери (по-старому стилю 22 октября). Был ещё Никола кочанный — 9 августа, к этому дню капуста завязывала вилки.

Дед Фёдор Александрович как учитель школы и регент церковного хора нёс просветительскую, нравственную и культурную службу, был почитаем всеми своими односельчанами от мала до велика.

Семья Фёдора Александровича тоже жила по церковному календарю, отмечала православные праздники, говела Великим Постом, праздновала дни ангелов.

Белокаменная сельская церковь во имя Преподобного Сергия Радонежского стояла на лугу почти напротив дома Викторовых. Святой этот был издавна особенно почитаем на Руси. Приняв в молодости

иночество, он основал близ города Радонежа пустынь, превратившуюся со временем в знаменитую Троице-Сергиевскую Лавру, историческую цитадель России. Много содействовал консолидации русских сил против татаро-монгольского ига, используя объединительные идеалы православия, данные молодому русскому государству вместе с Крещением Руси.

Сергий Радонежский благословил Дмитрия Донского на Куликовскую битву и тем свершил свой духовный, молитвенный и практический политический подвиг. Подвиг в решающий час истории Государства Российского. Он освятил изначальные труды по объединению Руси вокруг Москвы. «Как учащённо тогда бились русские сердца», — напишет историк. Так учили тогда детей Викторовых дома и в Тамбовском духовном и епархиальном училищах.

Не случайно отец графа П. С. Строганова наречён был в своё время именем святого, не случайно и церковь Александровки освящена была Сергиевской и не исключено, что построил её в своё время Сергей Григорьевич Строганов.

Расположившись на большом открытом пространстве, церковь хорошо смотрелась с разных сторон. Вокруг церкви шла деревянная ограда, внутри которой среди деревьев и кустов виднелись могилы сельского погоста.

Настоятелем храма чуть ли не пятьдесят лет состоял престарелый отец Ермил; в то время сельские священники служили на одном месте по нескольку десятков лет. Двадцать пять лет прослужил тут на одном месте и дед наш, Фёдор Александрович, пока не поступил во диаконы и далее во просвитеры по причине вынужденной перемены места жительства.

Ктитором храма состоял, как было сказано, Егор Иванович Шустов, с участием которого в своё время и было принято решение об организации хора под управлением деда, ему в ту пору было всего двадцать семь лет. За многие годы Е. И. Шустов положил немало усердных трудов по благоустройству храма, благолепию его внутреннего убранства. С приездом в Александровку деда удалось наконец-то создать и хор. Спевки начались сразу же, проводились они вечерами в помещении школы.

Состоял хор из крестьян: два-четыре баса, два-три баритона, два-три тенора, женские голоса, детские дисканты — всего около двадцати человек. Это позволяло деду добиваться всех оттенков хорового многоголосия и постепенно всё более и более вливаться в сложную композицию богослужения, создавая каждый раз то торжественное, то умилительно-молитвенное настроение, то откровение печального воспоминания. Звучали знаменный, строчный и греческий распевы, уставные песнопения. Всё это создавало гармонико-звучный поэтический строй службы, который по праву получил прозвание молитвенного делания.

Отцы наши и матери с искренним чувством пребывали в церкви. Следом за ними мысленно и мы войдём в храм божий ко всенощной, послушаем и посмотрим, душой приобщимся к ним и к их памяти, вспомним отдельные моменты и впечатления.

Начинается вечерня спокойным неторопливым возгласом:

«Благословен Бог наш!…» А стержень службы — это ектении. Отвечая на просительные слова диакона, хор поёт: «Тебе, Господи!» — то чинно, то как бы приближаясь, то словно откуда-то издалека. Проходило какое-то время, и дед добивался от хора нового свежего звучания сих магических слов.

Любил дед черезголосицу правого и левого клиросов, когда в канун воскресных и праздничных дней предначинательный псалом пелся попеременно двумя половинами хора на обоих клиросах.

А как памятен запах ладана, этот поистине сладкий и приятный «дым Отечества», когда на «Господи, воззвах» совершалось обычное каждение всего храма. Или когда читалась молитва на благословение хлебов.

Дед правил хором страстно, увлечённо. Лицо его преображалось, было вдохновенно, борода казалась растрёпанной, брови требовательно сдвигались, взор становился приказывающе строг, глаза горели. Он невольно передавал своим певчим какое-то высшее полётное состояние. Так было всегда, когда пелось «Достойно и праведно есть». Дед поднимал руки и долго держал их поднятыми, готовя хор к началу пения. По еле заметным движениям его ладоней тихо-тихо, тягуче и низко начинали басы: «Достойно и праведно есть…» Потом на смену им врезался хор громких и смешанных голосов: «Победную песнь вопиюща и глаголята…», прерываемый восторженными всплесками высоких женских заклинаний: «Свят, свят, свят!» В этом церковном хорале так же, как и во многих других, деду-регенту удавалось сочетать чистоту голосов народной песенности с красивой и насыщенной звучностью хорового массива.

Дед был мастером своего дела, несколько раз ездил учиться к регенту тамбовского архиерейского хора, позднее окончил курсы регентского класса.

Настоящим чудом были почти народные рождественские колядки. Они пелись не только в церкви, но и на улице, а также по домам. Тогда вслед за ликованием Сочельника наступало Рождество, и в течение всех святок священники вместе с диаконом, чтецами и певчими

ходили по домам с иконами и крестами и пели тропарь Рождества и другие праздничные песнопения и многолетия дому, получая от хозяев угощенье и щедрую милостыню. Вместе с ними ездили сани, куда складывалось подношение: битая птица, пироги, яйца. В бедные дворы заходили на минуту, дабы не понуждать владельцев к большим тратам. Зато к окрестным помещикам Шустову, Пахомову, Болдыреву и другим ездил причт и хор под управлением Фёдора Александровича. Там шла служба, свершались праздничные трапезы, преподносилось денежное пожертвование на нужды храма, содержание хора. В праздничные дни Фёдор Александрович и певчие много зарабатывали.

В канун Рождества из Тамбова на лошадях или поездом до Инжавино (билет стоил 1 рубль 20 копеек) приезжали дети и первым делом отъедались мочёными яблоками. Потом сбивались в компании и в рождественскую ночь ходили по избам, пели «Я маленький хлопчик» — славили Рождество. В хороших домах подавали по двадцать копеек, а ктитор Егор Иванович Шустов — тот отваливал аж по полтине, деньги немыслимые.

Совсем маленькие, самые младшие Серёжа и Капча ходили славить Христа к батюшке, и тот дал им гривенник. Они с этим гривенником закатились в лавку, накупили сладостей.

В тот год маленькой Капе впервые разрешили идти к рождественской службе со старшими. И она помнит, как ждала этого чуда, как всё казалось чудесным — и поскрипывание чистого снега под ногами в эту рождественскую ночь, и луна в своём морозном ореоле.

Рождество у Викторовых справлялось богато. В то время было принято делать краткие визиты. Для визитёров в красном углу горницы под иконами накрывали стол: пироги, соленья, жареная индейка, домашнего копчения окорок с тёртым хреном и горчицей, твёрдомо-

чёные яблоки с золотистым бочком, орехи. Приходили соседи, певчие из хора, приезжали служащие из вотчинной конторы. В числе вин в пузатеньких графинчиках подавалась доморощенного рецепта рябиновая настойка. Деревенские ребятишки, ученики Фёдора Александровича, заходили тоже — гурьба за гурьбой. Им давались сладости и пятаки. К этому случаю старались запастись пятаками серебром (были и такие). Самых первых явившихся малых христославов сажали на меховую шубу для того, чтобы весной наседки были хорошие и выводили цыплят. Вечером бывали не заходящие, а долгие гости. Все радовались, садились за стол с самоваром. После чая играли в лото, и детей брали в игру.

Самая то была расчудесная пора детская — святки. Длились они от Рождества до Крещенья — 6 января по старому стилю. А посредине был Васильев вечер — канун Нового года. Считалось, что гадания, случившиеся в этот вечер, обязательно сбываются. Непременным событием дома в Новый год была ёлка. Иногда так и говорили: «Приходите праздновать ёлку». И собиралось у викторовской ёлки гостей множество! В обычае было, что дети в Новый год читают поздравительные стихи своим родителям, в коих выражают непритворную свою любовь, желают наслаждения здоровьем, долгой жизни. Родители же в ответ дарили детям подарки и разрешали снимать с ёлки разные вкусные «игрушки» — конфеты, пряники, фрукты.

Утром в Новый год обходили мальчишки дома с рукавицами, набитыми овсом, обсевали хозяев «на новое лето». Ну а молодёжь накануне Нового года и в другие святочные дни ходила под окна петь колядки.

Хозяйки пекли ароматные пряники-козули и дарили их, а ещё прибивали над дворовыми воротами: чтобы скот сам ходил домой и лучше плодился.

В той деревенской жизни отцы наши и матери имели детское счастье быть свидетелями и самим принимать участие в поверьях и обрядах, исстари водившихся на Руси.

В старину на Руси Крещенье считалось чуть ли не главным праздником, традиция эта особенно сильно сохранилась по деревням. В канун Крещенья от всенощной возвращалась Екатерина Александровна, приносила свечу и пламенем её коптила перекрытие ворот, двери дома. В других дворах коптили крестами даже конюшни и сараи.

К самому же праздничному дню во льду речки Ключёвки недалеко от дома Викторовых вырубали прорубь-иордань в форме большого креста. После молебна в церкви причт с хором в сопровождении всех жителей шёл к иордани.

На реке при полном сиянии на снегу ослепительного солнца свершался чин великого освящения воды. На словах: «Сам убо, человеколюбче царю, приди и ныне наишли Святаго Твоего Духа и освяти воду сию …» священник трижды погружал крест в воду — святил её. После чего миряне наполняли водой посуду и уносили домой, а несколько мужей окунались в реку, после чего сразу в тулуп, в валенки — и к себе на печку. Освящённую воду потом натощак пили с молитвою, а до того, придя домой, брызгали на притолоки дверей. В церкви священник этой водой крестил лбы прихожанам. Екатерина Александровна, придя из церкви, тёрла себе лоб пальцем и любовно рисовала кресты на лбу у своих детей, а если был кто болен, то тёрлась о его лоб своим лбом, делясь таким манером от души приобретённой благодатью.

Ещё приходил священник с причётником, кропил дом святой водой, рисовал мелом кресты на дверях, чтоб не преступали их злые духи, подходил к закуске праздничного стола. С концом зимы приходила Вселенская родительская мясопустная суббота — поминались

родители) — и, наконец, первая седмица Великого поста, страстная неделя. Её в семье любили, говели, причащались, исповедовались дружно, с охотой и настроением. Особо вкусной и памятной была постная пища тех дней: рисовые котлеты с грибной подливой и манные котлеты с клюквенной, щи из квашеной капусты, гречневая каша-размазня, обильно сдобренная постным маслом.

Дед с хором всё время разучивал и исполнял особые песнопения Великого поста. Но до того звучание их он по нескольку раз проигрывал с нот сам себе на скрипке. Этажерка, стоявшая в передней, была вся завалена нотами церковных песнопений композиторов Дмитрия Бортнянского, Степана Дехтерева, Петра Чайковского, Александра Глазунова и других. Великим постом то и дело читал он Евангелие и другие божественные книги. В «Истории» Василия Осиповича Ключевского подчёркивал красным карандашом следующие строки:

«Священные тексты и богослужебные обряды складываются исторически. Можно придумать тексты и обряды лучше, но они не заменят нам худших».

«Не смущайтесь этими терминами: религиозное мышление или познание есть такой же способ человеческого разумения, отличный от логического или рассудочного, как понимание художественное: оно только обращено на другие, более возвышенные предметы. Человек далеко не всё постигает логическим мышлением и, может быть, даже постигает им наименьшую долю постижимого».

Дед Фёдор Александрович был всесторонне образованным человеком. Просветительскую и духовную свою службу он понимал как служение народу. В этом служении и в детях видел смысл существования. Не раз критически высказывался он в отношении хищников-богатеев и аристократов, включая графа Строганова. Русская аристократия

к описываемому времени давно уже отошла от духовности, исповедуемого ею православия, а вместе с этим отошла от народа, его культурного и исторического наследия. Русская православная церковь оставалась единственной хранительницей так называемого византийского наследия, заимствованного от одной из древнейших культурных цивилизаций прошлого, она сохраняла его для народа и несла его в народ, в том числе и через своё духовное искусство: иконографию, живопись, архитектуру, хоровое пение, колокольные звоны. Церковные обряды и моления воспитывали в народе способность духовного переживания, сострадания, любви к ближнему, несли идеи жертвенности, искупления, видения небесного благословения. Всё это веками содействовало становлению фундаментальных черт исконно русской души, которая всегда проявляла себя в дни великих событий. Проповедь страдания вела в глубь человеческой души (Серапион Владимирский), а душа рождала силы для подвига Куликовской битвы, благословенного Сергием Радонежским.

Православный христианин соизмерял свою жизнь с Богом. Духовной сущностью своею, то есть способностью слышать голос совести, постигать меру добра и зла и различать грань между ними, способностью испытывать и ощущать степень справедливости — этим и выделяется человек. В этом состояла духовная традиция Русской церкви, обращённая к народу. И Фёдор Александрович был убеждён, что, управляя хором, вкладывая в него собственную душу, а потом и служа диаконом и священником, он служит народной духовной традиции, несёт в народ столь необходимую ему духовную и общую культуру.

Так думал дед, так он и жил, и был благословен за свои труды. Образованность его была особой, отчасти религиозной образованностью.

Не пришла ли пора понять, наконец, и наших предков в этом отношении?

* * *

Накануне Поста и самим Великим постом Фёдор Александрович усиленно занимался с хором, разучивая особые песнопения, полагающиеся в это время, а также в следующую за ним Пасхальную неделю.

Проходила крестопоклонная (третья) неделя Великого поста. 25 марта наступало Благовещенье, и Екатерина Александровна утром вынимала из печи жаворонков — крупные сдобные печенья в виде фигурок птиц с глазами из маленьких печных угольков. На крылышках и хвосте жаворонков вилкой были нарисованы проточки, изображающие распущенные птичьи перья. К тому времени от коровы после рождения телёнка уже бывало парное молоко. С ним-то дети и вкушали жаворонков.

На пятой седмице Фёдор Александрович на утрени читал в церкви Великий канон преподобного Андрея Критского, а в субботу на Похвалу Пресвятой богородицы — Акафист Божьей Матери. Он любил свершаемое Великим постом чтение церковных книг и атмосферу покойной ожидательной тишины, нарушаемой только голосом причётника, потрескиванием свечей и вздохами прихожан.

В Лазареву субботу хор пел «Лазаря». На следующий день праздновался Вход Господень в Иерусалим — Вербное воскресенье, все стояли в церкви с пучками вербы и свечами в руках. Вербу приносили с собой домой и ставили на подоконниках в воду. Солнечный свет золотил её пушистые почки, и не было более верного символа ожидания светлого праздника Воскресения Христова.

В Великий четверг «стояли» двенадцать Евангелий Святых Страстей Господа и пели «Разбойника благоразумного», одно из любимых хоральных церковных песнопений. Возвращаясь из церкви поздно с бумажными цветными фонариками в руках, старались, чтобы не задуло горящие в них свечи.

В пятницу свершался чин торжественного выноса Плащаницы Спасителя. В этот день Екатерина Александровна с Парамоновной хлопотали с раннего утра почти до начала всенощной, стряпали многочисленные куличи самых разных размеров — от малых детских до большого семейного, размером почти с рюмочный самовар, обмазывали их сахарным взбитым яичным белком, гоголем-моголем, и присыпали крашеным пшеном. Творожную пасху Екатерина Александровна делала тоже нескольких сортов, и среди них свою особенную, с мёдом и корицей, рецепта которой никто не знал, и которой она, потчуя потом гостей, очень гордилась (секрет пасхи утрачен в 1985 году с кончиной нашей матери Натальи Фёдоровны Викторовой). Яйца закладывали в большой самовар по сто штук, заливали водой и так кипятили. Красили их всегда сами дети.

Приближалась Пасха. Мальчики Викторовых загодя уходили с Фёдором Александровичем — они часто подпевали в хоре. С особым волнением ждали праздник девочки Наташа и Капа. Наряженные в белые платья, шли они к пасхальной заутрени. Сердца их бывали переполнены радостью и особой торжественностью. И вот наконец первый удар колокола, и под праздничный пасхальный трезвон хор поёт стихиру «Воскресение Твое, Христос Спасе…» и трогается Крестный ход.

А дома ждёт их мама с куличами, и первая христосуется с ними. Все разговляются. Утром снова, как и на Рождество, в большой горнице накрыт праздничный стол. За окном сияет солнце. На голых ещё

вётлах у своих скворечников заливаются скворцы. Первым приходит поздравлять школьный сторож. Он получает на тарелочке рюмку водки и полтину денег. Из церкви забегает пономарь. Ну а потом уж идут сплошные гости. Дарят крашеные яйца и получают в подарок такие же. Скоро дети, собрав дома и у соседей по десятку яиц, уходят на луг около церкви. Там на особых досках и одеялах катают яйца, выигрывают их друг у друга. И так всю Светлую седмицу.

На девятый день по Пасхе — родительская. Отец и мать приносят из церкви поминальные просфоры, дают детям. День поминовения родителей так и чтится в последующем всю жизнь.

Троицын день — начало лета. Когда дети учились в Тамбове, к этому дню уже все съезжались домой на каникулы. На лугу около церкви сплошные ребячьи компании. После зимы, после учёбы приятно порезвиться на свежей зелёной травке.

15 июля (старый стиль) — поминовение Великого Святого князя Владимира, крестившего Русь, и день ангела Володи. Мать пекла пироги с малиной, с яблоками. Отец с Володей ходили в церковь и заказывали молебен, а когда возвращались, то на крыльце дома ждал их праздничный обед. Вся семья к нему выходила празднично нарядной.

День ангела Екатерины Александровны 24 ноября отмечался на Великомученицу Екатерину и приходился на начало рождественского поста. Потому и угощение было скромное: пирог с капустой, пирог с грибами, грушевый взвар. В день ангела Фёдора Александровича с утра на дом приходил певчий хор, пел «Многие лета» и дарил икону.

Так проходили праздники, так писал о них дед в своих дневниках, так вспоминали потом дети Викторовых в рассказах, письмах друг другу, а после живущие вспоминают и поныне как прекрасную память детства и юности.

Глава 2

1905 год

Весны 1904 года дед Фёдор Александрович всё чаще читал в газетах о японцах, о том, какая это хитрая, коварная, злобная и завистливая нация, как они злобствуют на русские лесные концессии в Корее. Следствием коварства японцев явилось их внезапное, без объявления войны, нападение на Порт-Артур. Открылась военная кампания между Россией и Японией, сразу же ставшая неудачной для русских войск и флота.

Народ недоумённо спрашивал, что это за страна такая Япония, где она расположена, и из-за чего война.

Одна за другой последовали четыре мобилизации, вызвавшие большое недовольство в разгар полевых работ. Идя на войну, русский мужик пил горькую и плакал. Никакого патриотического подъёма не было. Положение усугублялось сообщениями о поражении русских войск и флота, капитуляции Порт-Артура, проигрыша войны. В 1905 году в городах бастовали и строили баррикады рабочие. Осенью в Тамбовской губернии начались и волнения крестьян.

В Александровке мужики толпами собирались на улице. Их разгоняли. Начались поджоги соседних помещичьих усадеб. В первую очередь сжигали скирды хлеба, омёты соломы, амбары с зерном.

Ночью Викторовы выходили на улицу и смотрели на зарево пожаров за горизонтом: горело в пяти-шести местах одновременно. Окрестные помещики бежали в Тамбов, и тогда жгли и грабили их дома и хозяйственные службы. Спалили и прекрасный особняк графа Болдырева, добро частично растащили.

В эти осенние ночи, боясь разгрома барского дома, на подворье которого стоял дом Викторовых, Фёдор Александрович и Екатерина Александровна большой сундук с вещами спрятали в школе, а другую часть вещей перенесли к знакомым. У них же и ночевала вся семья за исключением Фёдора Александровича, который спал дома один.

Ещё боялись студентов — их считали чуть ли ни главными смутьянами.

Между тем по губернии свирепствовали команды стражников под началом офицера Лясковецкого. Ездили они по сёлам, производили аресты, по-старинному пороли мужиков, чтобы поротыми задницами вспомнили прежние времена крепостного права.

В Александровке, как и везде в имениях графа Строганова, было относительно тихо. Крестьяне ничего не сожгли и не разграбили, помня доброту графа. Стражников для охраны имения тоже не вызывали. Лишь однажды через село на рысях прошла квартировавшая в Тамбове казачья сотня.

В осеннюю распутицу ночью из Тамбова пешком пришёл старший сын Саша, ещё подросток, учившийся там в духовной семинарии. Семинарию, а также тамбовское техническое училище временно закрыли из-за волнений в среде учащихся. Екатерина Александровна с дороги Сашу накормила, а когда тот, помывшись, сразу же уснул, устроила обыск в его вещах. Нашла прокламацию, где говорилось против царя, а ещё маленький револьвер «Монте-Кристо». Дрожащими руками

и часто крестясь, мать прокламацию сожгла в печке, а револьвер спрятала под передником и самолично, никому не доверяя, пошла и бросила в речку. Вернувшись, долго и горячо молилась «о спасении души заблудшей».

Переезд. Серединовка. Караи-Салтыковка

К 1910 году в Сергиевской церкви Александровки появился новый протоиерей, а старенький отец Ермил, с которым дед прослужил 25 лет, вышел за штат. Новый священник церкви невзлюбил регента хора. Сельчане уважали деда, а нового священника встретили настороженно. Кто-то вымарал дёгтем ворота его дома. В другой раз на кладбище оказались поломанными кресты. Священник перестал разговаривать с дедом и во время службы уносил в алтарь святые дары задолго до того, как заканчивал петь хор.

В это самое время управляющий графским имением Александр Васильевич Самодуров обратился к деду с просьбой приютить дальнего своего родственника — студента, замешанного, как видно, в политических беспорядках и бежавшего от ареста. Студент два дня жил в доме Викторовых, отъедался и отсыпался, играл с детьми, а потом уехал. Екатерина Александровна на прощанье подарила и надела ему на шею башлык.

О приезде студента стало известно протоиерею, и тот написал властям донос, в котором говорилось, что дед ведёт агитацию против царя и Отечества, принимает бунтарей, ломает кресты и т. д. В дом Викторовых приехали жандармы. В это время Фёдор Александрович

возвращался из школы. Жандармы окружили его в воротах и начали обыскивать. Доносились растерянные возгласы: «Помилуйте, господа, какие могут быть бомбы? У меня в кармане всего лишь сухие корочки». Дед вынимал и показывал жандармам ржаные корки, которые он экономно сохранял от стола для скотины. В доме произвели обыск, но ничего не нашли. А через несколько дней жители поймали и ту полоумную женщину, которая ломала кресты на кладбище и писала дёгтем на воротах. И хотя многое объяснилось, тем не менее, оставаться на службе у графа уже было невозможно, и деду отказали от должности учителя.

Екатерина Александровна съездила к графу и получила от него единственное разрешение — ещё некоторое время занимать квартиру. Через оговоренное время семью выселили в небольшую хижину, стоявшую на краю села.

И тогда вторично Викторовых выручил Пётр Иванович Орлов, муж сестры деда, настоятель собора в Лебедяни. Был он богатым, образованным и влиятельным человеком. В каменном особняке, который он занимал, была изысканная обстановка: со вкусом подобранная мебель, картины, несколько тысяч книг в библиотеке. В гостиной — рояль, на котором играл сам хозяин. Он же сочинял стихи и хорошо декламировал Пушкина, Байрона, Жуковского, Огарёва, Фета. Обеденный стол сервировался фарфором. В доме, несмотря на присутствие четверых детей, поддерживались безукоризненная чистота и порядок. Если в комнатах заводилась муха, то покоя не было никому до тех пор, пока она не изловлена.

Пётр Иванович составил протеже, и вскоре дед был приглашён во диаконы села Середниковка, с тем, однако, чтобы вступление в должность было проведено в порядке конкурса. Дед конкурс выдер-

жал (помог хороший голос), был рукоположен во диаконы, и семья переехала на новое местожительство. Случился этот переезд в начале 1910 года.

Приход был захудалый, лугов не было, и скотину держали во дворе. Стали снова налаживать хозяйство. Екатерина Александровна опять принялась разводить индеек и гонять их в степь. Фёдор Александрович принялся учительствовать в местной школе. У него же осенью начала учиться самая младшая дочь Капитолина. Александр и Алексей заканчивали старшие классы духовной семинарии. Володя ещё только туда поступил, Наташа училась в епархиальном, а Серёжа в духовном училище Тамбова.

Не прошло года, как стало известно, что открылась вакансия диакона в селе Карай-Салтыково. Дед поступил в тамошнюю сельскую церковь, и семья в 1911 году переехала ещё раз на новое место жительства.

Летом вернулся домой Александр. Духовной семинарии он не окончил: на выпускном экзамене получил двойку по пению. С осени начал учительствовать в местной земской школе. Училась у него и Капа. В школе Александр (заваливший экзамен по пению!) любил петь песни со своими учениками. В классе расставлялись полукругом парты, а песни были «Буря мглою небо кроет», «Кто скачет, кто мчится под хладною мглой» и другие. Как-то вместо Саши урок проводил Володя. Для устрашения нерадивых он принёс и положил на учительский стол хворостину.

Александр тем временем уехал в Харьков и поступил там в ветеринарный институт. Свадьба Александра и Людмилы состоялась в Карай-Салтыково потом, после рождения в апреле 1912 года их сына Николая. Тогда же, весною, Людмила приехала рожать к Фёдору Александровичу и Екатерине Александровне под видом дальней родствен-

ницы. Повивальная бабка, принимавшая роды, нашла у младенца две макушки и сказала: «Будет многожёнец». Скоро состоялись и крестины первого представителя пятого поколения Викторовых. В церкви было всё как обычно. В числе прочего отрезали прядь волос и бросили её в воду (если потонут — не жилец). Крёстной матерью стала тётка новорожденного Наталья, которой в ту пору исполнилось уже 14 лет.

В том же 1912 году в земской школе Карай-Салтыково стала учительницей и невестка Фёдора Александровича Людмила (Людмила Филипповна), у неё и окончила три класса Капитолина. Осенью она держала экзамен в епархиальное училище, выдержала хорошо, и её приняли. Но все остальные дети к тому времени продолжали учёбу, и оттого у Фёдора Александровича не было денег для оплаты ещё одного пансиона. Наташа училась в последнем классе епархиального училища, поэтому решили Капу ещё на год оставить дома, и она перешла в 4-й класс земской школы. Чтобы не держать ещё раз вступительного экзамена, была представлена от доктора Даммера справка о том, что девочка заболела скарлатиной и по состоянию здоровья учиться не может. Как плакала Капа, как ей хотелось учиться вместе с Наташей!

В 1913 году окончил семинарию и стал псаломщиком в одном из соседних сёл Алексей. Оперился и вылетел из родительского гнезда второй сын, а ведь совсем ещё в недавнем детстве звали его «копеечкой» за то, что имел привычку долго плакать по мелким поводам.

Всё реже собиралась вся викторовская семья вместе, но такие съезды в 1911–1915 годах всё-таки были. Заезжал с ветеринарной практики Александр, наведывался со службы Алексей, а потом и Наташа, приезжали на каникулы Владимир и Сергей.

Саша с Володей ходили на охоту, ездили в Карай-Пашино. Там камыши, и перелётной птицы было множество. Бывало, настреляют

Одна из встреч семейства Викторовых. Слева направо стоят: Наталья, Капитолина, Сергей; сидят: Людмила Филипповна, Екатерина Александровна, Володя с Буркой. Кусок фото был отрезан. Скорее, всего, это сделала бдительная Екатерина Александровна после ареста Саши в 1937 году

уток, а собрать их — ни черта не найдёшь. Лето 1915 года было дождливым, и в полях всё время стояла вода, образовавшая поросшие осокой мочажины. Саша или Володя с утра садились на велосипед и из подсолнухов сбивали уток. Не успевала мать раздуть самовар, а к завтраку уже прибывали 3–4 штуки.

К Пасхе приезжала Наташа. Она наряжалась сама и наряжала младшую свою сестру Капу. Вместе они ходили к пасхальной заутрене. Их сердца были переполнены радостью и особой торжественностью. Там, в церкви, их отец совершал великий чин пасхального богослужения.

В другой раз вся семья была приглашена к дьячку церкви, у него дочь выходила замуж. Наташа в белом платье с розой в причёске, такая живая, весело танцевала…

…И многое другое помнится о тех днях юности отцов и матерей наших.

В Духовной семинарии

Мальчики Викторовы — Александр, Алексей, Владимир и Сергей — все в десятилетнем возрасте уезжали в Тамбов и шесть лет учились в Духовном училище, затем переходили в Духовную семинарию и учились ещё четыре года. Изучали алгебру, геометрию, историю, греческий и другие общеобразовательные предметы, а также церковное пение и чиновник церковной службы. Окончание четырёх классов семинарии давало аттестат, позволяющий поступать в университет, в учителя начальных школ, в чиновники, а также работать в приходах псаломщиками или дьячками. Можно было продолжить образование в двух дополнительных богословских классах семинарии, изучавших гомилетику (учение о ведении христианской проповеди), апологетику и другие науки. Окончившие шестилетний курс рукополагались во священники. Все дети Викторовы заканчивали 4-летний курс семинарии. Из них только Алексей два года работал псаломщиком, остальные поступили в институты.

При зачислении в Духовную семинарию выдавалась Библия. Её полагалось хранить всю жизнь. Володя, например, хранил её до 1937 года. Полагались семинаристам и форменная рубашка, и тужурка. Ученики Духовного училища и семинарии делились на казённокоштных (живших в пансионе) и своекошных, снимавших квартиры.

«Своим коштом» почти всегда жили Викторовы. Братья совместно снимали комнату у хозяек то на Теплицыной, то на Киркиной улице (ближе к Двойной). Киркиной улица называлась потому, что стояла на ней немецкая кирха. Помимо братьев Викторовых, в коште участвовали и ещё ученики и семинаристы, всего до восьми человек. Один назначался старостой. Ему ежемесячно выдавалось по пять рублей, на которые дежурный каждый день покупал простой и ситный хлеб, колбасу и масло, а также мясо для обедов, которые варила хозяйка. Ей платили тоже по пять рублей в месяц за постой, стирку и готовку обеда, причём овощи, картошка и молоко шли от неё. Три раза в день она ставила на стол самовар. Керосин в лампу тоже заливала она. Утром

пили чай со свежим хлебом и колбасой. А на ужин было то же, что и на обед. По праздникам и воскресеньям хозяйка пекла пирог. Жили строго, экономно, старались учиться получше.

Как-то под конец учёбы в семинарии, когда жили у хозяйки только Володя с Серёжей и ещё одним товарищем, произошёл такой случай. Комната, которую занимали семинаристы, выходила окнами во двор, а в доме была ещё одна комната с окнами «на план», т. е. на улицу. Занимал её молодой человек, о котором никто ничего толком не знал; приходил он поздно, а часто и вообще дома не бывал.

Дело было вечером, вскоре после того, как вернулись в Тамбов после рождественских каникул. Володя с товарищами играли в карты. Вдруг слышат, кто-то ставень снаружи то откроет, то закроет. И так несколько раз. Потом стучат в дверь, говорят: «Полиция». Входят несколько полицейских и с ними шпики в штатском. «Сидеть, — говорят, — с места не двигаться». Устроили обыск сначала в комнате молодого человека, нашли бикфордов шнур и, чтобы убедиться, подожгли его, наполнили дымом всю квартиру. Обыскивали и комнату семинаристов. Один полицейский увидел гимнастические гантели, набитые песком, и хотел их взять. А товарищ Володи как крикнет: «Осторожно, взорвутся!» Полицейский аж отпрянул сперва-то.

Про молодого человека говорили потом, что он из студентов. Группа их копала подземный ход из одного дома через улицу в городскую тюрьму. Но подкоп вышел не в то помещение, и их раскрыли. Правда, молодой человек сумел скрыться от ареста.

Случилась в Духовной семинарии и забастовка. Началась она среди казённокоштных, которые питались в семинарской столовой. Уж больно плоха еда была Великим постом. Чуть ли не голодовку объявили семинаристы. Приезжал архиерей. Вошёл в трапезную, ходит,

там попробует пищу, здесь. Начали свистеть и архиерея освистали. Он уехал. Вскоре после его отъезда приехал инспектор, которого, между прочим, боялись. Тогда выключили свет и сверху лестницы бросали в инспектора табуретами. Инспектор затем долго мстил: приезжал вечерами в пансион и проверял, все ли спят, не спрятана ли под одеялом кукла из одежды, не сбежал ли владелец постели в театр.

В остальном жизнь и учёба в семинарии протекали как обычно. На уроках озоровали. Вот, например, один из учителей имел привычку всё время тереться животом о край стола. Сыпали на его стол порошок «Апчхи» (такой раньше везде продавался), и учитель начинал чихать — сначала тихонько, а потом всё сильнее.

Страстную (первую) неделю Великого поста семинаристы и ученики Духовного училища не учились: говели, причащались, постились. То же и последнюю седмицу поста, чтобы потом быстрее на праздники, на каникулы, в деревню к родителям и в большой семье праздновать вечные праздники детства и юности.

Епархиальное училище. Наташа и Капа

Наташа впервые увидела поезд в девять лет, когда отец повёз её в Тамбов поступать в Епархиальное училище. О поездах и других особенностях городской жизни и тогдашней техники Фёдор Александрович, будучи широко образованным человеком, рассказывал Наташе задолго до поездки. Говорят, она была его любимицей.

С сентября 1907 до мая 1913 года Наташа провела время в стенах Епархиального училища с пансионом, за исключением ежегодных трёх

каникулярных летних месяцев да больших праздников, проводимых всегда в родительском доме. До сего времени цело в Тамбове здание училища. На старых фотографиях тех лет запечатлено массивное двухэтажное здание с высокими окнами, домашней церковью и особняком директрисы во дворе. Из центральной прихожей чугунная лестница вела на второй этаж. Внизу — классы со строгими линиями парт, где нет ничего лишнего. Такое же впечатление в столовой со сводчатыми потолками и в спальне, сверкающей белизной покрывал на подушках и занавесок на окнах. Такие же белые пелерины поверх тёмных платьев и на прощальной фотографии с классной дамой. Передний ряд девочек сидит на траве, в том числе Наташа. Так фотографировался выпускной шестой класс. Был ещё и седьмой класс, но право преподавания в начальных классах церковно-приходских и земских школ давалось после шестого, поэтому Наташа окончила шесть классов.

Классная дама прежде всего учила походке и очень возмущалась тем, как ученицы ходили. Самое распространённое наказание для

учениц состояло в том, что заставляли читать «Апостола». Два раза за шесть лет Наташу именно так и наказывали.

В Епархиальном училище была своя домашняя церковь. Утром и вечером туда приходили все классы с классными дамами во главе для краткой десятиминутной молитвы. В эти дни посторонних в церковь не пускали. В воскресные дни и православные праздники служба была большая. В это время в церковь приходили гимназисты, девочки, живущие по соседству, и все, кто хочет. Таких прихожан всегда бывало много, так как училище славилось очень хорошим женским хором. Наташа хорошо успевала по математике, и классная дама однажды сказала ей, что, наверное, директриса поставит её у свечного ящика. А была у Наташи толстая и длинная коса. Косу ей отращивала сама Екатерина Александровна, заставляла мыть голову травяными отварами и подолгу массировать руками. И вот в приёмной зале в ожидании директрисы Наташа вертелась перед зеркалом и говорила вслух: «Вот какая у меня коса, ну разве не назначат меня стоять к свечному ящику?» И действительно, директриса сказала: «Будешь, Викторова, стоять у свечного ящика». Назначение такое производилось на один сезон и считалось почётным.

Ходить во время службы по церкви не разрешалось. Окрестные мальчики и девочки могли только купить свечку у Наташи и передать, к какой иконе её поставить. Наташа клала свечи в ящике в том порядке, как висели иконы, затем в том же порядке зажимала их между пальцами, шла и ставила к иконам заказанные свечи.

Осенью 1913 года вместо Наташи в Епархиальное училище поехала Капа. Первое время она очень скучала и всего боялась, даже из класса выходить. Тогда в Тамбове ожидалось знаменательное для тех времён событие — приезд царской четы на открытие мощей святого

Питирима, бывшего в середине XVII века архиепископом тамбовским, прославившемся благоусердными трудами и неустанным пасторским служением.

В Епархиальном училище девочек строго учили делать реверанс на случай приезда императрицы. Но царь с царицей удостоили посещением лишь Екатерининский институт благородных девиц.

Братья Володя и Серёжа в то время находились в толпе, встречавшей царя на вокзальной площади, оцепленной солдатами лейб-гвардии Преображенского полка. Солдат, здоровенный детина, прикрикнул басом: «Осади, осади!» и повёл рукой вокруг себя. Уперев кулак в живот Серёжи, словно оглоблей, отодвинул толпу. Вместе с братом Володей видели они, как царь с царицей вышли по ковровой дорожке из вокзала, сели в коляску и уехали в окружении наряда верховых казаков.

Володя и Серёжа навещать Капу в училище не больно ходили — своих интересов и забот хватало. А вот Наташа, хоть в то время и работала уже учительницей, однажды приехала, отпросила её у классной дамы и ходила с нею в театр смотреть комедию Островского «Таланты и поклонники».

Проучилась Капа в Епархиальном училище четыре года, и тут настала Февральская революция. Утром в училищной церкви диакон прочёл манифест о том, что царь отрёкся от престола в пользу брата Михаила. Было как раз воскресенье, и обычные воскресные гости и родственники приходили в училище с красными бантами на груди и гостинцы приносили слаще обычного. Потом начались всякие собрания старших классов совместно с семинаристами. Вечером пришли гимназисты, принесли газету «Русское слово». В актовом зале был снят портрет царя, положен на пол. Кто-то сел за рояль и под музыку траурного марша ученицы парами прошли через портрет. При этом одни

наступали на портрет, а другие, в том числе и Капа, — воздержались. После этого дисциплина и порядок в училище упали. Девицы старших классов, к ужасу классных дам, стали не по форме завязывать банты, делать прически, носить украшения.

Учительницы

Наша мама Наталья Фёдоровна рассказывала:

«В 1915 году я окончила Епархиальное училище, год пробыла у родителей в Карай-Салтыково, а когда минуло мне 16 лет, стала устраиваться на работу учительницей. Подала заявление начальству и стала ждать. И вот приснилось мне, будто утром идёт к нам Егорка, волостной писарь, и несёт для меня пакет, а в пакете бумага с назначением учительницей в деревню Козьмодемьянская Ира. Такая деревня была в Тамбовской губернии, стояла она на речке Ира, а в деревне была церковь с престолом Козьмы и Демьяна.

Такому сну я очень удивилась, так как думала, что наиболее подходит это для другой нашей выпускницы, Ирины Козьмодемьянской.

Самое же главное состояло в том, что сон этот сбылся через несколько дней: пришёл писарь Егорка, принёс пакет.

Стали собираться, снаряжать лошадей, уложили в телегу перины и прочее добро. Отвозил меня брат Володя. Стоял сентябрь, дороги уже грязные. Проехали мы в Кирсанов — это от нас вёрст двадцать, а оттуда надо ехать ещё столько же. Распрягли, покормили лошадей, а когда из Кирсанова поехали дальше, оказалось, что никто не знает, где такое село. Что делать: у кого ни спросим, никто такого села не слыхал. Потом уже один мужчина сказал нам, что названия такого тут никто

не знает. А по-здешнему зовут село Дристовкой. Вот, мол, Дристовку и спрашивайте. В Дристовку приехали уже потёмну. Смотрим: какое грязное село. Куда ни обратимся за ночлегом — везде грязные избы: взрослые и дети спят на полу с телятами, свиньями. Беднота, грязь, народ тёмный. Все носят лапти, а женщины ходят в шерстяных чёрных сарафанах, называемых панёвами. Чем богаче семья, тем больше лент к сарафану подвязано».

Трудно было молоденькой шестнадцатилетней девушке работать и жить в таком селе, вдали от семьи. Наташа дома в куклы играла до шестнадцати лет, но на новое место кукол с собой не взяла, а поручила временно заниматься ими Капе, когда та бывала у родителей по большим праздникам. Писала сестрёнке, какую куклу во что одеть на праздник.

Тем временем (очевидно, в 1915 году) Людмила Филипповна, жена Александра, переехала в село Перово-Разумово и поступила в услужение в дом графа Перовского на летний сезон в качестве гувернантки детей графа. Они с женой приезжали в имение только летом.

Деревенские бабы приносили графине яйца, и она отчаянно торговалась с ними прямо в комнатах. Её называли ненастоящей графиней. Известный русский математик Софья Перовская была родственницей графа. И ещё неподалёку было имение Чичерина.

Дом графа Перовского был большой, а местонахождение его шикарное по красоте. Для сестры графа был построен отдельный дом на берегу речки при слиянии Карая и Вороны. Богатство графа составляли большие строевые леса, водяная мельница с выработкой лучших сортов муки и пшена, конный завод с великолепными лошадьми.

Осенью графская чета уехала, а Людмила Филипповна пошла работать учительницей в местную школу. Там же была и вторая вакан-

сия и, недолго думая, на семейном совете решено было переводиться туда и Наташе, тем более, что Перово-Разумово располагалось недалеко от Карай-Салтыково.

Две новые молодые учительницы зажили весело и дружно, а в скором времени присоединился к ним и Александр. Ученики и жители учительниц любили и часто звали в гости, особенно на крестины и похороны.

Весной ходили гулять на дамбу, где ночью жгли пучки соломы и бросали их в воду.

Церковь стояла в соседнем селе, туда ездили на линейке, а в пасхальную ночь возвращались обратно со свечами, горящими в фонарях.

У водяной мельницы был песчаный обрыв: бугор с соснами наверху, и пляж внизу. Ходили туда ночью, плясали в газовых шарфах и купались. Людмила Филипповна играла на лютне. Ходили в народ, устраивали публичные чтения, концерты, спектакли.

Жалованья получали по двадцать пять рублей, за стол и квартиру платили по четыре рубля.

В селе жил хирург — тот тип идеального земского врача, который на свои средства построил больницу и вложил в неё свою жизнь и средства. При больнице находился парк, отдельные домики для персонала. Был даже керосиновый движок, соединённый с динамо-машиной. С его помощью электрическим светом освещались больница и имение. Заведовал этим хозяйством человек, прозванный «светитель». Фамилия его была Балеев. (Его дочь жила потом в Саратове и поддерживала отношения с Володей и Наташей. А сын её, Юрий, учился на геологическом факультете МГУ.)

Там же, в Перово-Разумовом встретили две учительницы и октябрь 1917 года. Весной восемнадцатого года имение разорили, зимний сад

уничтожили, прекрасную берёзовую рощу свели на дрова. Старинное вино из графских подвалов в два дня распили на траве. Мелкое имущество поделили «по нарядам». Наташе достались металлический поднос с фарфоровым натюрмортом и мыльница (обе вещи сейчас целы). По другим сведениям, могли они быть и из имения Чичерина. Жил в имении его брат, и официально дом не подвергался конфискации, но кое-что и там подрастрясли.

К осени 1916 года Фёдор Александрович и Екатерина Александровна уже переехали в Мосоловку. Наташа и Людмила Филипповна перебрались в Карай-Салтыково, где было безопаснее. Но и там события иной раз доходили до настоящей войны. Как-то раз зазвонил в деревенской церкви набатный колокол, поднял всех и собрал в центре села. Приехал какой-то отряд анархический: почти все в кожаных тужурках, перепоясаны пулемётными лентами, у пояса связки гранат, на груди красные банты и прочая амуниция. Отряд скоро ушёл, и некоторое время всё оставалось относительно спокойно. Наташа и Людмила Филипповна учительствовали.

По воскресеньям звонил колокол, и Наташа шла в церковь. Увидев её, из изб подваливали ребята. Было приятно, что учительница в церкви стоит в окружении учеников. После обедни родители учеников наперебой зазывали к себе домой на воскресный завтрак. Почти у всех была куриная лапша, блинчики, пирожки, ещё что-нибудь, сделанное на каше. Ко всем надо было зайти, уважить, хоть минут на десять. «Уж Вы скушайте то да это! Только попробуйте». Уважение, которым пользовался Фёдор Александрович, передавалось на его дочь и невестку.

После Первой мировой войны и революции интеллигенция в селе была в почёте. Все молодые парни, возвращавшиеся из армии, хотели ухаживать за интеллигентными девушками. А Наташа и Людмила

Филипповна были молодые, весёлые. У себя на квартире устраивали вечера, театральные постановки, концерты, танцы. Только кончится вечеринка — сейчас какие-нибудь восьмилетние почтальоны несут записки с признаниями. Местные девки ревновали. Однажды у Раи (другой учительницы) даже окна перебили.

Мосоловка

Когда началась германская война, Фёдор Александрович первым в губернии пожертвовал свои медали на военные нужды. Об этом писали в газетах, и шум был большой. Семья в то время жила в Карай-Салтыково. Осенью 1916 года Фёдору Александровичу посоветовали участвовать в конкурсе на место священника в сельском приходе села Мосоловка. Церковь там на свои средства содержал местный помещик и платил служителям плату более обычной. Конкурс Фёдор Александрович успешно выдержал: проговорил «Многая лета», спел что-то, и управляющий сказал ему: «Вы нам подходите». Для священника крайне важно иметь хороший голос, и весь конкурс почти исключительно шёл по этой линии.

Когда через неделю подводы с пожитками Викторовых въезжали в Мосоловку, мужики-возчики кричали: «Смотрите, у них колокола на помосте». Действительно, колокольни у церкви не было, а была так называемая арочная звонница: на железной балке висели малые и средние колокола, над ними двускатный навес, под колоколами помост для звонарей.

К маленькой церкви примыкала школа. В воскресные и праздничные дни двери между ними растворялись, и образовывался как бы

Рисунок М. В. Вороновой "Мосоловка. Пруд высыхающий"

дополнительный придел для молящихся. Фёдор Александрович стал работать ещё и учителем в школе.

Жили в Мосоловке до 1924 года. Семьи постоянной в Мосоловке уже не было, все бывали только наездами. Весной 1917 года из епархиального училища приехала Капа. Отец встретил её такой незнакомый в новой священнической рясе. Капа и Серёжа первое время жили в доме постоянно. Какое-то время здесь же учительницами работали Наташа и Людмила Филипповна. Подрастал первый викторовский внук Коля, потом родилась его сестра Людмила или, как её звали в семье, Люльча.

Зимой из Тамбова в одном одеяле привезли шестимесячную дочку Алёши Алю. Привезли бледную, дрожащую от холода. Девочку отдали, а одеяло увезли обратно (Алёша служил в Красной Армии). Стали Викторовы растить троих внуков.

Когда скинули царя, мать, Екатерина Александровна, сказала: «Ништо, можно и без царя», а Людмила Филипповна молча сняла иконы в своих комнатах, чем вызвала большое неудовольствие Екатерины Александровны.

Дом священника в Мосоловке был весьма большой, и всем места хватало. В доме было два входа. Передний вход с длинной стороны дома делил его пополам; справа —две большие комнаты, а слева — прихожая, кухня, столовая и несколько малых комнат. Крыша у дома железная, три трубы наверху.

Мосоловка, как это было обычным в то время, состояла из нескольких частей. В Посевке жили бедняки, во Владимировке — богатые. Свершение Октябрьской революции в деревне было отмечено следующим образом. Из Посевки пришли к Фёдору Александровичу мужики и просили отслужить панихиду по убиенным революционерам. Панихида была отслужена.

Рисунок М. В. Вороновой. "Мосоловка. На скотном дворе".

В 1917 году Володя получил письмо от своей крёстной матери Анны Ласкиной. Была она дочерью дворянина, и как-то там по наследственным делам получалось, что дворянская вакансия оставалась свободной. Крёстная сообщала, что предполагает дворянство передать Володе. К счастью, как потом вспоминал крестник, этого не произошло.

В 1918 году семья деда получила хороший земельный надел, очевидно, с учётом того, что один или два сына его служили в Красной Армии. Купили лошадь, серую кобылу Машку. Стали крестьянствовать, пахать, сеять. Основными работниками были приезжавшие к полевым работам Володя и Серёжа. Реже приезжал из Тамбова Александр, ставший начальником. Иногда он присылал за женой и детьми кучера на рысаке.

Приезжал Володя из института и читал мужикам политические доклады. Рассказывал он интересно, отстаивал линию большевиков, его внимательно слушали. Володю и Серёжу мужики-соседи охотно принимали в артели для работ по пахоте, косовице, обмолоту. Работали они весело, хорошо, с шутками и прибаутками. Впрочем, Серёжу в 1920 году тоже взяли в Красную Армию. В те годы Капа не училась, оставалась дома, ставила в школе спектакли.

Приёмная дочь Викторовых Уляша писала из Петрограда, что заведует женотделом. Она там давно уже жила, вышла замуж за мастера фабрики «Скороход».

Людмила Филипповна знала травы и лекарства и лечила всю деревню. Другого доктора в деревне в то время не было.

Жила близ Мосоловки семья помещиков-тружеников Чечнёвых. Остался у них после революции дом и немного земли. Все сами работали от солнышка до солнышка. Одна из сестёр заведовала садом, разводила культурные сорта, применяла всяческие новинки. Другая

занималась птичником. Младший брат, бывший офицер, раненный на гражданской войне, занимался пасекой, а старший вёл полеводство. Их всех любили крестьяне, и они крестьянам помогали, как могли. Потому местные власти после революции долго раздумывали и вынесли такое решение: сколько смогут увезти с собой бывшие помещики за три дня — пусть останется им, а остальное будет конфисковано. Конечно, всего добра Чечнёвы не смогли с собой забрать и многое раздали крестьянам. Викторовым достался сундук с вещами, письменный стол, а к нему «поющие» подсвечники из медно-серебряного сплава. Большая часть этих вещей и сейчас цела (находится у В. Ф. Викторова).

Чечнёвы же благополучно устроились учителями по соседству.

Александр Фёдорович приезжал из Тамбова отдохнуть в родительском доме. Вставал рано утром, уходил на охоту. Не успеет мать постирать бельё, а он уже возвращается и несёт пару уток.

В 1920 году началась антоновщина. Крестьяне, соседи Викторовых, почти сплошь были за Антонова. Днём работали, а ночами верхом на лошадях воевали. Своих сельских жителей они не трогали, а кадровый состав банды зверствовал. В соседнем селе ветеринарный врач чем-то не угодил, так они жену его увезли, изнасиловали, убили и бросили в овраг. С трудом потом нашли её, чтобы похоронить. Зимой другого жителя утопили в проруби, лишь весной похоронили всплывшее тело.

Как-то раз приехал в Мосоловку красный разъезд, а Наташа сказала им, что в селе антоновцы, чтобы уходили быстрее. На следующий день отряд бандитов, которые каким-то образом о случае том прослышали, пришли и хотели забрать Наташу в штаб. Обычно это означало расправу. Но в переговоры с антоновцами вступила Людмила Филипповна, завела разговор о постороннем. Наташа потихоньку вышла из дома, а Людмила Филипповна бандитов совсем заговорила, и те ушли.

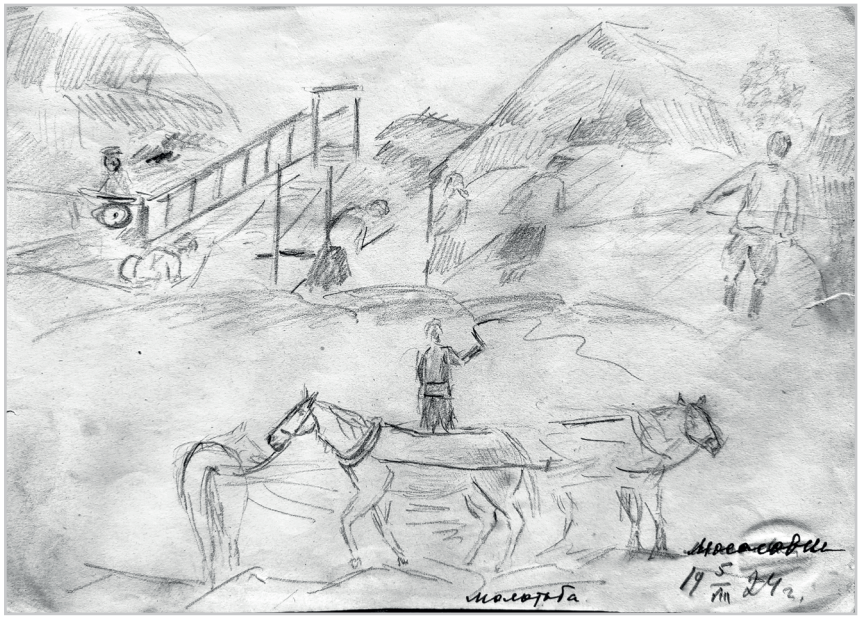


Рисунок М. В. Вороновой. "Мосоловка. Молотьба"

Дело в том, что лечила она не только сельчан, но и антоновцев, и семьи их тоже, когда те болели.

Машка, кобыла Викторовых, в своё время ожеребилась Зорькой (родилась на заре). Выросла та уже большая, была умницей и баловницей, любимицей Наташи. Машку к тому времени красные уже «мобилизовали», и Зорьку стали прятать в сарае за ворохом сена и кормов в закутке. Как-то раз соседи прибежали предупредить, что к деревне подходят белые. Наташа бросилась на луг, где паслась Зорька, и успела её спрятать. Никогда не было у них обысков, иначе Зорьку обязательно бы нашли.

В другой раз красные проходили через село и трое зашли к Викторовым во двор. Наташе на крыльце велели держать лошадей и никуда не уходить (чтобы свидетелей не было). Дома оставались Фёдор Александрович и Екатерина Александровна. День был воскресный,

на столе стояли пироги. Стали те трое есть не спросясь. Взяли мельхиоровые столовые ложки и ели варенье из банок, а ложки потом в карман положили. Уходя, один рубанул саблей по буфету.

Мосоловка лежала близ Протасова, родины Фёдора Александровича. По-прежнему с Екатериной Александровной и детьми частенько ездил он к отчему дому повидать сестру Настю да брата Павла, что жил своим домом рядом. В одну из таких поездок и привёз он от сестры две старинные лавки и три самодельных стула, один из которых цел до сих пор. Брат Павел продолжал учительствовать, увлекался пчёлами, в саду у него всё ещё стояли старинные отцовы ульи, долблённые из целых стволов и раскрашенные под идолов. Был Павел бездетным и в своё время просил Фёдора Александровича и Екатерину Александровну отдать им на воспитание Володю и Наташу. Был он сравнительно богатым человеком. Отдать детей дедушка и бабушка не захотели, но Екатерина Александровна сказала: «А вы им помогайте». Изучил брат Павел всю народную премудрость лечения травами, собирал их, и к нему много людей ходило лечиться. По этой причине антоновцы считали его богатым человеком. И вот как-то ночью подъехали к дому бандиты, и один из них с обрезом в руках стал стучать в окно. Павел взял в руки топор и подошёл к окну. Тотчас же раздался выстрел через стекло. Павел Александрович замертво рухнул на пол, а бандиты уехали. Хоронить дядю приезжали Алёша и Володя.

В те трудные времена часто приходилось ходить пешком до ближайшей железнодорожной станции Инжавино — за двадцать пять километров. Одно время каждое воскресенье туда ходила Капа за продуктами (она училась в трудовой школе и там же получала продуктовый паёк). На полпути предстояло проходить деревню Караул. Это было самое бандитское село. Наташа тоже через него ходила, вернее,

обходила его краем леса. Наконец, благополучно миновав село, Наташа приходила в Чекино и облегчённо вздыхала (в селе стояли красные). Добиралась домой и сразу же включалась играть в лапту.

В самый разгар антоновщины Володя приехал в Инжавино на поезде и начал спрашивать, спокойна ли дорога. Ему не посоветовали ехать, сказали: «Если поедешь, антоновцы заставят идти к себе, да и красные засудят. Не пойдёшь к антоновцам, можешь от них пострадать, да и семью под удар поставишь». Подумал-подумал Володя, да и решил: «Разве я враг себе?» Повернулся и пошёл обратно на станцию.

Вскоре антоновцев разгромили, но мелкие остатки банд всё ещё рыскали по округе. Серёжу на сельском сходе выбрали секретарём сельсовета. Был он в деревне чуть ли не единственный грамотей. А председателем сельсовета выбрали старого неграмотного деда. Серёжа читал ему бумажки, приходящие от властей, и писал ответы. Бумажки были о поставках хлеба, налогах, выделении лошадей и подвод. Вместо подписи дед ставил печать, которую хранил в мешочке в кармане и называл четушкой. Ну а Серёжа весело работал, любой трудный вопрос обращал в шутку. Дремучий дед и молодой парень образовали смешную пару, всем на удивление. Но было так недолго: Серёжу взяли в Красную Армию. Дед без него сильно робел, говорил, что отдаст четушку бандитам. Те действительно несколько раз были в селе, но его не тронули.

Вот внук Викторовых Николай — тот ничего не боялся. Достал где-то взрывчатку да и разворотил печку в доме дедушки-бабушки.

Послесловие

Эта книга — не только дань уважения нашим ушедшим и ныне живущим предкам. Книга должна объединить прямых потомков, дать им сведения об их истории и происхождении.

Дедушка умер в 1938 году в возрасте 80 лет в Тамбове от воспаления лёгких. Шесть последних лет жил он один, без бабушки, которая уехала, чтобы помочь дочери Капе растить и воспитывать сына Лёву.

Во время Великой Отечественной войны 1941–45 гг. бабушка Екатерина Александровна жила в Саратове попеременно в семьях сына Володи и дочери Наташи. Умерла она в декабре 1945 года в возрасте 87 лет. Ничем не болела и скончалась от старости, тихо пролежав в постели две недели. За десять минут до конца внятно сказала дочери: «Ты меня прости». Через день приходил из церкви батюшка, кадил ладаном и отпевал, как в старину было положено. На могиле бабушки на Воскресенском кладбище стоит металлическая оградка, крест, табличка с надписью «Спи спокойно, дорогая мама». Ещё одна табличка напоминает о далеко лежащем дедушке и сыне Александре, место захоронения которого неизвестно.

Екатерина Александровна и Фёдор Александрович родили и вырастили четырёх сыновей и двух дочерей.

Л. А. Краснов

БРАТЬЯ И СЁСТРЫ ВИКТОРОВЫ

Москва 1920-х годов

Содержание

Предисловие.....123
Александр Фёдорович Викторов (1890–1943?).....125
Алексей Фёдорович Викторов (1894–1943).....134
Владимир Фёдорович Викторов (1896–1990).....141
Сергей Фёдорович Викторов (1899–1965).....149
Наталия Фёдоровна Викторова-Семёнова (1898–1985).....153
Капитолина Фёдоровна Викторова-Краснова (1902–1993).....158
Мария Владимировна Воронова.....191
Эпилог.....196

Предисловие

«Мне на плечи кидается век-волкодав...»
О. Мандельштам

В книге «Дневник моего деда» рассказывается о дружной семье Фёдора Александровича и Екатерины Александровны Викторовых, живших в селе Александровка Тамбовской губернии, родивших и воспитавших четверых сыновей и двух дочерей. Их спокойная жизнь окончилась с началом Первой мировой («германской») войны. Все сыновья были на фронте. Потом они вступили в Красную Армию. Дочери учились. Все создали семьи, у всех родились и выросли дети. Но сколько трудных ступенек жизни им пришлось преодолеть…

В этой части книги рассказывается о судьбе братьев и сестёр Викторовых: Александра, Алексея, Владимира, Сергея, Натальи и Капитолины. Основа текста — личные записи героев данного повествования. Текст подготовлен Л. А. Красновым по материалам его собственного архива и архивов Н. Н. Семёнова, А. Н. Рокова, В. Н. Румянцева.

Слева направо: Сергей, Владимир, Александр. 1921 год.
Брат Алексей – в польском плену

Алексей

Капитолина (слева) и Наталья

Александр Фёдорович Викторов (1890-1943?)

Во время учёбы в Духовной семинарии Александр имел контакты с эсерами. Осенью 1905 года, когда семинарию временно закрыли из-за волнений среди учащихся, он пришёл пешком из Тамбова домой. Екатерина Александровна Сашу накормила, а когда он уснул, устроила обыск в его вещах. Нашла прокламацию, где говорилось «против царя», и маленький револьвер «Монте-Кристо». Часто крестясь, мать прокламацию сожгла в печке, а револьвер бросила в речку.

По окончании Духовной семинарии Александр работал учителем земской школы. В 1911 году женился на Людмиле Дороговой. В 1912 году у них родился сын Николай.

Саша Викторов, 1905 год

Из воспоминаний сестры Капитолины:

«В 1911 году в Карай-Салтыково женился старший брат Александр на очень приятной девушке Людмиле Филипповне Дороговой. Мы все её сразу полюбили, она была добрая, ласковая, умная. Я ходила за ней хвостом. Она занималась со мной, учила меня

говорить по-французски, но далеко эти уроки не пошли, я даже не знаю почему, наверное, ей просто было некогда. Жизнь Л. Ф. в нашей семье имела огромное влияние на наше воспитание и наши познания. Она была прекрасный педагог».

В 1915 году Александр окончил Харьковский ветеринарный институт и был призван на фронт в чине офицера на должность ветеринара конной артиллерии. Участвовал в боях Первой мировой войны.

После 1917 года работал ветеринаром в городе Кирсанове Тамбовской губернии. В помощниках у него был пленный австриец Больней. Склонен был Александр Фёдорович к шуткам и говорил австрийцу: «Пойди с девками погуляй». А тот в ответ начинал плеваться: «Грязная свиния!» И не уходил.

К нему, старшему брату, потянулись младшие братья и сёстры. Приехала и всю зиму училась в школе Капа, заезжали и Володя, и другие братья. В один из приездов Александр Фёдорович подарил Володе немецкую бритву и мраморное точило, которые тот хранил до своей кончины.

В 1918 году Александр вступил в Красную гвардию в городе Кирсанове. Затем перешёл в кавалерийский полк. С 1919 года воевал на Деникинском (Южном) фронте.

Из воспоминаний родных А. Ф. Викторова:

«…В конце 1919 года пришло известие с Деникинского фронта, что Александр болен тифом и лежит в госпитале. К нему решила ехать жена Людмила Филипповна, но родители её не пустили одну, и тогда вместе с ней поехала сестра Александра Наташа. Добирались около месяца, в основном с военными эшелонами. Приедут на какую-нибудь станцию, ходят, спрашивают, какой воинский эшелон первый пойдёт.

Ехали и с командирами, и с солдатами в самых разных вагонах и поездах. Красные бойцы — красноармейцы, войдя в их положение, всегда в пути заботились о них. В вагонах вши — гроздьями, их просто стряхивали руками. К этому времени деникинские войска почти разбили, они отступили, но были разбиты и все ж/д станции, мосты взорваны. Три раза приходилось перебираться через реки по взорванным мостам: один конец моста лежит на быках, другой в воде. По доскам приходилось спускаться, лезть через воду, снова подниматься. На другом берегу снова искали идущий в нужном направлении поезд и ехали. Уже настала зима, вдоль железной дороги лежали трупы тифозных. Под конец пути долго ехали в теплушке с конной артиллерией. Когда прибыли в Харьков, брюшным тифом заболела уже Людмила Филипповна. Бойцы, когда поезд остановился, быстро установили сходни, вывели лошадей, верхами поехали в город, нашли госпиталь, где лежал Александр Фёдорович, вернувшись назад, на санях отвезли Людмилу Филипповну в этот госпиталь, а Наталью Фёдоровну устроили на работу там же сестрой милосердия. Наташа ухаживала за ранеными. Всё время просили подойти именно её. Она перебинтовывала, но прежде, чем снять бинты, стряхивала с них вшей.

Питания Наташе не полагалось, и она ходила за продуктами на базар. Там из кошёлки вытащили у неё кошелёк со всеми деньгами.

Наташа горевала, пошла побираться по базарам, на улице, но чаще в церкви. В церкви к ней и подошла одна женщина и сказала: «А я сегодня во сне видела, как я тебе помогаю». И действительно, потом, как только встречала Наташу, так давала ей деньги, молоко, хлеб или пирог.

Потом Наташа тоже заболела тифом. Сначала сыпным, затем возвратным. Александр Фёдорович и Людмила Филипповна к тому времени уже поправились. Домой, в тамбовские места, вернулись лишь к лету двадцатого года».

Александр был очень жизнелюбивым человеком, разносторонней личностью. Любил охоту (сохранился его охотничий рог, подаренный племяннику Льву). Помимо основной работы занимался научными трудами. Организовал в Тамбове сельскохозяйственный институт. Всегда был опорой братьям и сёстрам. Однажды Капа приехала на каникулы и с другом Александра Фёдоровича уехала вечером кататься на лодке по реке. А там Цна имеет много рукавов и островов, среди которых

Александр Фёдорович и Людмила Филипповна Викторовы

они и заблудились. В результате явилась Капа домой глубокой ночью. Пришлось лезть на крышу сарая, а оттуда через кухонное окно в дом.

В тридцатых годах Александр Фёдорович работал уже в Воронеже, в одном из областных управлений, связанных с сельским хозяйством и пищевой промышленностью. В 1934 году он был в США, в Чикаго и других городах, в служебной командировке. На фотографии тех лет он — в шляпе и элегантно одетый — на улице в Чикаго.

США, г. Чикаго, 1934 г.

Пивбар Haymarket Pud & Brewery. Это то место, где был сделан верхний снимок. Внук Александра Фёдоровича В. Н. Румянцев специально посетил место в Чикаго, где бывал его дед

Жил он в так называемом облисполкомовском доме. Ворота в нём были всегда закрыты, а в проходном подъезде дежурил милиционер в белом шлеме, такой же белой гимнастёрке и белых перчатках.

«Краткая автобиография Викторова Александра Фёдоровича, зам. зав. ОБЛЗУ

Родился в 1890 г. в с. Александровка б. Знаменской вол. б. Тамбовской губ.

Отец был с 1874 г. по 1910 г. учителем сельской школы. Был обвинён управляющим имения графа Строганова и местным попом в святотатстве. Сам скрывался, семья была арестована. Был уволен и под угрозой получить «волчий паспорт» подался на дьякона. Был дьяконом до 1917 г. С 1917 по 1924 г. был попом в то время, когда старшие дети были на фронте.

По настоянию детей бросил в 1924 г. поповство, теперь живёт на средства детей с матерью 78 лет.

Я был старшим сыном. Окончил в 1911 году семинарию в гор. Тамбове и поступил учителем в Земскую школу в с. Карай-Салтыкове Кирсановского уезда Тамбовской губ.

С женой Людмилой Филипповной

В 1911 году женился на учительнице.

В 1912 году поступил в Харьковский ветеринарный институт, который окончил в 1915 г. 30 января.

I/II-1916 года был призван врачом на военную службу,

затем отправился на фронт. При отступлении от немцев в феврале 1918 года из Полоцка бежал, когда его взяли немцы.

В марте 1918 года демобилизовался из старой армии и работал в Карай-Салтыковской волости уполномоченным по специализации имения и устройству конного завода.

15/V-1918 года вступил в Красную гвардию в гор. Кирсанове. Затем перешёл в кавалерийский полк и отправился с ним на фронт, где был до 1920 года.

Дальнейшая служба видна из послужного списка.

У отца было 6 детей.

Брат Алексей работал по 1932 год в ГПУ в Воронеже. Сейчас переброшен в Ташкент.

Брат Владимир — агроном-энтомолог, работает в г. Саратове сотрудником станции защиты растений.

Брат Сергей — старший врач особой кавалерийской бригады в Москве.

Сестра Наталия — ветрач в г. Саратове.

Сестра Капитолина — педагог в Москве.

Учился на заработок по репетированию. Одновременно содержал и младших братьев.

В 1905 году три раза увольнялся из учебного заведения за хранение подпольной литературы, участие в ученических забастовках и участие в подпольных ученических организациях.

Во время каникул начиная с 13–14 лет работал на полевых работах у помещика в качестве подённого, смазчика при молотилке, табельщика и т. д.

На фронте в царской армии был избран в августе 1917 г. и по январь 1918 г. был заместителем и председателем Военно-революци-

онного комитета обозных частей 114 и 28 пех. дивизии, где работал до так называемого заключения мира в январе 1918 г.

При поступлении в Красную гвардию в 1918 г. вступил в группу, как тогда называли, сочувствующих коммунистической партии. Во время фронтовой жизни в 1919 г. получил кандидатское удостоверение, оформился в партии в октябре 1920 года, когда был в ячейке Главного военно-ветеринарного управления. Принят кандидатом в марте 1921 г., утвержден членом партии в июне 1921 г.

Будучи назначен консультантом в Полпредство СССР во Франции в 1928 г. и получив уже паспорт, во Францию не поехал вследствие инцидента нашего Союза с Францией /удаление из Франции тов. Раковского/ и прекращения торговли животноводческими продуктами. Командировка была отменена Наркомпредом и Наркомвнешторгом, и я был назначен в ЦЧО Зав. Облветотделом, затем с 1931 г. Зам. Нач. ОблЗУ.

Всё время с 1922 года веду одновременно с организационно-экономической и педагогическую работу — в качестве преподавателя экономики и организации животноводства. За работу по руководству силосованием в ЦЧО и занятие по силосованию 1-го места в Союзе в 1931 году получил научную командировку в Германию, и ОблЗУ ЦЧУ премировало легковым автомобилем от НКЗ РСФСР.

В 1934 году был командирован в Америку в качестве члена правительственной делегации на Ветеринарный конгресс. В 1935 г. премирован НКЗ легковой машиной и 2.000 руб. денег за работу по животноводству.

Занимаюсь литературной работой. С 1931 г. избран кандидатом и в 1932 году членом Облисполкома.

Моя семья: жена — химик-лаборант Хладоцентра, сын Николай, рожд. 1912 г.— студент Московского электровуза им. Молотова,

дочь Людмила, рожд. 1916 г. — студентка 1-го курса мед. факультета, г. Воронеж.

Нуждаюсь в предоставлении длительной командировки для восстановления и пополнения научных знаний по вопросам животноводчества /организация и кормление/.

ПРИЛОЖЕНИЕ: Выписка из послужного списка и перечень печатных трудов».

(Конец текста автобиографии. Печатные труды не сохранились.)

В 1937 году Александра Фёдоровича арестовали по обвинению во вредительской деятельности (в области заболел сапом скот), осудили на «10 лет без права переписки», что означало расстрел, и Людмилу Филипповну как жену «врага народа» выслали в Курганскую область. Их дочь Люльча заболела и умерла. Сын, Николай Викторов, с большим трудом сам пробивал себе нелёгкую дорогу, стал лауреатом Ленинской и Сталинских премий в области радиолокации. Всегда помнил слова отца: «У нас два хороших человека: Ленин и Людмила Филипповна».

Тот самый автомобиль-премия

Об Александре Фёдоровиче Викторове написано в № 20 журнала «Огонёк» за май 1988 года.

В 1957 году Александра Фёдоровича реабилитировали, сказав, что умер он в 1943 году от воспаления лёгких (по непроверенным сведениям в 1943 году после окончательного перелома в войне в лагерях были произведены массовые расстрелы). Жене в предоставлении возможности для выезда на место захоронения отказали. Сын Николай первым в стране отказался от звания лауреата Сталинской премии, сдал документы и медаль. По его инициативе взамен введены звания лауреата Государственной премии.

В 1944 году Николаю удалось вытащить мать из ссылки и нелегально поселить в Москве. Она жила тогда в семье младшей сестры Александра Фёдоровича Капитолины. Людмила Филипповна была моральным центром семьи Викторовых.

Алексей Фёдорович Викторов (1894-1943)

Когда началась германская война, Алексей Фёдорович после окончания духовной семинарии уже два года работал псаломщиком. По-видимому, со временем псаломщики тоже подлежали мобилизации, и поэтому Алексей Фёдорович подал прошение о зачислении в юнкерское Александровское военное училище в Москве, «чтобы избежать участи простого русского солдата». С января 1915 года он был туда принят, а через четыре месяца выпущен прапорщиком. Не раз появлялся он в Карай-Салтыково, где жила тогда

семья Викторовых, блестящим юнкером и затем не менее блестящим офицером с Георгиевским крестом на груди. Много времени уделял барышням, гулял с ними. Бывало, увидит у кого-нибудь из сестёр женскую штучку (платочек, часы), сейчас выпросит и подарит знакомым барышням. Наташа таким образом лишилась двух часов.

Февраль 1917 года Алексей Фёдорович встретил в чине поручика и в должности командира роты 78-го Навагиновского полка на боевой позиции под Ковелем Юго-Западного фронта. Когда в старой армии начались митинги и пошло выборное начальство, солдаты выбрали (оставили) его командиром роты.

В феврале 1918 года его демобилизовали, и он приехал к родителям в тихую Мосоловку, отдыхал два месяца, пил молоко, ел домашние пироги и соленья — всё как в далёком детстве. А уже в мае добровольно вступил в Красную Армию в Первый кирсановский социалистический отряд. Через год он уже вновь командир роты Рязанской дивизии.

Алексей Викторов с матерью Екатериной Александровной после вручения ордена Святого Георгия

Фото из личного архива Алексея Федоровича. «Братание», 1917 год

Из личных воспоминаний А. Ф. Викторова о трагедии красноармейцев в польском плену в 1920 году:

«С 1918 года служил я в 1-м кирсановском социалистическом отряде Красной Армии комроты Рязанской дивизии, под Петроградом сражался с белофиннами. С 5 декабря 1919 г. — член ВКП (б). С весны1920 г. на Польском фронте комроты в составе кавкорпуса Гая, участвую в боях против белополяков. Форсировал реку у г. Полоцк, где мы прорвали польский фронт и углубились к ним в тыл. В свою очередь поляки прорвали наш фронт в другом месте. После двухчасового кровопролитного боя мы были окружены и попали в плен. Я выдал себя за военного фельдшера — тем и спасся, а красноармейцы меня укрыли. Практически нас не кормили — иногда на несколько сотен человек бросят несколько ведер очисток, поэтому ели всё: траву, дерево, кору, жевали свои тряпки. А то

кинут нам селёдку, а пить не дают. По лагерям свирепствовали тиф, дизентерия. Умирали сотнями, трупы не убирали сразу, и они долгое время находились среди пока ещё живых. Ко всему этому издевательство охранников и жестокие пытки были обычным делом. Клали в гроб и вешали к потолку; не понравилась чья морда — офицер вынет револьвер и просто ради забавы застрелит. Многие сходили с ума. Наступившие холода ещё более усугубили положение красноармейцев — умирали, гибли тысячи людей!!! Болел тифом и я, потом работал санитаром при лагерной больнице, тем и спасся. Как я выдержал такие муки плена, не знаю. Был освобождён в начале 1921 года — обменяли на польских военнопленных. Немного оправившись от болезней, уже в 1921 г. снова в Красной Армии, в г. Тамбове, но тут пришло мне известие, что моего друга убили бандиты, тогда я попросился в ВЧК…»

Семья. 1930-е годы

Совершенно больной приезжает он к родителям в Мосоловку, встречается с маленькой дочуркой Алей.

А надо сказать, что, не получая никаких известий об Алексее в течение более года, мать Екатерина Александровна его не отпевала, не верила в кончину сына. Говорила, что предчувствие её не обманывает и он жив. Тем большей радостью было возвращение. Родители поставили в саду под яблоней кровать, кормили на убой, и Алексей скоро поправился. Через два месяца он снова в Красной Армии в Тамбове. В начале 1921 года в составе Тамбовского ВЧК ОГПУ служил в «бандотделе» по борьбе с антоновщиной и бандитизмом в Тамбовской губернии. В 1927 году был награжден серебряным портсигаром с надписью: «*За преданность делу революции*».

С 1928 года работал в Воронежском НКВД, и в 1932 году награжден именным маузером с надписью: «*За беспощадную борьбу с контрреволюцией*».

С середины 1932 года участвовал в ликвидации последних банд басмачей в Узбекистане. Затем работал в чине полковника в Ташкенте заведующим мобилизационным отделом НКВД республики Узбекистан.

Жил с семьёй (жена Мария Петровна и дочка Аля) всегда очень скромно. В Ташкенте, например, находился в воинском звании полковника, а занимал всего одну комнату (в ней до сих пор живёт его

дочь Аля). Несмотря на жестокий характер работы, Алексей Фёдорович всегда был радушен, общителен, родственен. По нескольку раз гостили у него в Ташкенте отец Фёдор Александрович и мать Екатерина Александровна, брат Серёжа, мать, сестра и брат жены, другие родственники и близкие друзья.

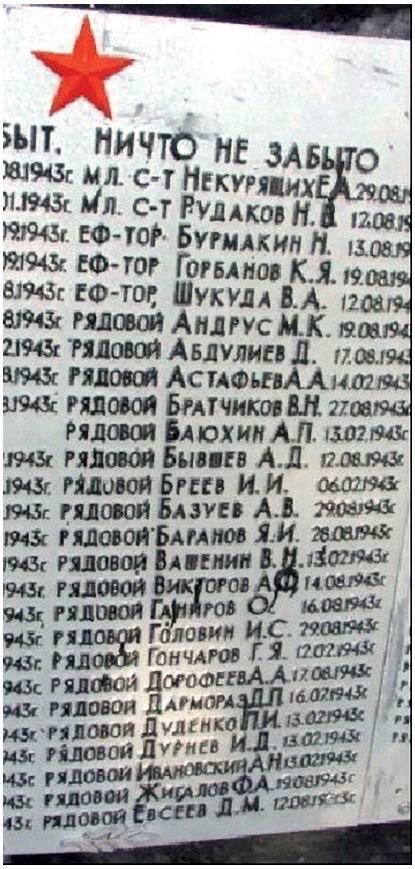
1940-е годы

В 1935 году был избран делегатом Всеузбекского съезда (курултая) Советов. В 1937 году уволен с работы и исключён из партии в связи с арестом старшего брата Александра. Работал в «Коопторге».

В 1942 году Алексею Фёдоровичу было уже 49 лет — предел мобилизационного возраста. Но его всё-таки призвали в армию в связи с напряжением боёв под Сталинградом. Уходя в военкомат и прощаясь с семьёй, он сказал: «Не стану я там говорить о своих воинских званиях и наградах. Попрошусь рядовым бойцом». В простой красноармейской шинели видела его семья ещё раз 25 февраля 1943 года, когда он в составе артиллерийского полка после формирования из Термеза отправлялся на фронт.

А фронт ждал его на Курской дуге. Там в горячих августовских боях на Харьковщине неустанно выполнял он свой воинский долг, поставляя на батарею снаряды. Командир части в своём благодарственном письме семье отмечал ответственность его работы, стойкость и отвагу. Командование представило его к правительственной награде — медали «За боевые заслуги».

В том же августе 1943 года вести от Алексея Фёдоровича перестали поступать. На тревожное письмо жены Марии Петровны командир части отвечал: «…Случилось так, что т. Викторов, выполняя боевую задачу, попал под обстрел. Осколком снаряда он получил тяжёлое ранение. Ему оказали первую помощь и направили в санчасть. Перенесёт ли он эту рану — сказать трудно… Да! Это был мой лучший друг». Тревожное, что-то не договаривающее письмо.



Братская могила (более 110 погибших), фрагмент плиты. Викторов А. Ф. указан 16-м сверху

Официальное извещение пришло только через год. Какие они были, эти военные похоронки? «Алексей Фёдорович Викторов умер 14.08.1943 в полевом госпитале от ран. Похоронен в селе Кутузовка Харьковской обл. Награжден медалью «За боевые заслуги» посмертно».

Личное оружие — именные маузеры — Мария Петровна и Аля сдали, предварительно открепив от одного из них серебряную пластинку с наградной надписью.

Владимир Фёдорович Викторов (1896-1990)

После окончании в 1916 году школы прапорщиков в Одессе служил в пехотном полку 6-й роты (город Черновцы). С осени 1918 года рядовой Красной армии (город Петровск Саратовской губернии). После учёбы в школе радистов (город Казань) — командир радиоотряда.

Из воспоминаний В. Ф. Викторова:

«…В 1915 году окончил я четыре класса Духовной семинарии и подал заявление в Киевский коммерческий институт. Я ведь и учился в духовном с условием, что священником не буду. Мать меня всё укоряла: «Священником был бы — освобождение от воинской службы имел!» Но тогда и студентам также было освобождение. Повестка на призыв пришла мне, как и всем моим погодкам 1886 года, в 1915 году, но пришло и уведомление, что я зачислен в институт. Я уехал в Киев, а тут германец наступление начал, и институт в Саратов переводят. Учились мы мало — больше шалберничали, математику, например,

за меня сдавал другой студент. Снимали с приятелем вдвоем комнату на Большой Кострижной. В городе была страшная голодовка, и обедали мы в столовой за 25 копеек. Так получилось, что нужно было самому зарабатывать деньги, и я после кратких курсов стал инструктором по переписи населения в Балаковском уезде. Разница большая была: теперь вместо 25 рублей, что присылал мне брат Саша и его жена Людмила Филипповна, я получал уже 120 рублей. Бывал на студенческих сходках, где говорили против царя, но тут отменили студентам бронь, и меня со второго курса взяли в армию осенью 1916 года.

Вначале направили нас, призывников, в Царицын, в запасной полк, а потом направили меня в школу прапорщиков в Одессу. Форма была новенькая, хорошо подогнанная, сапоги хромовые, фуражка офицерская с козырьком и околышем коротеньким. Словом, юнкера! Дисциплина, надо сказать, в школе была мягкой, допускалось много вольностей, поэтому и знаний получили не так уж много.

Был у меня там товарищ из Оккермана, посёлка в 60-ти верстах. Раз привёз бочонок молодого вина, поставил в казарме рядом с койкой. Кисленькое такое, сладенькое и приятное. Выпил я несколько кружек, а пил-то всего первый раз, поэтому утром еле вышел на проверку. Незадолго до отправки на фронт отпросились мы у взводного

с девчонками проститься, а тут ротный пришёл ночью — ну, конечно, утром мы стояли по полной выкладке во фрунт (один ранец, песком насыпанный, весил 20 кг.). Перед Новым годом окончил я школу прапорщиков, присвоили звание и отправили в Казанский округ, а оттуда в Покровскую слободу — ныне это город Энгельс, где я проходил службу в запасном полку до февраля 1917 года.

Февральскую революцию встретил в Житомире, до июня служил там. Дисциплина уже падала, чувствовалось разложение армии. Был я командиром взвода, преподавал солдатам военную тактику, занимались строевой подготовкой.

В начале июля стали отступать. Покинули гостеприимные Черновцы, перешли нашу границу на реке Днестр близ Каменец-Подольска и стали на отдых в поселке, затем перешли на переформирование в Румынию. Солдаты рубили дрова, мы пока бездельничали. Примерно к декабрю, когда уже в России правили большевики, нам приказали выйти на фронт для смены полка, но солдатский комитет отказался это делать. Но вскоре всё же мы заняли позиции на фронте в районе поселения Солька — здесь добывали соль.

Наступила зима, окопы без тёплых землянок, подвоз продуктов сократился, т. к. румыны не стали пропускать обозы, считая всех нас «большевиками». Продолжалось разложение армии под влиянием «Октября». Австрийские солдаты тоже находились в плачевном состоянии: нет продуктов — ходили подбирали у нас остатки еды. Начались «братания», солдаты ежедневно покидали позиции.

Меня уже давно разжаловал солдатский комитет, спорол я свои погоны и стал рядовым штыком какого-то взвода. Фотографии, где я молодецкий прапорщик, уничтожил. Питание совсем ухудшилось. Я и ещё несколько бывших офицеров и солдат покинули позиции, пеш-

ком пошли до станции города Сучава. Там я сел в санитарный поезд, доехал до станции Яссы, оттуда до Кишинева и вскоре поехал по родной земле, России. Помню, как поезд наш стал ночью в степи, я вышел из вагона и услышал звон колоколов, и я был безумно рад, что на родной стороне. К Новому, 1918 году, был дома у родителей…»

«…Прошло немного времени, и поехал я в Саратов. Показал студенческую свою книжку и был принят в с/х институт, вечером учился, а днём работал. В начале лета в Саратове произошло восстание белогвардейцев. Командовал восставшими некий Викторов. Меня вызвали и спрашивают: «Это не Ваш родственник?» «Нету у нас тут родных», — ответил я. Но по совету знакомого уехал в Тамбов, жил у брата Александра, ходил гулять по городу. В городском саду один раз чуть на попался на проверке.

Осенью мой брат организовал в Тамбове сельскохозяйственный институт, где я продолжил учебу. Но вскоре, в ноябре 1919 года, был мобилизован в Красную армию, отправлен в город Петровск рядом с Саратовом. Условия в запасном полку были ужасные: без обмундирования, практически все голодовали, спали на соломенных нарах, в итоге — вшивость и сыпняк.

Затем направили меня на учёбу в Казань, в радиошколу радистом. Школа помещалась в бывшем институте благородных девиц. Кормили хотя плохо, но лучше, чем было: немного хлеба с мякиной, 1/8 фунта воблы на котёл, ценным был лишь сахар — два фунта на месяц.

После шести месяцев учебы курсы кончились, и назначили меня командиром радиоотряда: две одноконные двуколки, девять красноармейцев, две рации и помощник. Тем временем узнал я, что в Ельце стоит какой-то радиоотряд. Я перевёлся. С этого и началась моя новая воинская служба. Мне выделили одну комнату, другую для аккумуля-

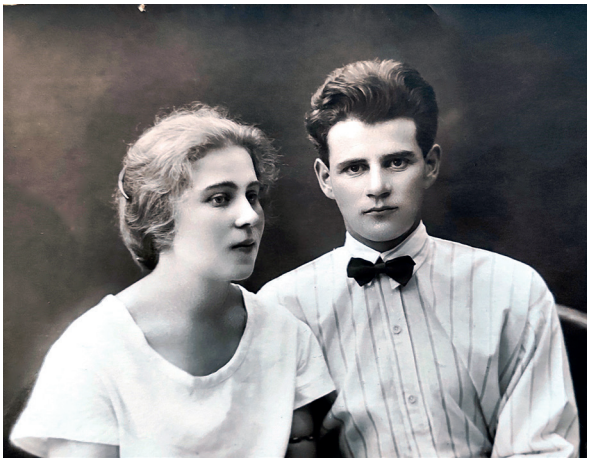
торной, третья была аппаратной. Оборудовали сначала один самолёт — смонтировали на нём рацию с телеграфным ключом и наушниками. Питалась рация от динамо-машины с пропеллером, которую крепили на крыле — пропеллер вращался от встречного ветра. Сделали большую антенну. Всё это предназначалось для ведения разведки и корректировки артиллерийского огня. Все испытания прошли успешно. Доволен остался и я — нашёл себя, занимался для пользы Красной Армии. Кроме работы в авиаотряде оборудовал по просьбе командира в его доме приёмную радиостанцию. Ездил в командировки в Москву, Ярославль за материалами для авиаотряда.

Но в марте 1921 года пришёл приказ освободить от службы студентов, и я решил продолжить учёбу. По дороге в Саратов заехал домой, оставил у родителей прекрасный немецкий радиопередатчик «Телефункен» с наушниками…

(Всё это — передатчик и детали в 1926 году будет подарено племяннику Николаю Александровичу Викторову, который соорудил из них действующую радиостанцию, что и определило его будущую профессию. За свои открытия, связанные с военной промышленностью и радиокосмосом, он станет лауреатом нескольких Государственных премий.)

В Саратове поступил в сельскохозяйственный институт. Общежитие сельскохозяйственного института помещалось на углу Вольской и Грошовой. В доме напротив жила студентка нашего института Лида Голубева, а к ней ходила Аня. Лида хорошо играла на фортепьяно, а Аня на гитаре. Там мы устраивали свои вечера, и там я познакомился с Аней».

Вставка, сделанная тётей Аней: *«У армяшек я купила ботинки за 2 руб. 50 коп. Фунт масла стоил 60 коп., килограмм хлеба 5 коп.*



Это в период серебряных полтинников. Мне никто не помог ничего. Я училась с Машей в сельхозинституте. Это была сестра тёти Любы Шалаевой. Она устроила меня ночной няней в детдом — это был одноэтажный особняк на Соборной площади, второй дом от угла одноимённой улицы. Я там работала за ужин.

Жили мы, девять студенток, в большой комнате общежития на втором этаже. Крупу, муку, постное масло, немного рыбы и сахара получали по карточкам. Из этого варили обед и ели раз в день вечером. Остальное время питались, кто как умел. С мясом не общались, даже не знали, сколько оно стоит. Часто мне вспоминались те пирожки с рисом и мясом, которые пекла в Камышине наша гимназическая буфетчица Анисья. Такие свежие и вкусные! Стоил пирожок одну копейку, а румяная французская булка две копейки.

Я сдавала физику профессору, а потом шла сдавать ассистенту под чужой фамилией. В зачётках фотокарточек не было. За это я получала пять рублей — большие деньги. Ребятам нашим было хорошо — они могли зарабатывать грузчиками».

Из воспоминаний В. Ф. Викторова:

«По окончании сельскохозяйственного института в Саратове был назначен на сельскохозяйственную опытную станцию в Борисо-

глебск. Там я занялся организацией отряда по борьбе с плодожоркой. На тачках у нас размещались бочки с раствором и опрыскиватели. Брали мы по одной копейке с каждой обработанной яблони. Оттуда с Колей Семёновым ездил учиться в Ленинград на курсы усовершенствования. В то время там сестры мои, Наташа и Капа, тоже учились, жили на частной квартире. В Ленинграде я Колю с Наташей познакомил. Завязалась у них переписка.

Вернулся я в Саратов (а ещё ранее мы с Аней поженились) и вижу, что надо устраивать свою семейную жизнь. Аня жила у брата и сестры Тони на Часовенной улице, недалеко от нашего теперешнего дома. В нём тогда было еврейское товарищество и освободилось то помещение, в котором размещается наша теперешняя квартира. Председателем товарищества был проживавший тут же Гуревич, он же был раввином синагоги. А родственник его содержал производство лимонада. В квартире нашей варили отличный лимонад, в подвале под квартирой его выдерживали. Так вот лимонадный нэпман в то время производство своё прекратил, и помещение пустовало.

Я к Гуревичу насчёт помещения. Он согласился, но потребовал 200 рублей взятки (это моя трёхмесячная зарплата)…» (далее текст отсутствует).

Владимир Фёдорович всю дальнейшую жизнь занимался энтомологией, боролся с малярийными комарами в низовьях Волги. Его работа была успешной. В 1937 году его не тронули.

Из воспоминаний В. Ф. Викторова:

«Началась война. Хотя я уже был снят с воинского учёта, меня вызвали в военкомат в 1 часть. Принял меня зам. начальника, долго спрашивал, интересовался разным: кто где чем занимается, так-

Дети Владимира Фёдоровича Лия и Дориан

же «есть ли родные осуждённые». Я сказал «да», и после этого он ушёл к начальнику, но того не оказалось, и меня попросили прийти утром. На следующий день я опять пошёл к зам. начальника военкомата. Я долго ждал в раздумье. Наконец, он пришёл и сказал, что отпускает домой, т. к. начальника нет, а без него сам он призвать меня в армию не решается. Я, конечно, понял, что у них есть требование укомплектовать какой-то спецучасток, и я по всем показателям для этой службы подходил, а вот «пятно» моих братьев не позволило ему без согласования с начальником решить этот вопрос. Так страдания наших братьев Саши, Серёжи и отчасти Алёши, незаконно осуждённых во времена Сталина — Ежова, зверские лагеря, бесправие и, наконец, гибель их освободили меня от призыва в спецчасть и, возможно, спасли мою жизнь.

Аня (жена) была в начале войны мобилизована на три месяца на рытьё противотанковых рвов в районе Кологривовки, так как она в 1939 поступила в Институт иностранных языков и вместе со сту-

дентами работала на обороне Саратова. Я оставался дома с Дорой (12 лет), Лилей (10 лет) и мамой, которой было 83 года».

Сергей Фёдорович Викторов (1899-1965)

Из воспоминаний С. Ф. Викторова:

«…Окончив курс ветеринарного института, вскоре попал я в Новочеркасское кавалерийское училище в ветеринарный эскадрон, стал там учиться на ветеринарного военного врача. Весенней ночью 1930 года подняли эскадрон по тревоге и погнали с оружием на какую-то станцию. Ехали ночью, а на рассвете повстречали обоз, везущий семью раскулаченных. Везли их на быках, а дети сидели не на узлах, а прямо на голых досках телеги. Я подъехал к комвзводу и говорю: «Да разве можно так вот с детьми поступать?» Он нахмурился и тихо говорит: «Молчи, если хочешь остаться в живых!» Приехали мы на станцию, оцепили её и стояли, пока не отправили всех раскулаченных. Потом мне это, конечно, припомнят через несколько лет…

Затем я стал служить в разных кавалерийских частях,

и в 1938 году был уже в чине подполковника, состоял заместителем командира дивизии по ветеринарной части. Стояла дивизия под городом Горьким, была в резерве Главного командования РККА и называлась «Первая образцовая кавалерийская дивизия им. Сталина». Тогда, в 1938 году, ждали приезда в дивизию С. М. Будённого. А накануне застрелился командир одного из полков. Будённый потом на митинге сказал, что не зря застрелился комполка, он знал за собой вредительские дела, и его ждал суд.

Впрочем, и меня вскоре арестовали. Был я молод, неосторожен, любил пошутить, поговорить в командирской компании. Один раз рассказал о том, что мне было известно от старых кавалеристов относительно порядков в царском гусарском полку. Ну, слегка похвалил их, что, мол, удальцы-молодцы офицеры, лихо пили. А во время выпивки «ездили» из Петербурга до Москвы и обратно. Делалось это так: один называл одну станцию, и все выпивали, потом следующий называл вторую и т. д. Были те, кто «доезжал» до Москвы, ну а если «возвращался» обратно в Петербург — был героем. Служил у меня фельдшер, тихий такой и партийный. Вот он-то и написал, что якобы я вел антисоветскую агитацию, в частности, хвалил жизнь в царское время в гусарском полку. Следователь мне потом именно такую формулировку и предложил подписать. Я сначала отказывался, а он так тихо и печально говорит: «Подпиши луч-

С. Ф. Викторов. 1934 год, г. Феодосия

ше это, а то как бы еще хуже не было!» (К этому времени был арестован и осуждён старший брат Александр.) *Подумал я, подумал и подписал.*

Попал на ударную стройку — Беломорканал. Спускали нас в глубокий котлован, метров на сто глубины, и мы там ногами месили грязь, а руками — бетон.

Началась война. Зачислили нас в штрафную роту и выставили на позиции под Ленинградом без всякого прикрытия. Ни танков, ни артиллерии, ни пулеметов — одни штыки. Налетели немецкие бомбардировщики — мы по ним из винтовок шпарим. Потом смотрю: из них бомбы посыпались, как огурцы. Меня сильно контузило, отправили в госпиталь, оттуда обратно в лагерь свой в Пермской области, на лесозаготовки. Начальник лагеря ездил в коляске, запряжённой кровным орловским рысаком. И вдруг у того жеребца выросла под кадыком громадная шишка. Стал он задыхаться на ходу. Никто не знал, что делать надо, а мне эта болезнь известна, и как её лечить, тоже. В общем, вылечил я рысака и стал работать в зоне ветеринарным врачом.

Вышел из лагеря в 1953 году. Пошёл на станцию через деревню. А после войны мужиков-то мало, вот и просят меня «зайти» на чаёк молодки и вдовы. Нет, решил я, поеду жизнь сам устраивать. Приехал в областной центр город Молотов, а оттуда направили меня в совхоз «Бумажник» ветврачом. Через некоторое время женился на Фаине, заведующей детским садиком, нажили двоих детей.

Тут мне вскорости пришла повестка: приехать в город за денежным переводом. В одиннадцать тысяч оценили моё пребывание в лагере, в качестве компенсации за незаконное осуждение на 15 лет. Поехал я, в чём был: грязных сапогах, телогрейке. Пришёл в сберкассу, получил деньги, поворачиваюсь – милиционер стоит: «Ваши документы». Это его сотрудники сберкассы вызвали проверить меня: денег много получаю, а вид у меня затрапезный. Подал я ему паспорт, удостоверение офицера в отставке. Он мне их возвратил, отдал честь по стойке «смирно»: «Извините, товарищ подполковник». Я ему: «Пойдем, выпьем», — а он отвечает: «Не могу, я на службе». Вот так и закончились мои приключения сроком в 15 лет».

До 1965 года проработал Сергей Фёдорович ветеринарным врачом, до внезапной кончины своей.

Семья С. Ф. Викторова

Наталия Фёдоровна Викторова-Семёнова (1898-1985)

Из личных записок Н. Ф. Викторовой-Семёновой:

«Родилась я в 1898 году в селе Александровка Знаменской волости Кирсановского уезда Тамбовской губернии в семье учителя церковно-приходской школы Фёдора Александровича Викторова. Мать мою звали Екатерина Александровна, она была домашней хозяйкой.

Нас было шестеро человек детей (четыре мальчика и две девочки). Сельская школа была построена её попечителем графом Строгановым, при ней имелась и квартира для учителя на барском дворе. На нём жили и все служащие графа. Ему же принадлежала вся окрестная земля, которую местные крестьяне арендовали у графа и выращивали на ней сельхозкультуры.

Детство моё было радостное, семья наша была дружная, папа много читал нам книг и детских журналов, которые выписывал. Сам папа был очень просвещенным человеком, бывал у графа, когда приезжали к нему гости, хорошо играл на скрипке, руководил хором в нашей церкви, играл и светские танцы, и песни, отлично танцевал на случавшихся у графа балах. Мама же

была малограмотная, но тоже любила читать книги и была доброй и ласковой.

В тревожные 1905–1906 годы кое-где происходили крестьянские волнения, горели помещичьи усадьбы, но наш хутор не пострадал. Но угрозы такие случались, и в эти дни мы, дети, спали в школе, куда перенесли и сундуки с одеждой. В 1905 году в нашем селе было видно северное сияние в один из зимних вечеров. Как объяснил нам папа, это редкое явление для наших широт. В связи с этим в селе было волнение, говорили, что это недоброе знамение — к войне или к мору. Больше в своей жизни я северных сияний ни разу не видела.

Железнодорожная станция находилась от Александровки в 25 верстах и, когда мы начали учиться в средних учебных заведениях в Тамбове, нас возили на двух подводах к поезду. Мне нравилось учиться в нашем епархиальном училище, это было что-то новое в моей жизни — много новых впечатлений, новых подруг, и Тамбов мне казался огромным и красивым городом. Помимо основных занятий нас приучали к хорошим манерам, периодически водили в театр и на экскурсии, учили художественной вышивке, в старших классах мы сами шили себе форму. В училище мы были на полном пансионе. А мальчики братья жили на квартире, приходили ко мне по воскресным дням. Моим подругам очень нравился мой брат Володя, они лезли к нему с поцелуями, а тот отмахивался и убегал. По центральной улице Тамбова мы шли чинными парами — это случалось при организованных выходах в город; прохожие останавливались и любовались на это красивое зрелище: мы все были в нарядной одинаковой форме. А обычно гуляли во дворе училища, играли там в горелки и с мячом. Но самое радостное в училищной жизни — это долгожданные поездки на каникулы, домой к родителям, к оставленным дома куклам и играм. При нашем доме у нас, детей, был

свой садик, за которым мы сами ухаживали, строили там домики или шалаши для себя, в совсем маленьких домиках держали лягушек или мышей, клали им туда пищу, но только они ночью всё равно убегали. Была у нас игрушечная мельница с крыльями и молотилкой — в ней мы молотили траву, в которой в метёлках были зерна, похожие на просо. Это было очень интересное занятие».

Наталия Фёдоровна закончила Ветеринарный институт и работала районным ветеринарным врачом в Подмосковье.

Из воспоминаний Н. Ф. Викторовой-Семёновой:

«Очень любила разъезжать одна по участку верхом в сопровождении двух борзых собак, которых мне мой старший брат Саша привёз из Москвы и поручил за ними смотреть, пока я работала в сельской местности. Наверное, это было эффектное зрелище: я скакала всегда

Супруги Семёновы. 1930-е гг.

довольно быстро, не боялась давать своей резвой лошадке волю, за мной с лаем буквально летели две красивые борзые, я в седле в сапожках со шпорами, на мне синие галифе (брат Саша подарил) и красная просторная рубаха, а на голове — светлого цвета кепи, из-под которого выбиваются мои густые тёмно-рыжие волосы. Все встречные провожали меня восхищёнными взглядами. За мной многие из местной интеллигенции ухаживали, говорили, что никогда не видели такую молодую, красивую и умелую ветеринаршу. Но я держалась с поклонниками строго, никаких вольностей не позволяла. Была всё время собранной, читала много специальной литературы по ветеринарному делу, консультировалась в Москве. Часто надо было решать сложные вопросы с местной властью, настаивать на профилактических мероприятиях, в таких случаях я проявляла твёрдость и решительность — начальники только руками разводили».

Выйдя замуж за Николая Михайловича Семёнова, специалиста по борьбе с чумой, впоследствии лауреата Сталинской премии, Наталия Фёдоровна перебирается в Саратов.

Из воспоминаний Н. Ф. Викторовой-Семёновой:

«Я работала транспортным врачом на станции Саратов-II. Это было довольно нелегким испытанием. Приходили составы со скотом, необходимо было каждый вагон осматривать, все животные были изнурёнными, и у них могла вспыхнуть какая-нибудь болезнь. В каждый вагон надо было залезть, а потом спрыгнуть на землю — лестниц при поездах не было, а потому всё это было достаточно тяжело, ведь составы были длиннющие. Выручали молодость и здоровье. Проверяли мы и ледники с мясом. Бывало, что загрузка производилась в Саратове — тогда мне приходилось работать в ночную смену.

Братья Семёновы. Слева направо: Владимир, Виктор, Николай

Наталия Фёдоровна и Николай Михайлович Семёновы с сыновьями.
Слева направо: Виктор, Николай, Владимир

Потому что днём на мясо садилось много мух, которые могли отложить на продуктах яички и тем вызвать их порчу. Работа была ответственная, было много неприятностей с железнодорожным начальством. Оно особенно негодовало, когда я задерживала отправление состава с боевыми конями — груз этот был тогда стратегически важный, всякое промедление могло расцениваться как вредительство. Вот и приходилось выкручиваться. Один раз конфликт дошёл до начальника станции — когда я отказалась выдать разрешение на погрузку чесоточных лошадей и пригрозила связаться с московским начальством, потому что могла возникнуть эпидемия в местах назначения. А отвечать пришлось бы мне. В конце концов, меня всё-таки послушали».

По мере роста семьи (Наталия Фёдоровна воспитала троих замечательных сыновей) пришлось бросить работу, даже не получив пенсии за выслугу лет.

Капитолина Фёдоровна Викторова-Краснова (1902-1993)

Из воспоминаний К. Ф. Викторовой-Красновой:

«Родилась я в 1902 году 6 ноября в селе Александровке Тамбовской губернии. Назвали меня Капитолиной, а в селе сказали: «Учитель назвал свою дочку чудно — Клёпочкой». В семье меня звали всегда Капча, Капчук. Но когда мне надо было получить паспорт (в 18 лет), папа сделал запрос о метрике. Нам прислали, что в записях числится Антонина; сделали ещё запрос, прислали форменную выписку, где снова было написано имя Антонина, хотя день рождения, имена

родителей и крёстных совпадали. Я стала спрашивать родителей, так какое же моё имя? Папа ответил твердо: «Капитолина», но вспомнил, что на моих крестинах дьячок был пьян и, видимо, перепутал имя, а в своё время родители не проверили запись. Я была взволнована таким обстоятельством. Имя Антонина мне не нравилось, и я попросила в сельсовете выдать мне паспорт на Капитолину. Так моё имя было узаконено.

Семья наша была большая, я шестая. Жили мы на хуторе графа Строганова в с. Александровке, потому что папа был учителем школы, которую содержал граф.

Отец наш окончил учительскую семинарию. Кроме работы в школе он был регентом церковного местного хора. Относился папа к работе усердно, честно, никогда не умел подхалимничать, быть дипломатом, отчего много имел неприятностей; он не стремился к наживе, мы никогда не имели собственного дома, как остальные служащие графа. В жизни он не был практичен, об этом говорит даже то, что, когда умер папин отец (а он был священником) и стали делить наследство между братьями и сёстрами, то ему, многодетному отцу, дали самую меньшую долю. Он никогда об этом не говорил и никого не упрекал. Мама же изредка, когда бывала нужда, упрекала его за никому не нужное благородство. Папа получал жалование — 25 рублей в месяц. Кроме того, полагалась

квартира с отоплением и освещением; кроме того, из экономии графа выдавались крупа, мука, корм для скота. У нас были две коровы и птица (куры, индейки). Но всё равно при нашем многочисленном семействе была нужда. Платья шили редко, обувь покупали на вырост, а летом мы ходили босиком. Но жизнь всё равно была полна интереса и удовольствия. Как сейчас я вижу нашу семью, с нами отец играет в горелки. Он специально поддается нам, а мы верим и рады, что его обогнали.

Занятия и увлечения

Александровка — село степное, леса не было, одна дубовая роща. Кругом поля, луга, мелководная речка Цна, где мы проводили летом целые дни, купались, пока нас посиневших мама не загоняла домой. Дом, в котором мы жили в Александровке, был деревянный. Мы занимали три комнаты и кухню, довольно большую. Кухня от комнаты отделялась холодными сенями. С одной стороны дома был сад, разделённый на четыре части (куртины) дорожками. В одной части росла малина, её всегда было много, это было лучшее лакомство для нас. В другой части сада папа разводил клубнику (викторию). Весь сад был огорожен высоким плетнём, а по краю его росли черёмуха и акация. Перед домом был ещё палисадник с кирпичной дорожкой (её выложил папа с помощью детей). Здесь мы играли. Здесь старшие братья строили машины, молотилки, которые приводились в движение с помощью ветряной мельницы, сделанной старшим братом. Старший брат Александр был заводилой всяких игр. Иногда старшие обижали нас, и тогда на наши крики приходил папа и увещевал братьев.

Дом с другой стороны выходил во двор хутора. Здесь были различные хозяйственные службы: конюшня, каретник, людская (дом кирпичный цел до сих пор). Двор был обнесён кирпичным забором с большими

воротами, выходящими на площадь села перед церковью. Другие ворота выходили в огороды. Как сейчас помню эту часть усадьбы за домом. Там всегда были заросли лопухов и донника. Всё это казалось невероятно высоким. Мы прятались там. Я до сих пор ясно ощущаю пряный запах донника и других трав. Они особенно ароматны были в солнечный, тёплый летний день. Эти запахи памятны мне и всегда вызывают воспоминания невозвратных детских лет, когда всё кажется сказочным, необычным. Выйдя из ворот и пройдя лопухи, попадаешь на картофельное поле, а там дорожка, ведущая к реке. Мои воспоминания об Александровке, конечно, отрывочны и, может быть, не всегда точны, но я пишу так, как отложились все события детства (они ярки), до сих пор лучшей поры жизни.

Мы росли свободно, особенной муштры не помню. Папа всегда был занят в школе, потом спевки хора. Он вёл все три класса. Церковно-приходская школа была раньше 3-классная, а земская — 4-классная. Но в семье была дисциплина, все должны вовремя приходить к обеду, ужину, заниматься уроками (все мы учились у отца). Игрушек у нас покупных не было. Помню, с какой радостью мы покупали у коробейников фарфоровые головки кукол, потом кто-либо из старших (мама, няня, тётя) приделывали туловище, руки, ноги. Помню ещё деревянные игрушки, которые делал один парёнек из села, приносил их нам, но вперёд показывал их перед окном (через стекло). Всегда это было зимой, очевидно, в другое время некогда было заниматься. Мы сразу упрашивали маму купить нам. Хорошо помню этих деревянных дровоколов: подёргаешь за верёвочку, а они ударяют топориком. Восторга было много. Библиотеки у нас не было. Но в доме были книги, газеты, журналы. Выписывали журнал «Нива» с приложением полных собраний сочинений классиков. Мне папа выписывал «Светлячок». Отец у нас

был строгий. Старшим братьям попадало за их шалости, но девочек не наказывал. Помню, как раз из-за меня в углу стоял брат Серёжа, я переживала это и просила папу отпустить брата, но отец сказал: «Он старший, он и должен отвечать».

Мама всегда была нашей защитницей. Она была очень занята, ведь надо было вести всё хозяйство, хотя у нас были няня и кухарка, но всё равно работы было много: кроме ежедневного кормления нас надо было ещё делать запасы на зиму (варить варенье, всякие соления). Я не помню, чтобы мама отдыхала, она всегда была в движении или же, если сидела, то читала газеты (любила читать «про политику», как она говорила) или уже вязала носки для детей. Наша семья не жила замкнуто, всегда были гости, кто-то жил. Особенно мы любили, когда к нам приезжали мамины сестры тётя Варя и тётя Настя (тётя Настя — мать двоюродного брата Андрея Андреевича Васильева в Москве).

Тёти с нами много занимались, шили для кукол всякие вещи, рассказывали сказки про старую жизнь, про беглых каторжников, для которых у них на селе (с. Воиново Мценского уезда Орловской губернии) на специально сделанных полках под крышей оставляли молоко, хлеб, сало, мясо. Нам было страшно слушать эти рассказы, но интересно, и мы, затаив дыхание, сидели на сундуке и в воображении нашем слышался звон бубенцов несущихся троек лошадей и шорох пробирающихся с каторги (с. Воиново было расположено на большом дорожном тракте). Ещё очень любила я, когда тётя Настя пела, иногда и с мамой. Песни были протяжные, грустные и почему-то тётя всегда потом плакала. В этих песнях было что-то грустное, волнующее и в то же время раскрывался какой-то неведомый мир с русскими просторами. Хотелось тоже куда-то мчаться.

Александровка село было большое. Кроме школы и церкви стояла лавка мелких товаров, и ещё был второй хутор с маслодельным заводом. Заведующий Пётр Иванович был высокого роста мужчина, весёлый, он часто приходил к нам, любил беседовать с папой, часто в подарок нам приносил кусок сливочного масла с вензелем графа Строганова. Один раз он водил нас на завод и показывал, как сбивают масло. Всё делалось вручную, в деревянных бочках сбивались сливки. Масло считалось высококачественным, и оно ценилось в столице.

Ещё бывал у нас управляющий хутором (где мы жили) Александр Васильевич Аполлонов. Он был весёлый человек, холостяк, страстный охотник. Иногда он устраивал охоту с борзыми. Тогда приезжало много людей. Все они пользовались гостеприимством родителей, нас загоняли в детскую. Мы в щёлочку смотрели на «важных», как нам казалось, гостей. Но раз действительно на охоту приехала важная дама. Она поразила меня своей красотой и нарядами, а главное, она сидела свободно в седле и около её лошади бегали белые борзые собаки. Я даже сейчас помню, что на ней была атласная синего цвета амазонка, шляпа с широкими полями и белыми страусовыми перьями. Я ещё ничего подобного не видела и смотрела на неё разинув рот. Потом я узнала, что это была помещица Мария Алексеевна Болдырева, урождённая княжна Черкасская.

Общение родителей было главным образом со служащими имения графа Строганова. Граф Строганов принадлежал к старинному русскому роду. Был очень богат, я не знаю, сколько у него было имений и земли. Жил он зимой в Петербурге, а на лето приезжал в своё любимое имение Знаменку. Это в 15 км от Александровки. Там находился барский дом с прилегающим к нему парком, конный завод, оранжереи и прочее. Вокруг имени графа всегда было много легенд. Считали его добрым: так,

в голодные годы он давал крестьянам хлеб, помогал многим деньгами. Своим служащим, в том числе папе, в конверте присылал 100 рублей. Эти подарки делались по большим религиозным праздникам, как то Пасха, Рождество и др. Летом, в день его именин, Петров день (его звали Павел, отчества не знаю) устраивался бал, на котором должны были присутствовать все служащие имений и хуторов со своими жёнами. Мама всегда это вспоминала и много рассказывала об этом празднике. К балу готовились заранее, шили костюмы (предлагалось «прибыть» в расшитых русских костюмах, у мамы был такой, и она снята в нём). Всю ночь гремела музыка, танцы, иногда устраивались спектакли. Когда все гости съезжались, граф выходил к ним, наливалось шампанское в бокалы. Поздравляли графа стоя, и граф обязательно после этого разбивал свой бокал, бросая его на пол. Мама всё это рассказывала мне уже в возрасте, очевидно, эти праздники для неё были яркими в её сельской жизни. Раз я всё же видела этого графа, но он был уже старый. Вот как это было. Мы с мамой приехали в с. Знаменку к крёстной (экономке графа), и вот мы с её старшей дочерью пошли осматривать парк. Возвращались через розарий (розы были необычны, как мне казалось). Идём по дорожке и видим на балконе седого старика. Девочка сразу сделали реверанс, толкнула меня в бок, чтобы и я тоже присела в поклоне, но мне хотелось рассмотреть легендарного графа. Он помахал нам рукой, и я была довольна, что он не сделал замечания, что мы идем в его розарии, а главное, что я не сделала реверанс.

Жизнь шла. Старшие братья (Саша, Алёша, Володя) и сестра начали учиться в среднем учебном заведении. Братья – в семинарии (а сначала в духовном училище), а сестра Наташа – в епархиальном училище. В гимназию, как хотел папа, он не смог определить детей, т. к. высока была плата за обучение, а здесь давалась скидка, пото-

му что отец был учителем церковно-приходской школы. Братьям тоже хотелось в гимназию, но иного выхода не было, денег не хватало. Нас всё же воспитывали в религиозном духе. Мы должны были ходить в церковь по воскресеньям, учить молитвы, которые я теперь все забыла (как это ни странно), соблюдать посты, говеть, вообще соблюдать все обряды; да тогда было мало людей неверующих. Помню, как старшие братья противились этому и всячески под покровительством мамы увиливали от обрядов.

Праздники

Помню до сих пор, как у нас в семье отмечались праздники. Особенно Рождество, Пасха и Троица. Готовились заранее. Всё мылось, скреблось в доме. Нас одевали в лучшие платья, иногда специально сшитые. Мама хлопотала на кухне, что-то пеклось, жарилось. Папа надевал свои медали, жалованные ему за выслугу лет (одна золотая и две серебряных), потом он их пожертвует в 1921 году на борьбу с голодом.

Всегда живы картины этих праздников. Вот все хлопоты кончились, и наступает торжественная тишина в доме, мерцает лампада у икон, и мы полны ожидания чего-то. Но вот удар колокола, один, другой, и полились эти праздничные звуки. Надо собираться к заутрене. Меня не хотят брать, я мала, но я упрашиваю братьев и сестру, и вот мы шагаем к церкви. Ночь морозная, ясное небо, вокруг луны ореол, она, как всегда, таинственна, небо усыпано звёздами, снег блестит и поскрипывает под ногами. Идём, вернее, бежим, мороз подгоняет. Приходим домой, мама кормит нас пирогами, она очень вкусные пироги делала, всегда их хвалили и ели с аппетитом.

Пасха праздновалась ещё торжественнее. Этот праздник был весной, всё после зимы оживало в природе, и это придавало ещё боль-

ше радости. Обычно перед Пасхой был строгий пост, даже молока не давали, все говели. С середины недели (7-й день поста) мама начинала печь куличи, чтобы часть раздать бедным. Делали пасху из творога, красили яйца. Всё это было как-то весело, и оживление было большое. Старшие братья делали из тонкой цветной бумаги разноцветные фонари, чтобы с ними идти к стоянию в четверг, когда читались «12 апостолов» в церкви и пели «Разбойника». Была красивая картина возвращения домой с зажжёнными свечами, светящимися разными цветами в фонарях. Приходили домой, фонари вешали вокруг крыльца. А потом наступал и воскресный день. Все шли к заутрене, а после обедни накрывался стол. Ставили куличи, пасху, яйца, окорок и начиналось разговенье. После взрослые шли спать, а мы бежали на луг катать с детьми из деревни крашеные яйца.

Религия всё ставила на службу, чтобы завладеть душами людей и умело, красиво обставляла праздники. С возрастом, конечно, менялось всё, но картины праздников остались на всю жизнь, их особая торжественность и красота обстановки.

Помнятся события, очевидно, связанные с забастовками по всей стране в 1906–1907 годах, ожидание поджога хутора (в то время крестьяне поджигали помещичьи усадьбы), нас ведут ночевать к местному священнику. Дома тревожно, что-то говорят, чтобы мы не слышали, у нас ночуют какие-то люди, о которых старшие просят никому не говорить. Помню студента, которого провожали в ссылку, как мама заботливо его укутывала в башлык. Кто он был, не знаю, просто не помню имя. Его высылали в Сибирь за участие в забастовках. Пришёл пешком из Тамбова старший брат, его исключили из семинарии за чтение «Колокола». Он принес плеть со свинчаткой на конце, такими плетьми казаки били бастующих. Вообще, жизнь началась, полная тре-

вог и волнений, взрослые при нас замолкали. Говорили о комете, конце мира и прочем, прочем.

В Александровке кончаются на этом мои сказочные представления о жизни, людях. Прожили мы в Александровке 25 лет, здесь мы все родились и, наверное, родители бы жили до конца дней своих, но случилась беда. Вот об этом будет дальше моё повествование.

Местный священник Дмитрий Рассказовский начал плести интриги против отца, обвиняя его в агитации против самодержавия. Отец пользовался очень большим авторитетом у населения, ведь за 25 лет своей работы в школе и регентом он воспитал не одно поколение крестьян; несмотря на его строгость, его любили и уважали за честность и трудолюбие. Священнику не нравился авторитет отца. Вот и начались всякие доносы на него. Начались обыски. Помню хорошо, когда папа вернулся из города, мы, дети, встретили его во дворе у дома. В нашем присутствии подошел урядник к отцу, стал его обыскивать, выворачивать карманы пиджака, искать оружие и бомбу. Помню слова отца: «Какие могут быть бомбы у меня в кармане?» Его сняли с работы как неблагонадёжного, мы переселились в маленькую хату без всего, т. к. мебель была вся графская.

Маму тоже куда-то водили, допрашивали. Я помню ее молящуюся и плачущую на коленях перед иконой. На мои вопросы, почему она плачет, она ничего не отвечала, только ещё больше плакала. Потом выяснилось, в чем её обвиняли. Её заподозрили в хулиганстве, что она ломала кресты на кладбище и мазала ворота дома священника дёгтем. Как потом выяснилось, всё это делала одна сумасшедшая женщина из села.

Семья была в горе. Старшие дети были в Тамбове, а я и брат Серёжа с родителями. Средств не было, вещей для продажи тоже.

Я очень переживала незаслуженную обиду родителей, а заступиться было некому. Папа поехал на совет и поклон к мужу своей сестры Петру Ивановичу Орлову. Он был протоиереем в г. Лебедяне, был богат и влиятелен в духовном мире. И вот отца по его ходатайству определили в духовные и дали место диакона в глухом, бедном, степном селе Серединовке Тамбовской губернии. Только обязали кроме службы в церкви вести три класса в церковно-приходской школе. Это был 1909 год.

Серединовка

Серединовка — глухое степное село. Кругом ни леса, ни лугов, мелководная река Цна. Скот у крестьян круглый год во дворе, т. к. лугов для выпаса скота нет. Крестьяне живут очень бедно. Здесь я поступила в школу в 1-й класс церковно-приходской школы, к папе. Как научилась читать, не помню. Мне казалось просто: папа показывал буквы, и они как-то складывались в слова. Большое впечатление произвёл на меня рассказ в букваре и картинки к нему, как мать защищала своим телом ребёнка от стаи волков. Хотя рассказ кончался благополучно (охотники подоспели на крик), но всё равно этот трагический случай заставлял переживать и плакать. И ещё помню, как приехало начальство (наблюдатель) для проверки работы школы. Это было неожиданно, папа заволновался, сразу заставил нас перелистать букварь и открыть, где были написаны рассказы. Спросили меня и ещё одного мальчика. Мы довольно бойко всё прочитали, наблюдатель похвалил нас, но мне он всё равно не понравился, мне казалось, что он «подкапывается» под папу, и мне жалко было отца за унижение, которое он должен терпеть перед высоким начальством. В марте (в конце зимы) я заболела дифтеритом. На уроке почувствовала себя плохо, ушла домой и заснула, очевидно, была температура. Вечером пригласили фельдшера.

Он сказал, что надо немедленно везти в больницу на прививку. Помню из этого путешествия только то, что лошади проваливались в снегу, дорога слякотная, боялись не доехать (15 км). Начиналась распутица. Потом помню: я на высоком столе, надо мной огромная яркая лампа, сделали укол в живот. Больше я ничего не помню. Возил меня папа.

В Серединовке жили мы одиноко. Единственное удовольствие — купаться в реке, которая была мелководна и с песчаными берегами. Очень любили с братом Серёжей ходить к телеграфным столбам и слушать их гул. Мы фантазировали, что по ним говорят, нам казалось, что мы присутствовали при важном разговоре всего мира.

В Серединовке не было ни лесов, ни лугов, кругом лишь поля. Играли мы больше у церковной ограды (мы жили при школе в двух комнатах, очень маленьких). Не было и цветов, лишь в небольшом овраге можно было сорвать цветочек. Мы очень скучали по привольной жизни в нашей Александровке. В Серединовке была ещё земская школа. Летом мы жили в её классах, т. к. наша квартира была очень мала. Классы были большие, в них старший брат ухитрялся кататься на велосипеде. Был один случай, запомнившийся мне на всю жизнь. Мы с сестрой Наташей играли в куклы на окне класса и вот однажды, к нашему великому ужасу, видим, что братцы во главе со старшим сжигают увеличительными стёклами наших кукол и их обстановку. Мы плакали, умоляли их остановиться, а они закрыли все двери и нас не пускали. Пришлось прибегнуть к защите мамы. Мама пришла, а они спрятались и убежали через уборную.

Здесь, в Серединовке, пришлось столкнуться с чужим горем. В селе жил священник, отец Григорий, вид у него был страдальца. Объяснялось это тем, что у него была жена сумасшедшая и такой же сын. Мы со страхом и любопытством ходили около их дома и сада, обнесённых

высоким плетнём. Раз я видела бледного, худого юношу. А брат, когда ходил по поручению отца в дом, видел жену, она порола наволочки подушек и выпускала перья. Было тяжело видеть страдания людей.

В Серединовку летом приезжали к нам двоюродная сестра Аня с детьми и Андрюша. Последний был красивый молодой человек, танцор, играл виртуозно на балалайке. С ними мы ездили в Знаменку (они там отдыхали летом), и я там научилась плавать.

Карай-Салтыково

Село Карай-Салтыково Тамбовской губернии Кирсановского уезда - родина Александра Семёновича Краснова, моего мужа.

Осенью 1911 года мы переехали в Карай-Салтыково. Папа попал по конкурсу на должность диакона и регента местного хора.

Село Карай-Салтыково большое, расположено вблизи двух рек, Вороны и Карая. За рекой Вороной большие лиственные леса, преимущественно дубовые, на красивом высоком берегу реки — барский дом, принадлежащий графу Салтыкову-Перовскому. Дом ничем особенным не отличался, кроме как большим количеством комнат. Однажды (еще до революции) я была в нём с папой. После революции в этом доме была школа 2-й ступени (внизу дома), а наверху жили учителя — Людмила Филипповна, Наташа, Варвара Тимофеевна. В период антоновщины дом сожгли. Село по тому времени было культурное. В нём находились две земских школы, больница, волостное управление, богадельня (содержались на средства графа), винная и бакалейная лавки.

В имении графа конный завод, водяная мельница и много обслуживающего персонала. Крестьяне были настроены революционно, преобладали эсеры. Графа не любили, особенно не любили графиню, которая могла из-за 10 копеек торговаться с бабами. Любили молодого графа

(брата владельца имения) Григория, он был убит в связи с убийством Столыпина. Крестьяне о нём всегда вспоминали и считали, что он пострадал за революцию, узнать что-либо подробнее не удалось.

Мы жили в середине села, против церкви, на казённой квартире. У дома был небольшой сад, а за ним большой огород, где сажали картофель, овощи и табак-махорку. Последний сажался с коммерческой целью. Это была культура трудоёмкая, надо было ухаживать старательно, чтобы вырастить с хорошими, мясистыми листьями. Мы помогали обрабатывать табак: поливать, полоть и собирать цветы. Вот последнее было тяжело, запах табака дурманил. Потом его срезали под корень, разрезали пополам и сушили. Осенью приезжали скупщики и старались дешевле купить табак у крестьян, придирались к плохой сушке, влажности листа и т. д. Папа, как правило, не умел торговаться и продавал табак дёшево, но всё же выручал приличную сумму по тем временам.

Природа в Карай-Салтыково была красивая, привольная. За огородами начинались заливные луга и тянулись они до самого имения. На лугах было много цветов — ирисов жёлтых, луговых гвоздик, много других цветов и душистых трав. Всё это в летние дни испускало ароматы. Я до сих пор их помню. Были и болотистые луга, и торфяники (впоследствии была организована добыча торфа). Комары летали тучами, много было малярии. Брат Серёжа болел ею. Я любила ходить в эти луга, через них вела дорога к реке Вороне, куда мы ходили купаться. Я до сих пор часто вижу во сне эти луга, дорожки, по которым мы ходили на речку и в лес. Лес был богат цветами, грибами, ягодами (ежевика, малина). Сколько было удовольствия ранней весной в лесу: цветут подснежники голубые, фиалки, можно ходить за ландышами, находить их в тени кустов, когда они ещё покрыты росой, сверкающей, как алмаз.

Однажды мы с братом Серёжей решили пойти на рыбную ловлю. Встали рано (в четыре часа утра), пошли на Ворону. Место ловли избрали около мельницы. Не забыть этой особой утренней тишины. Вода не шелохнётся, гладь зеркальная. Лишь изредка где-либо всплеснёт рыбка. Сидим с удочками в ожидании клёва. Вдруг — о, радость! — поплавок дрогнул, и брат вытянул большую рыбу (окуня). Радости и ликованию не было конца. С торжеством принесли рыбу домой. Пытались ещё ходить на рыбалку, но фортуна нам изменила, рыба не клевала, и мы перестали заниматься рыбной ловлей. Развлечений была у нас масса. Много играли в различные детские игры: разбойники, лапту, горелки. Главным заводилой был Серёжа, и я играла с ним и его товарищами.

Здесь, в Карай-Салтыково, женился старший брат Александр на очень приятной девушке Людмиле Филипповне Дороговой. Мы все её сразу полюбили, она была добрая, ласковая, умная. Я ходила за ней хвостом. Она занималась со мной, учила меня говорить по-французски, но далеко эти уроки не пошли, я даже не знаю почему, наверное, ей просто было некогда. Жизнь Людмилы Филипповны в нашей семье имело огромное влияние на наше воспитание и наши познания. Она была прекрасный педагог.

Вообще, жизнь стала сложнее, и круг знаний расширялся. Я стала задумываться о жизни, о загадках природы, о месте человека в ней. Иногда я уходила, забиралась на дерево и там сидела, читала. Помню, как-то прочитала (что, не помню) о мальчике, который всё думал о жизни и задавал себе вопросы «Существую ли я?» и «Что это такое?» Конечно, всё было сумбурно, но хотелось не просто жить беззаботно, как до сих пор, а думать. В Карай-Салтыково я училась у брата Саши, он вёл одновременно два класса (2-й и 3-й). Заниматься предметами он не любил, а больше с нами пел. Для этого сдвигались парты полукругом

в два ряда и пели разное: «Буря мглою…», «Кто скачет, кто мчится» и другое. И когда приехал с ревизией инспектор школ, то обнаружилось, что мы ничего не знаем по программе, и были отлично видны наши низкие знания в области арифметики, русского языка. Потом я училась у Людмилы Филипповны (3-й и 4-й годы). Ученики её очень любили. Это была исключительный педагог. Она вела уроки интересно и понятно объясняла.

На этот период приходится одно яркое событие — устройство ёлки в школе. Граф отпустил 100 рублей на ёлку и подарки. Это была первая ёлка в моей жизни. Мы с Людмилой Филипповной готовили выступление. Я читала басню Крылова «Мартышка и очки». Ёлка поразила меня блестящими разнообразными игрушками, сверкающими огнями. Мне подарили стеклянную лампочку, удивительно изящно сделанную — жёлтого цвета лампа и белый абажур. Это всё так незабываемо…

Тамбов. Епархиальное училище

В 1912 году я держала экзамен в Епархиальное училище, где училась сестра Наташа. Экзамен выдержала, но у отца не было средств платить за обучение, т. к. в это время учились четыре человека — три брата и сестра. Решили оставить меня дома ещё на год и сделали ложную справку, что я больна скарлатиной. Я очень переживала, но ничего не поделаешь, стала ходить в 4-й класс земской школы, которую и окончила. А осенью без экзаменов поехала в Тамбов в училище.

Епархиальное училище — это закрытое учебное заведение для детей духовных служащих. В нём было семь классов. По его окончании девушки имели право учительствовать. Как все закрытые учебные заведения училище имело свои правила и порядки. Вся жизнь была расписана по часам. Вставали утром по звонку. Потом шли завтракать

и после на уроки. Обед, прогулка, подготовка уроков и в 10 часов спать. И так ежедневно. У каждого класса была своя классная дама и помощница. В обязанности их входило следить за воспитанницами, их питанием, занятиями и пр. Жизнь текла однообразно. Вначале скучали по дому. Я боялась всех и вся. Я настолько была стеснительна, что все перемены между уроками больше стояла у стенки. Училась я хорошо, всё давалось мне легко, память была хорошая. Я почти не учила уроков, было достаточно прослушать урок в классе. Из учителей помню учительницу математики Анастасию Ивановну. Это сухая, высокая, седая женщина, взгляд строгий, без улыбки. Меня она почему-то любила и как поставила мне однажды в 1-м классе за контрольную работу «5», так всегда мне ставила пятёрки, хотя я иногда плохо отвечала. И помню нашу первую ученицу Марусю Благодарову: как бы она ни отвечала, та ей всегда ставила «4». Хотя Маруся много занималась, и по всем предметам у неё были пятёрки. Ещё была учительница русского языка, очень злая, мстительная (её имя, кажется, Лидия Ивановна). Если она кого-то невзлюбит, то просто до издевательства доходило. Помню Марусю Платокову, так бедная просто терялась при ответах, а учительница её доводила до слёз. Особо интересных учителей не было. Нравился мне историк, я любила историю, но однажды, рассказывая про Олимпийские игры в Греции, я, видимо, не совсем ясно говорила, и он спросил меня «Ну Вы кого-либо из поэтов любите?» Весь класс закричал: «Она влюблена в Пушкина». Я и правда любила Пушкина и много его стихов и поэм читала наизусть. Интересен был учитель рисования. Этот тип описан во многих различных произведениях. Он был очень старенький, но всегда ходил с накрахмаленным воротничком. Уроки его протекали «интересно»: никто ничего не рисовал, за исключением некоторых. Каждый занимался своим делом, а он беспо-

мощно озирался и не знал, что с этими девчонками делать. Рисовали мы всякие головки и пр.

Воспитывали нас в религиозном духе, что впоследствии мне мешало. Религия воспитывала покорность, страх наказания от Всевышнего. Был такой случай. Приехала Людмила Филипповна навестить меня и привезла десяток пирожных чудесных. Мы с подружкой (наши кровати были рядом) съели одно, а потом испугались: а вдруг Бог накажет нас, ведь был Великий пост. Ну что делать? Я сказала дальней своей родственнице об этом. Она быстро сообразила (она училась в шестом классе), взяла эти пирожные и съела. Я привожу этот пример, чтобы показать, как с детских лет воспитывалось повиновение. Нам было мало лет, мы ещё были дети, а нас в Великий пост два раза в неделю поднимали в семь часов утра и вели до завтрака в домовую церковь, где мы два часа стояли прямо и слушали обедню. В Великий пост нам давали всё постное: грибные супы, рыбу, никакого молока, а масло сливочное вообще не давалось. По воскресеньям только к завтраку давали кусок пирога с ливером. На третье был компот или клюквенный кисель. Я любила только завтраки; на большой перемене приносили на подносах бутерброды с чёрным хлебом и кусок колбасы или две сосиски. Всё это было очень вкусно, я до сих пор ем колбасу только с чёрным хлебом.

Что мне нравилось в нашей жизни, это вечерние свободные занятия в классе. Если выучишь уроки, можно было читать книги, но я часто, да еще одна ученица Маруся Вяжлинская, объясняли уроки по арифметике или же с кем-либо из слабых учили стихи, историю. По вечерам помогала нам и классная дама Лидия Павловна. Она по-своему нас любила. Старалась получше накормить, выпросить добавки вкусного, лучше одеть, добиться для нас новое пальто. Любила гулять

только по городу, а не в саду. Нам эти прогулки нравились, т. к. после нашего однообразия видели нарядных людей, витрины магазинов. Нам завидовали другие классы. Лидия Павловна это делала свободно, потому что она была помощницей начальницы, но она ничему нас дополнительно не обучала, никакому рукоделию, как это было в параллельных классах (у Марии Федоровны), ни особому этикету, очевидно, она сама этого не любила. Она дружила с начальницей Верой Георгиевной, которая окончила Институт благородных девиц.

Когда я всё вспоминаю, то задаю вопрос, хорошо ли нас воспитывали? Я бы сказала, хорошо. Нас приучали к самообслуживанию, аккуратности, жить в коллективе, считаться с ним, приучали и к труду. Мы должны были обучаться шитью, и в 3-м классе мы сами шили себе парадную форму и фартук.

Теперь об одежде. Ходили мы в длинных платьях из камлотовой материи (это жёсткая шерстяная ткань). В 1–2 классах бирюзового цвета, в 3–7 классах — зелёные и в 7-м — праздничные фиолетовые. Чёрный передник и белый. На ногах плисовые ботинки, чулки белые, простые, грубые. Одну пару мы должны сами себе связать.

Из всего уклада я ещё любила Всенощную (это вечерняя служба) по субботам. Мы надевали парадную форму, белый передник, причёсывались с бантами и шли в домовую церковь. Хор был свой, из девочек старших классов и несколько человек отбирали из младших. Было так всё торжественно! Горели люстры, свечи в подсвечниках, всё было ярко освещено, и прекрасные девичьи голоса, пение которых уносило куда-то далеко в неведомый мир. И так я прожила четыре года.

Однажды начался переполох. В 1913 году в Тамбов должен был приехать царь Николай II с семьёй на торжественное открытие мощей святого Питирима. Говорили, что царь или члены его семьи посетят

учебные заведения. Стали нас готовить: петь «Боже, царя храни», учили делать реверансы, классные дамы вязали младшим классам нарядные капоры с лентами (дело было в декабре). Классная дама говорила: «На долю не каждого человека выпадает такое счастье — видеть царя». Но в день, когда он приехал, меня не взяли на встречу, т. к. я только что выписалась из больницы после скарлатины. Кто ходил на встречу, продрогли, стоя несколько часов на морозе, а главное, царя не увидели — к нам он не приехал, да и ни в какое учебное заведение тоже. Лишь был на банкете в Дворянском собрании.

Чем старше я становилась, тем свободнее себя чувствовала и даже начала озоровать. А было это во 2-м классе в начале года. Мы пошли к обедне. Нам было скучно, мы целыми рядами становились на колени и тихо смеялись, потом этим не успокаивались и перед уходом весь первый ряд девочек связали между собой фартуками (я сидела во втором ряду крайняя). И когда девочки первого ряда хотели пойти парами, они не смогли встать. Тут всё и обнаружилось. После завтрака нас лишили прогулки (день был воскресный), и в класс пришла начальница училища, бранила нас здорово, мы стоя выслушивали всю нашу виновность. Под конец классная дама сказала: «Даже тихая Викторова вела себя ужасно». На каникулы после 1-го класса нам дали «ужасное» задание: разобрать басню Крылова «Гуси» по частям предложения и от каждого глагола образовать причастие, деепричастие. Я ходила за Людмилой Филипповной и умоляла её помочь, т. к., конечно, я вспомнила это своё задание в конце лета. Дома братья стали меня дразнить «деепричастие».

Летом этого года (1914) разразилась 1-я империалистическая война. Что я помню? Это разговоры о том, что в далекой Сербии убили принца и мы «должны защитить Сербию и её народ». Потом площадь

перед церковью полна народа и подвод, на которые садятся мобилизованные крестьяне, молодые и постарше. Плач женщин и детей, звуки гармошек, всё это сливается в сплошной гул, крик, ржание лошадей. Потом подводы трогаются, раздаются прощальные вопли женщин, и площадь понемногу пустеет.

Потом у нас взяли по развёрстке корову, помню, её печальные глаза как будто говорили: «Прощайте».

В 1915 году старший брат Александр после окончания института был призван в армию. Второй брат Алёша закончил Алексеевское военное училище и был на передовой, мёрз в окопах. Скоро призвали Володю, а под конец и Серёжу. Жизнь становилась всё тревожнее. Тяжелее стало с мылом, сахаром, но мы пока, живя в деревне, многого не ощущали, хотя отголоски войны доходили до нас. Я очень плакала, когда узнала, что Варшаву взяли немцы, почему-то я представляла, что этот город полон чудес. Так годы шли, а войне конца не видно. Мы, младшие, я и Серёжа, ещё учились, когда наступил 1917 год.

Революция

О Февральской революции я узнала, живя ещё в Епархиальном училище. Была, как обычно, воскресная служба (обедня) в нашей домовой церкви. В конце службы на амвон вдруг выходит дьякон и читает Манифест отречения Николая II от престола в пользу брата Михаила.

Все мы замерли от изумления, потому что в наше закрытое учебное заведение ничто не доходило, что творится за его стенами в мире. День был воскресный и, как всегда, в этот день приходили посетители к ученицам (родственники, знакомые). Дежурила по приёму наша классная дама. Лидия Павловна взяла меня в помощницы. Я должна была бегать по классам и вызывать учениц, к кому пришли. Это всегда было

большое развлечение для нас, особенно для меня, т. к. никогда мои братья не навещали меня, что бросалось в глаза. Все посетители оживлены, на груди красные банты, масса рассказов о революции. Лидия Павловна читала вслух газету «Русское слово», где подробно было описано отречение Николая II, демонстрации в Петрограде, что царь находится в Царском Селе и, когда он проходил мимо караула и приветствовал его, ответом было гробовое молчание. Почему-то эта фраза запомнилась мне, и я на минуту представила поверженного, униженного царя. В детской голове не укладывались все эти события.

В понедельник на уроке истории учитель спросил нас, нет ли у нас родственников в ссылке? У нас в классе ни у кого не было, а в параллельном у одной девочки был брат в ссылке. Все за неё радовались и поздравляли.

Училище оживлённо, как улей. Ученицы старших классов демонстративно меняли причёски, ленты, ходили на собрания учащихся города. Выбирались какие-то комитеты. Нас, младших, никуда не пускали (я училась в 4-м классе). Мы питались разными рассказами приходящих родственников. Классные дамы одни ходили весёлые, другие — понурые. Весь режим поломался. Начальница ходила растерянная, чувствуя, что не сдержать этой захлестнувшей всех лавины свободы: все куда-то стремились, всё было в движении.

Запомнился один случай, теперь это кажется смешным. Но, видимо, учащиеся хотели высказать своё отношение к случившимся событиям. Нас всех собрали в актовый зал (инициатором был комитет учащихся) и ещё пригласили семинаристов (они учились в нашем здании во вторую смену, т. к. их здание было взято под лазарет). Один семинарист сел за рояль и заиграл траурный марш (какой, не помню), под эту музыку был снят портрет царя (во весь рост), положен

на пол, и мы все собравшиеся прошли через него под звуки марша. Так мы выразили своё отношение к случившимся событиям.

После жизнь пошла снова по расписанию: уроки, подготовка к ним и т. д. и так дожили мы до летних каникул. Нас распустили, но, уезжая, мы, конечно, не знали, что больше сюда не вернёмся и что нас ждут другие коренные изменения всей жизни, всего нашего государства.

В январе 1917 года папа перевёлся в село Мосоловку Чикинского района Тамбовской губернии. Сюда он переехал потому, что его прельстила работа на жаловании, а не случайными оплатами крестьян.

И вот мы поселились в Мосоловке, куда я приехала первый раз на весенние (пасхальные) каникулы. Большой деревянный дом (пять комнат), кругом поля, ни одного дерева перед домом, только клеверный луг. А за домом поля помещика Чикирова, который пришёл представиться к нам и сказать, что наша корова зашла на его поле. Мне он вначале очень не понравился: одет был больше похоже на приказчика. Потом, впоследствии, мы с ним подружились, он жил у нас на квартире (когда лишился имения и стал учительствовать).

Нам дали надел земли, и у нас тоже оказалось десятин 30. И вот в Мосоловке мы начали заниматься сельским хозяйством: сеять рожь, овёс, просо и прочее. Началась трудовая крестьянская жизнь.

Прошло лето 1917 года. В селе образовались сельсоветы. Внешне жизнь пока не очень изменилась. Доходили вести о Временном правительстве, о Корниловском восстании. Братья где-то ещё воевали. Настала осень. Произошла Октябрьская революция. Стали организовываться комитеты бедноты. Школы все (среднего обучения) были закрыты.

Мосоловка. Рисунок Марии Владимировны Вороновой

Зимой после нового 1918 года стали возвращаться братья с фронта. Весной Людмила Филипповна с маленькой дочкой Люлей (Людмилой) и Наташей приехала в Мосоловку и стала учительствовать в местной школе. Весной приобрели лошадь, начали с помощью крестьян пахать, сеять. Брат Володя занялся садом. Вокруг дома посадил берёзок, малину, разные цветы, дикий виноград вокруг балкона. Все были заняты хозяйством, уборкой хлеба, т. к. осенью старшие братья Александр и Алёша ушли добровольно в Красную Армию. Володя поступил в сельхозинститут в Саратове, Серёжа — на какие-то курсы в Тамбове. Остались мы в Мосоловке: мама, папа, Людмила Филипповна, Наташа, я и маленькие Коля и Люля. Осенью открылись трудовые школы. Я стала учиться. Сначала в Кирсанове, а жила у брата Саши в кавалерийском полку, а когда Саша уехал на фронт гражданской войны, я продолжала учиться в Инжавине, это 25 км от Мосоловки.

В Мосоловке прошли мои юношеские годы. Я всегда с теплотой душевной вспоминаю нашу привольную жизнь там. Летом в Мосолов-

ке часто собиралась вся семья. Приезжали старшие братья со своими жёнами и детьми, и тогда за стол садилось 13 человек. И как мама могла нас всех накормить?! Мы, дочери (я и Наташа), во многом ей стали помогать. Я мыла полы во всём доме (это пять комнат, кухня, два коридора и балкон). Вечерами часто, сидя на балконе, Людмила Филипповна и я пели песни — «Слети к нам тихий вечер», «Вечерний звон» и т. п. Часто организовывался струнный оркестр. Людмила Филипповна играла на гуслях, Саша — на мандолине, Володя — на гитаре, Серёжа и я — на балалайке. Чудные, дивные были вечера! С крестьянами жили дружно. К нам ходили за всем: медицинской помощью, послушать «про политику», велись беседы, споры. Была дружная, большая семья.

1920 г. Антоновское восстание

Вспоминая Мосоловку, никогда нельзя забыть пережитое нами в период Антоновского восстания. Этот ужасный год без содрогания нельзя и вспоминать. Об этом эсеровском движении много написано в литературе, но я буду писать о нём как свидетель.

Помню конец июльского дня, к нашему дому идут человек шесть военных, очень хорошо (с иголочки) одетых. На крыльце стоит мама, они её спрашивают, как пройти в имение. Мама приветливо указывает им дорогу. Наутро мы узнаём, что это были бандиты, которые ограбили детскую колонию (дети голодные приехали из Москвы), взяли у детей продукты, мануфактуру, у обслуживающего персонала — всё, что можно взять, а заведующего совхозом (в бывшем имении тогда был организован совхоз), бывшего рабочего из Питера, латыша, только потому, что он им показался евреем, привязали к конскому хвосту и гнали по дороге, пока он не умер. Этот зверский поступок потряс нас всех. Когда днём пошли на село, то почувствовали, что настроение

крестьян тревожно-радостное. Одни радовались, что «наши пришли», что скот у совхоза можно взять, другие недоумевали, говорили, что надо ждать. В конце села были расставлены пикеты. Вот подходим к одному нашему знакомому крестьянину, который надменно гарцует на своём сером коне, спрашиваем: «Михаил Никитич, что Вы гарцуете?» «Сам не знаю, вот заставили никого без пароля не пропускать», — таков был ответ. Этого крестьянина мы хорошо знали, он всегда ходил к нам узнать «про политику», человек добродушный, принадлежал к среднему крестьянству. В этот же день поспешно уехали дети с воспитателями, т. к. дальнейшее пребывание было для всех опасно. Неизвестно, кто ещё бандитам покажется похожим на еврея.

Через несколько дней к нам из района пришёл отряд красноармейцев с одним пулемётом. Он расположился в соседней деревне Владимировке. И вот тут я видела, потихоньку, из-за угла окна, цепь крестьян, вооружённых вилами, лопатами, палками, идущих с криками в атаку на этот отряд. Утром узнали, что весь отряд был зверски убит, выкалывались глаза, выламывались руки, оружие всё забрано и обмундирование снято. Было страшно и непонятно такое зверство. И вот таким образом банда вооружалась, нападая на маленькие отряды красных.

К сентябрю отряды антоновцев всё увеличивались, появились конные отряды, сформированные в полки. Я помню, был налёт на Инжавино, когда мы хоронили в братскую могилу погибших. Где побывала банда, там оставались сплошные разрушения железных дорог, складов и баз.

И однажды к нам постучали, вошёл небольшого роста человек (в манерах чувствовался бывший офицер), одет был в кожаную куртку и такие же брюки, через плечо портупея, револьвер. Сказал, что представитель войска Антонова и просит отвести ему комнату. Он у нас переночевал, вёл себя вежливо, а впоследствии мы узнали, что это был

Токмаков, командующий армии Антонова. А сам Антонов был начальник штаба. В это посещение Токмакова сопровождающие его люди взяли у нас два тулупа, будильник. После ни разу из армии Антонова у нас не останавливался никто.

Началась жизнь, полная тревог и волнений. По вечерам мы наглухо закрывали окна и сидели, прислушиваясь. Но что бросалось в глаза. Отряды красных стали крупнее, но почему-то они не вступали в бой, и было несколько раз так. На наших глазах уходили антоновцы, их отряды были ещё видны, а красные пускали вдогонку разведку, и главные силы останавливались.

Обычно у нас стоял штаб. И вот однажды под вечер ввалилась группа начальников, привезли кур, уток и прочее и сказали, чтобы мы готовили им ужин. Ну что делать? Мы все начали чистить кур и прочую живность (мама, Людмила Филипповна, Наташа и я). Один командир обращается ко мне: «А вы так же бы обслуживали и антоновцев?» Я сразу не нашлась, что ответить. Выручил другой командир, который сказал: «А что, ей это удовольствие доставляет — ночью кур щипать?» На этом разговор окончился. Третий взял столовую серебряную ложку, демонстративно положил в бачок с мёдом и закрыл крышку.

Наше положение было трудное. Местные жители, перешедшие на сторону Антонова, просили, чтобы наши братья приехали, и они бы их забрали к себе. А красные приходили, делали обыски и, видя военные бекеши братьев, решали, что они в банде. Так было много взято тёплых вещей, особенно жалко было полевого бинокля Алёши (бинокль забрали бандиты). Иногда приходили к Людмиле Филипповне и заставляли её под угрозой делать перевязки. Отца заставили венчать какого-то бандита. Был салют из оружия. Мама думала, что папу расстреляли.

Вначале, очевидно, не придавалось большого значения силам Антонова, и вот на наших глазах происходила эта игра. Иногда за день два раза пройдут войска, догоняя друг друга, но в решительный бой не вступая. Мы недоумевали: почему? Только раз я видела бой кавалеристов. Это происходило вблизи от нашего дома, в поле. Бандитов было убито много, и весь их отряд разгромлен. Было страшно видеть скачущих всадников с клинками. Это случилось под вечер, но что поразило: на следующий день деревенские жители шли на поле, раздевали догола убитых и брали их одежду себе. Поражало, как можно так делать? Но было тяжёлое время, трудно с одеждой, видимо, так можно объяснить такое поведение.

Всю зиму 1920 года продолжалась борьба. Но чувствовалась неорганизованность в руководстве операциями по борьбе с бандой. Решительных боёв не было, бандиты вели себя нагло, нападали на гарнизоны красных, громили их, брали оружие и таким образом вооружались, и уже у Антонова собралась целая армия. Они уже делали большие рейды по всей губернии и хотели соединиться с армией Мамонтова.

Осенью меня хотели взять в штаб Антонова. Короче говоря, расстрелять, но сельские жители заступились и пришли предупредить меня и отца, чтобы я была осторожна в разговорах. Дело в том, что я училась в Инжавине в школе и часто ходила или ездила домой (это 25 км от Мосоловки). Решили, что я собираю сведения для красных. Конечно, мы все были за Советскую власть, и я часто вступала в деревне в споры, доказывая правду. Первый момент я не всё поняла, что мне говорили, а когда представила картину мучений, которым подвергали взятых, расплакалась. Тем более, в соседней деревне взяли молодую женщину от грудного ребёнка, и только весной нашли её труп в овраге. Весной 1921 года стал чувствоваться перелом в настроении

крестьян, т. к. бандиты стали и их грабить: отнимали лошадей, вещи, продукты. В апреле, после выступления Ленина о замене продразвёрстки продналогом, настроение крестьян резко изменилось.

В мае в Тамбовскую губернию стали посылаться регулярные войска, и всю борьбу с антоновской армией возглавил Тухачевский. В конце мая 1921 года развернулись решительные бои. Банды уходили ближе к лесам по реке Вороне. Вот здесь и были разгромлены основные силы Антонова, остатки бежали в леса, но их вылавливали. Всё лето в деревнях и селах стояли войска. Помогали убирать крестьянам урожай. Только к осени всё было ликвидировано, и жизнь стала входить в норму. Хотя страх пережитого долго держал людей. И нам было жалко уходящих военных частей и страшно без них. Я не помню, как был пойман сам Антонов и его помощники. Но отголоски ещё были и в другие годы. Я знаю, брат Алёша в 1922–25 годах участвовал в ликвидации остатков банды.

А нас снова настигла беда. Зимой 1921 года и весной 1922 года был у нас голод. Тяжело об этом вспоминать. Только осенью 1922-го вздохнули крестьяне».

Братья и сёстры Викторовы всей душой приняли революционные преобразования в России. Вот как они понимали и чувствовали новую жизнь:

Из записок К. Ф. Викторовой-Красновой:

«28.11.1924. Москва.

Большая зала второго университета сверху донизу наполнена. Сегодня выборы в Моссовет, и потому собрались все восемь вузов в одном зале! Всюду молодые, оживленные, энергичные лица. С разных концов слышны лозунги. Заиграла музыка. Все ещё больше оживились и сплотились в одно крепкое, здоровое. Кого-то качают, музыка игра-

ет туш. И наконец спокойный призыв одного из представителей, и всё, до этой минуты неудержимо волнующееся, смолкает. Какая большая внутренняя сознательность у каждого! Перед открытием заседания музыка играет «Интернационал», где-то маленькая группа запела, и эта волна сразу захватила всех. Нет сил удержаться и не запеть. Полились молодые сильные звуки. Нельзя передать, это только чувствуешь: нет места мыслям вне общества, чувствуешь себя в этой массе гораздо сильней и энергичнее».

В дальнейшем Капитолина училась в Ленинграде в педагогическом институте и вышла замуж за Александра Семёновича Краснова, студента Тимирязевской сельскохозяйственной академии.

Продолжим записки Капитолины Фёдоровны:

«1941 год. Известие о начале войны я получила в Болдино, где я отдыхала в туберкулёзном санатории. У меня еще оставался месяц отдыха. Врач, не помню его фамилию и имя, но удивительный человек, сказал мне, чтобы я не торопилась уезжать, впереди ещё много потребуется сил, и я пока осталась. Но через неделю пришло письмо от мамы, чтобы я немедленно приезжала домой, т. к. детей эвакуируют, и Лёву могут взять и увезти в дальние места. Сразу стал вопрос, что делать

дальше. Что будет с Лёвой и мамой? Из Саратова пришло приглашение. Можно было ещё и в Ташкент, но я боялась климата. Решила ехать в Саратов к Наташе, она самый близкий, дорогой человек, и я знала, как она душевно относится ко мне, к Лёве и к маме. Но стал вопрос, как достать билеты. Шла эвакуация, и с выездом было трудно. Пришла в институт и узнала, что сотрудники (врачи) едут на Поволжье по эвакуации скота. Пошла к директору Казимиру Иосифовичу Вертинскому и говорю: «Дайте мне командировку тоже». Он замялся, ведь я не врач, но видя меня, просящую и расстроенную, он подписал мне командировку. Спасибо ему за это. Всегда вспоминаю его добрым словом.

В Саратове встречали с радостью, но тут же начались и трудности. Как дальше? Оставаться в Саратове или возвращаться мне домой? Разместились мы так: мама у Володи, а я с Лёвой у Наташи. Наташе, конечно, хотелось, чтобы я осталась в Саратове, но Николай Михайлович, я чувствовала, был против, боялся туберкулёза и лишнего едока. Дети хотели, чтобы тётя Капа осталась с ними, они привыкли ко мне, я водила в садик Витю и Вову. Пробыв месяц в Саратове, я решила всё же уехать в Москву, да и мама всё время говорила, что надо ехать домой и иметь «свой угол». Она была права. Квартира у Наташи была маленькая, из двух небольших комнат. Мне было тяжело расставаться с Лёвой. Он прижимался ко мне и говорил, повторяя слова бабушки «надо иметь нам свой угол». Итак, настал день, когда я, попрощавшись со всеми, поехала в Москву. Тяжело было расставаться с родными, с мамой, которую я больше уже не увидела (она умерла в 1945 году), а главное, расставаться с Лёвушкой, а он всё твердил мне: «Поезжай, потом приеду и я». Я знала, что Наташа будет заботиться о нём и не обидит его, да и Николай Михайлович относился к нему неплохо, но всё же сердце матери болело. И вот настал день отъезда.

Поезд тронулся, а меня душили слёзы.

Приехала я в Москву вовремя, так как на следующий день по приезду было постановление, что въезд без пропусков в Москву запрещён. Пришла я в свою квартиру, неуютно и тоскливо было, но надо было начинать жить по-новому. В первый день приезда опять начались бомбёжки. Но я не пошла в убежище, а осталась дома. Утром пошла в институт, все готовились к эвакуации в Омск. Зашла на кафедру. Велели подготовить всё необходимое для эвакуации.

Институт опустел, студенты не занимались, преподаватели разъехались кто куда, а кто ушёл на войну. Началась эвакуация института и других учреждений Москвы. Я ещё ходила в институт, но вскоре заболела (кровохарканье) и переехала на ул. Герцена жить с Марией Владимировной. Нам выдали последние зарплаты, выдали всем рабочим и служащим Москвы по 16 кг муки.

На Кочках я заколотила окна и покинула свою комнату до приезда Лёвы (1943 год). Мне предложили тоже эвакуироваться с институтом в Петропавловск (Сибирь). Я подумала, что оттуда мне легче будет поехать к Лёве в Саратов. Поезда в Саратов не шли из Москвы, можно было только доехать до Каширы. Я почти согласилась, но потом загадала, если в этот день не будет бомбёжки, то я поеду, и отправилась на Кочки посмотреть, нет ли письма от Лёвы. Приехала, и началась бомбёжка, которая длилась весь день. Я успокоилась, и начали мы жить с Марией Владимировной.

16 октября Москва была в волнении, началась паника. Многие бежали на восток. Немцы были близко. Уже слышалась канонада. Пушки били целый день. Все думали, что же будет дальше, неужели Москву отдадут. И вот 19 октября приказ о том, что Москва объявляется на осадном положении. Введён комендантский час. Командующим

по защите Москвы назначен Жуков, его помощником Рокоссовский. Были помещены в газетах их портреты и биографии. На всех это подействовало успокаивающе: значит, будем защищаться, и жизнь пошла по-новому. Кто остался, запасались продуктами. Ещё можно было кое-что купить без карточек. Москва опустела.

Нам выдали карточки. Мы с Марией Владимировной имели рабочие. Я до начала 1942 года имела рабочую, а потом уже иждивенческую. Норму я точно не помню. Рабочая: 800 граммов хлеба (в день), крупы — 1 килограмм, масла — 400, а сахара — 200 граммов. А иждивенческая — хлеба 200 граммов.

Так началась наша военная жизнь. Мария Владимировна взяла на дом работу — шить мешки для песка. Я ей помогала. Всё хозяйство вела я. Топила печку. Дров у нас было много.

В октябре и ноябре бомбили. Только 6 и 7 ноября была тишина. Торжественное заседание 6-го было в метро «Маяковская», а 7 ноября был парад войск. Принимал его не помню кто, но Сталин был на трибуне. Весь мир был удивлён этим событием, а мы, граждане Советского Союза, торжествовали и ещё больше были уверены в победе на фронте.

Я ежедневно ходила к Никитским воротам читать газеты. Дома почему-то газет не было.

6 декабря была последняя бомбёжка, а дальше началась знаменитая битва за Москву. Немцев отбросили, но битва только началась. Были тяжёлые, изнурительные бои, прибывали раненые, но все уже не сомневались в победе.

Москва пустела. Уехали театры, Академия наук и другие учреждения. Появилось больше людей в военной форме. Но после ноября стали работать некоторые театры (филиал Большого театра, филиал Малого). У Галины Фёдоровны (сослуживицы) был знакомый в коми-

тете культуры, он дал нам абонемент на двоих в филиал Большого. И вот мы стали ходить в театр. Там пел Лемешев. Как-то мы попали на балет «Тщетная предосторожность» и вдруг видим, как зал заполняют иностранцы. Оказывается, приехали англичане во главе с Иденом на переговоры с нами (Идена на балете не было).

Москва была военная, суровая, но полна жизни. Печально было смотреть на витрины магазинов, защищённые мешками с песком, на огромные «ежи». Но все были полны бодрости. Так прошли ноябрь и декабрь, Новый год встретили. Я испекла пирог с кашей: с продуктами стало тяжело, приходилось изощряться в приготовлении пищи.

Приходил поэт Михаил Светлов, подарил мне плитку шоколада. Уехал Коля Викторов. Вообще мы с Марией Владимировной остались одни. Мне, как туберкулёзной, давали еще 0,5 кг свиного сала. В общем, жизнь продолжалась. От Лёвы получала письма, полные боевого духа. Но душа болела за него и всех родных. Алёша, брат, в начале года прислал телеграмму, его мобилизовали на войну».

С 1941-го по 1944 год Капитолина Фёдоровна живёт вместе с Марией Владимировной Вороновой, практически членом большой семьи Викторовых. Поэтому расскажем о ней подробнее.

Мария Владимировна Воронова

Познакомился с ней Фёдор Александрович, отец нашего семейства Викторовых, случайно, и договорился, что к ней в Москву приедут его дети.

В 1921 году Сергея Фёдоровича призвали в Красную Армию. Вернувшись оттуда, он стал учиться в Московском ветеринарном инсти-

туте вместе с сестрой Наташей. Жили на Большой Никитской (теперь улица Герцена) у М. В. Вороновой. Здесь же одно время в институте училась Капа, приезжал на курсы старший брат Александр, гостил Володя. С Марией Владимировной в то время Викторовы образовали как бы одну большую семью.

Из воспоминаний Н. Ф. Викторовой-Семёновой:

«Мария Владимировна Воронова была давней знакомой семьи Викторовых и дочерью одного из самых известных в своё время московских врачей. Он был очень богатый человек, профессор-гинеколог, к 1917 году уже скончавшийся и завещавший все капиталы и недвижимость дочери Маше. Её муж, полковник Воронов, пропал в Первую мировую войну. Она была очень образованная женщина, окончила Строгановское художественное училище, работала художником при Большом театре и писала эскизы декораций для балетных постановок. У неё имелась собственная конюшня, она была прекрасной наездницей. Участвовала в скачках на московском ипподроме на Ходынке. После революции всё у неё отобрали — и деньги, и лошадей, а дом реквизировали, заполнили новыми жильцами, оставив Марии Владимировне две комнаты. Вот в одну из них я и вселилась. Немного позже ко мне присоединилась младшая сестра Капа, а кроме того, часто бывали там и наши братья. Так что

стала Мария Владимировна очень близким нам человеком. Её все Викторовы безмерно любили и сохранили на всю жизнь добрые родственные отношения. Последние годы своей жизни Мария Владимировна провела в семье моего брата Сергея Фёдоровича Викторова, долгие годы нянчила его детей и умерла в 1978 году в возрасте 95 лет».

В полуподвале всё еще проживал один из бывших верных её слуг — дворник татарин Халибула. Как и все татары после революции, он занимался сбором и скупкой старья. И, бывало, утром приходил к Наташе и Серёже и просил купить открытку «для почину». А иначе, говорил, не будет хорошей торговли. Делал он это перед выходом на скупку старья.

Переулками Серёжа и Наташа ходили на занятия в институт, который находился на Тверской-Ямской. Кроме занятий, дежурили там в ветеринарной клинике и со временем стали вести приём. А в переулках этой части Москвы жило множество частных извозчиков (был НЭП). Они-то, главным образом, и приезжали лечить лошадей.

Однажды Серёжа и Наталья дежурили ночью в клинике, и с улицы к ним пробился щенок, грелся на руках. Его взяли домой, несмотря на то, что болел он чесоткой, и жильцы дома возражали, боялись, что заразит детей. Серёжа и Наташа долго его лечили, вылечили, и была хорошая собака.

После революции вскоре возобновились скачки на московском ипподроме, и Мария Владимировна работала там несколько сезонов жокеем; скакала, но уже не на своих, а на государственных лошадях. Потом оставила это дело, устроилась на работу, стала жить жалованьем и сбережениями. Но на чердаке сарая у неё лежало много различных сёдел и конской амуниции. Приехал Володя, и они с Серёжей разрезали сёдла на подмётки и продали на толкучке.

Во дворе дома Марии Владимировны Вороновой. Слева направо: Владимир Фёдорович, его жена, Аля (дочь Алексея Фёдоровича), Мария Владимировна, дворник Халибула, Сергей Фёдорович

Мария Владимировна всё ещё придерживалась некоторых своих аристократических привычек. Например, покупала и жарила каштаны, приглашала братьев и сестёр Викторовых. Дверь в комнату тогда запирали, чтобы не приходила соседка. Та имела привычку приходить и оставаться на угощение.

Приезжал на курсы Саша. Как-то в его отсутствие пришёл человек, принёс сапоги, сказал, что для Саши. В обед опять пришёл, сказал, что ошибка вышла, попросил сапоги обратно. Пока Мария Владимировна их из другой комнаты выносила, он успел похитить драгоценности, что лежали в открыто стоящей шкатулке. Это вечером выяснилось,

когда пришёл Саша и сказал, что он такого человека не знает. Мария Владимировна никаких претензий не предъявляла, полностью доверяла Викторовым, любила их. В 1924 году она была в гостях у Фёдора Александровича и Екатерины Александровны в Мосоловке и сделала там серии рисунков. Дружба Марии Владимировны с Викторовыми продолжалась вплоть до 1978 года, когда она умерла в возрасте 95 лет.

В 1968 году в гостях у неё побывала и Наташа, зашла к Халибуле. Тот, как обычно путая слова женского и мужского рода, сказал: «Какой ты старый стал». А Наталья Фёдоровна ему в ответ: «А ты, думаешь, молодой?»

Дом на ул. Большая Никитская (бывшая ул. Герцена) № 47. Сверху — в 1934 году, снизу — в 2018-м

Эпилог

Жестокий XX век. Всем досталось:

- 1929 год — арест зятя Викторовых Александра Краснова.
- 1933 год — смерть Александра Краснова, расставание Фёдора Александровича и Екатерины Александровны.
- 1937 год — арест Александра Викторова, ссылка его жены Людмилы Филипповны, увольнение из армии Алексея, арест Сергея.

1926 год. Гражданская война окончена. Все ещё живы. На фото слева направо стоят: мужчины — Алексей, Владимир, Сергей; женщины — Мария (жена Алексея), Анна (жена Владимира), Людмила Филипповна, ? (похожа на Марию Владимировну). В центре: мать Екатерина Александровна. Опирается на неё Алевтина, справа сидит Александр. Сидят на полу Людмила и Николай

• 1943 год — гибель Алексея на фронте.

• 1944 год — нелегальное возвращение Людмилы Филипповны из ссылки.

• 1953 год — реабилитация Александра и Сергея.

Все эти события не поколебали убеждений самого Фёдора Александровича. Вот его письмо одному из сыновей:

«За заботы обо мне спасибо тебе, добрый сынок, и все вы детушки, заботились обо мне. Вот и я верю, но на жительство у вас не собираюсь. Если жить у вас, то я для вас вреден и опасен буду. А в случае болезни мне надо исповедоваться, причаститься Святых Тайн, пособороваться. Что вы будете делать? К кому и куда обратиться для моих духовных потребностей? А умру! Тогда что делать? Неужели так бесславно отвезёте мой прах, как падаль, на кладбище, да ещё в красном гробе?! Это для меня омерзительно. Пошли, Господи, кончину христианскую и погребение по православному подобающе. Во всём я согласен, но в этом никогда. За тем по семейному положению, положа руку на сердце, я буду стеснять вас, поэтому лучше буду жить один.

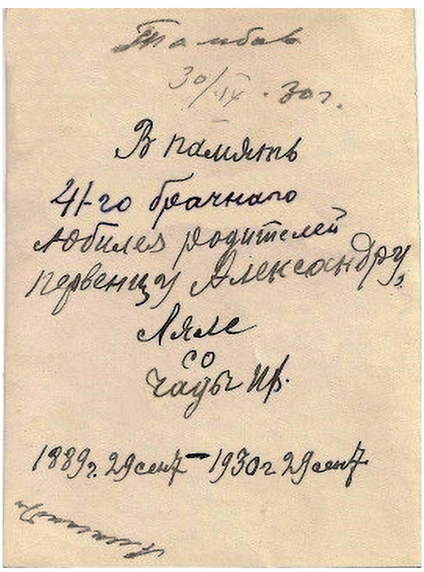
Давно мать мне не пишет. Вероятно, в связи с болезнью Капочки (кровотечение из горла после гриппа). Что-нибудь случилось ещё серьезней, либо хворь какая пристала. Со смертью Саши Краснова и моя семейная жизнь потряслась и разбилась: в преклонных летах приходится одному бобылём коротать, может быть, последние дни старости. Да будет во всём воля Божья святая на меня, грешного.

Спасибо, что не забываете меня! Я пока по милости Божьей здоров, хожу бодро, хотя знакомые мои и моложе меня уже отправились к Праотцам … А меня, по милосердию своему, Господь не призвал. Ожидает моего исправления и раскаяния во грехах моих. Хотя я и бодрствую телесно, а в душе думаю и о тревогах последних дней моей земной жиз-

ни, и о самой смерти. Постоянная забота о насущном хлебе, хождение на базар, стояние в грязи по нескольку часов за керосином и прочее и треплят меня, и отвлекают думы мои от спасения души. Всё это ничто по сравнению с Вечностью, всё это суета сует, всяческая суета. А тут ещё в квартире очень беспокойно, нет места где-нибудь присесть, почитать что-нибудь и прочее. …Жизнь становится невыносимой. Нервы треплются каждый день. Но, верно, нужно покориться своей судьбе и терпеть. Значит, так Богу угодно, чтобы испытать всю горечь земной жизни».

Ушёл дед из жизни 11 декабря 1938 года. Он заболел крупозным воспалением лёгких после стояния в очереди за керосином.

А бабушка Катя в годы войны была эвакуирована из Москвы в Саратов вместе с внуком Лёвой. Она ушла из жизни 2 декабря 1945 года.



Л. Ф. Викторова

ЖЕНСКАЯ СТОЙКОСТЬ

Воронеж, 1930-е годы

Эти воспоминания пренадлежат Людмиле Филипповне Викторовой, жене старшего брата моей мамы Капитолины Фёдоровны. Она записала две тетрадки своих воспоминаний и назвала их «Рассказ». Я ничего в тексте не менял, но оставил только первую часть воспоминаний, примерно до 1956 года, да изменил название. Я так сделал, потому что считаю этот материал потрясающим документом эпохи, который именно в таком виде надо читать самим и передавать для прочтения своим детям и внукам. Я позволил себе лишь вставить в текст несколько примечаний, иллюстрирующих некоторые факты, которым сам был свидетелем.

Л. Краснов

Встреча. Любовь

И один из них — золотоволосый голубоглазый семинарист — не отходил от меня весь вечер и даже «унизился», как смеялись над ним друзья, надевал мне галоши, когда я собралась уезжать. Мне было 20 лет, влюблялась я чисто и бездумно, как в мечту, несколько раз, но такого ощущения, будто голубые глаза, пристально следившие за мной, зажгли что-то внутри меня, всё во мне пылало и не сгорало — так я ещё никогда не чувствовала себя.

Дальше были свиданья и в роще, и у реки, и в парке — и соловьи, и самая чудесная любовь юности Ромео и Джульетты. Жил он в 35 км от Воронцовки. Но, должно быть, не трудно было ему приезжать на велосипеде через день, а мне выходить на дорогу к вечеру и искать след велошины по дороге к роще. И вдруг всё оборвалось: уехала в Симбирск. Так вот и это как-то потянуло в Воронцовку.

Приехала поздней осенью в Тамбов, пересадка, и первое, что я сделала, это пошла к тому дому, где когда-то жил он — голубоглазый Саша. Улица не главная, иду тихо — смотрю в окна, стараюсь угадать дом, и вдруг в одном из окон — как молния сверкнул нестерпимый взгляд голубых глаз, а через минуту на крыльцо выскочил ошалевший от неожиданности Он и… любовь, как пламя, вспыхнула вновь, всё залила своим светом.

На другой день поехала в Воронцовку — но лучшая и светлая часть меня осталась в Тамбове. Он заканчивал семинарию, а дальше были мечты о вузе — всё равно каком, но сложилось немного по-другому. Детей за зиму я подготовила, но меня просили остаться и на лето. В начале лета я поехала в отпуск в Симбирск, взяла с собой обратно Капочку (сестру) в Воронцовку, тоже отдохнуть. На обратном пути остановились в Тамбове. Саша закончил учёбу — отпраздновали его

окончание, а осенью… я должна была ему написать, что ехать ему в вуз не придётся, пусть устраивается учителем, т. к. я должна стать матерью, и надо обязательно жениться: иметь ребёнка без мужа в те годы было немыслимо.

Семья Викторовых

И вот я в селе Карай-Салтыкове в доме попа, а рядом в доме дьякона живет он — Ромео — и семья: отец, мать, трое братьев и две сестры. Дом, как каменная коробочка, ход со двора, крошечная комната, отданная ему с молодой женой, и ещё две небольшие комнаты.

Но всё это сквозь любовь казалось пустяком. Со мной корзина с вещами и 200 рублей денег, у него — место сельского учителя.

Рождение сына

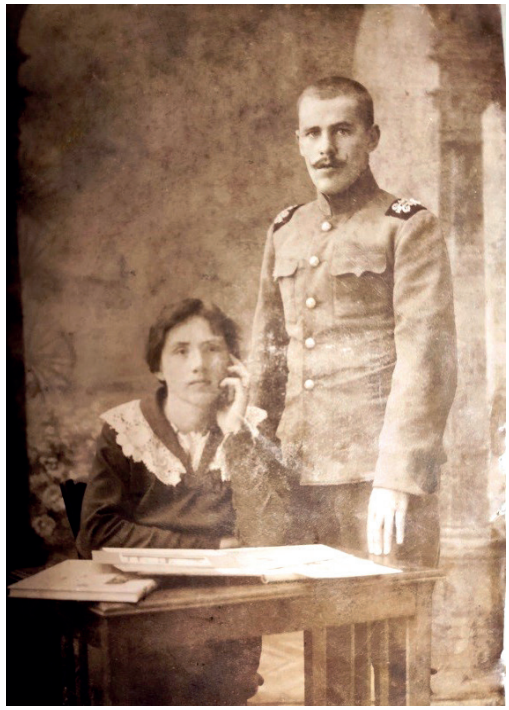
Рожать уехала в Симбирск, и 18 апреля 1912 г. родился Николай. В июле приехал Саша за мной, надо было ехать в Карай-Салтыково. Почему домой в Салтыково? Конечно, по юности и глупости — ведь и Симбирск дом мой, и жить здесь мне и легче, и лучше. Денег ни у него, ни у меня много нет. Решили ехать до Саратова на пароходе, т. к. мне был предложен бесплатный проезд до Саратова с мужем. Юная чета втроём едет.

Учительница в школе

Приезжаем в Карай-Салтыково, и уже осенью я агитирую за вуз. Я еду сама к инспектору народных училищ — каверзный сухой старик, не любит учительниц. Должно быть, его покорила необычайность моей юной настойчивой наивности, с какой я заявила ему с первых же слов, что знаю о его недобром отношении к учительницам, всё же пусть он

оставит меня на месте мужа, которого я провожаю в вуз, а жить, если нам не работать, будет не на что, и уж я как-нибудь не подведу его. И только после такого вступления седая голова, наклоненная к столу, поднялась, и на меня взглянули бесцветные глаза из-под густых бровей, глянули с изумлением — ну как удав на кролика. Но все же просьба моя была принята, и вот осенью я остаюсь в школе в тех же классах после мужа, а он уезжает в далёкий Харьков в Ветеринарный институт.

Вечерами, когда после уроков я сидела дома, усталая, с отчаянием в душе и от одиночества, и от плохой учёбы в школе, мне казалось, что Харьков — это нечто такое чудесное и блестящее, как сказка — полный город учёных умных людей. Много позже я поняла, что учёный и умный — это разница, и не всегда эти два слова живут в человеке вместе. А учёба в школе шла плохо потому, что ребята объявили мне, что они с учителем учились петь песни и ходили на охоту. Неграмотных было больше половины, и отзывы в журналах проверок от инспектора были не блестящи. Надо было и наверстать промахи мужа, и показать свои способности.



Ребят я своих любила и, может быть, они, это понимая, не обижались на мою строгость, и к концу года мы были с ними хорошими друзьями. Для инспектора мы хоро-

шо усвоили узнавать по части целое и часть от целого, это было его слабостью, и с этого он начинал. И первый его хороший отзыв о моих классах в первый приезд с ревизией был результатом удовлетворения арифметикой, т. к. для чтения в 1 классе ему попался совсем неграмотный ученик с открытой книжкой на стихотворении «Румяной зарёю», которое он и прочёл наизусть, водя пальцем совсем не по строчкам стиха.

Первый год, да и последующие, было трудно. Получала я 27 руб. 50 коп. в месяц и 25 руб. отсылала мужу в Харьков. После рождественских каникул, когда ему как отличнику дали стипендию 25 руб., все деньги оставались нам с сыном. Жила в семье мужа. Отдушиной в жизни служила Салтыковская больница, врач Дамир и фельдшерицы, особенно хорошо относилась ко мне акушерка Юлия Георгиевна Скаскова — человек, живущий не для себя, с огромным тактом и широкой душой.

1914 год. Война

В 1914 году началась война с немцами. Плач провожающих женщин на площади перед церковью, грохот и гул уходящих вскачь телег с мобилизованными, треск гармошек и рёв разудалых песен пьяными голосами — всё это было волнующе и жутко, но глубоко не коснулось моего мирка: муж в институте — доучивался, из родных опять же никого не было на фронте.

Но вот заканчивается 1915-й, и в начале 1916-го Саша должен окончить вуз (ускоренный выпуск для фронта). Мне очень хочется съездить в Харьков посмотреть город и студентов, но как ехать? Писала инспектору, просила отпустить на две недели. Ответа нет. Тогда составляю программу занятий, договариваюсь со своими ребятами в школе, оставляю старшим одного из учеников и самовольно отправляюсь

в Харьков. Пробыла две недели и потом ехала в Карай-Салтыково уже с мужем-врачом новоиспеченным, в военной форме — новенькие шинель и всё обмундирование. Первый раз, когда пришли в Харькове на квартиру, ходили группой по улице ночью: привыкали «козырять» военным.

Признание успеха

Приезжаю, иду в школу, а ребята обрадовались и наперебой сообщают, что был инспектор. У меня заныло сердце — ведь отъезд без разрешения! Иду в учительскую, читаю в журнале обследования и не верю своим глазам. Отзыв об учёбе, дисциплине и инициативе

учеников — блестящий, а в конце несколько слов: «По возвращении — немедленно явиться для объяснений». По правде говоря, не спала я в ту ночь перед поездкой в уезд.

Прихожу на квартиру, в учреждение не пошла. Принял — посадил и говорит: «Ну расскажите, как Вы так ребят обучили, что сами занимаются и за Вас горой?» Ну что я могла сказать, когда мне со страху так жарко было, что платочек в руках стал влажный. Не помню, что говорила ему, но помню, что угощал меня чаем и всем домашним представил как учительницу, у которой учёба сама идет.

Муж уехал осенью 1916 г. на войну, а я осталась продолжать учительствовать и ждала рождения второго ребёнка. Писала мужу много и часто, и однажды даже ездила к нему в Минск, они стояли там под Молодечно. Был он не на передовых, и время своё, почти сплошь свободное, коротали по госпиталям и в картёжной игре. Вот на этот выигрыш мне и удалось поехать к нему.

Рождение дочери

Вернулась в Карай-Салтыково, и 19 февраля 1917 г. у меня родилась дочка. Назвали Людмилой. Свёкра в это время перевели в другое село, и мы все должны были туда же поехать. Мне пришлось ехать уже весной, когда окончились занятия в школе. Простилась со своими окончившими учениками сердечно, и утром рано — на двух телегах и тележке, погрузив вещи, усадив ребят да щенка Руслана — двинулись мы в путь. С больницей я даже не попрощалась. Казалось, уезжаю ненадолго, да и Дамира в 1915-м похоронили (умер от заражения крови при операции какого-то гнойника). Предстояло проехать, конечно, шагом, сорок вёрст. Ехали весь день — яркий, солнечный — и на пароме, и лесом, и полем. Сын то резвился, то затихал, а малютка была на

руках. По дороге всё интересовало Колю, и я не успевала отвечать на его вопросы. Рядом на сиденье для Коли сидел щенок Руслан, и я смеялась сама с собой, что Руслан у меня собачий, а Людмила на руках.

Долго прожил Руслан у нас (помесь дворняги с пуделем), был рослый, обросший чёрной курчавой шерстью пёс, и только блестели чёрные глазки из-под чёрной лохматой шерсти. Был умён, любил ребят, днём сидел на цепи. На ночь, если вечером забывали отпустить его с цепи, подымал истошный вой и благодарно лизал отвязывавшего его, норовя попасть в лицо.

Мосоловка

Приехали в Мосоловку. Маленькая деревушка в 15 дворов — все они умещались по правую сторону в одну линию, оканчивающуюся игрушечной по размерам церковочкой деревянной, окружённой клёнами, с крошечным домиком-сторожкой, а немного отступив — два дома: один, побольше, для попа, другой, поменьше, для псаломщика (помощник попа по чтению в церкви). Стоят они на грани луга и пахоты, и ни кустика вокруг них, только высятся деревянные высокие заборы двора. Но дома хорошие, новые, деревянные, с большими светлыми окнами.

По другую же сторону от дороги тянется забор «барского сада», на всём протяжении до церковки, где глубокая канава около изгороди сада оканчивается прудом. Пруд мелкий, грязный. Стоком соединён с другим прудом, который находится уже в саду. Там и мостик через него — как в сказке: белый, красивый — от дома через пруд к липовой аллее в глубину сада. Сад большой — больше 25 га, разделён на квадраты аллеями ёлок — берёз — лип — клёнов — вязов — ив, а в квадратах яблони — груши и ягодный кустарник. Чудесный весной в цветении, летом сад был недоступен — сдавался съёмщикам, и только нам — Наташе, Капочке и мне разрешалось проходить по дорожке к месту купанья на пруду. Помещик выжимал из всего, что мог, вводил новшества в хозяйство, но во всём преследовалась исключительно нажива.

Молотьба происходила в огромном сарае, куда с поля свозились барские копны, хлеба, и испольщики молотили барскую половину в первую очередь. Считали хозяина дельным, уважали — а когда сарай подожгли вместе с молотилкой и хлебами, так не очень и спешили тушить пожар: тихо было, и деревня к сараю не близко.

Разводилась особая порода уток «Чикировские», но своим, деревенским, яйца и утята не продавались. Пруд Чикировский полон его утками, и только во дворах некоторых кулаков были утки — без права разводить племя; значит, что есть, то и съешь без остатка или продай, но утки, отбракованные из стад Чикирова, не имели ни того вида, ни той упитанности, вырастая у колодезных лужиц. Крестьяне из окружающих деревень работали на полях и в саду у Чикирова, а у самих ни за домом, ни перед ним не было ни кустика. Но уход за садом прошли все, и эта большая армия с любовью берегла оставшийся, пострадавший в первое время после революции «чужой», «чикировский» сад — когда осознали, что это теперь уже их крестьянский сад.

Первым делом семьи нашей было — палисадник у окон дома. Натащили из балочки клёнов, ясеней, насадили малины, появились грядки: огурцы, морковь. Всем была работа — и зазеленели вокруг кустики, а спустя несколько лет, случайно проезжая мимо посёлка, я видела этот дом, окружённый тенистыми деревьями, но без ограды.

Осенью 1917 года за мной приехали из Карай-Салтыкова посланцы и просили ехать к ним вновь и открыть «гимназию», потому что они мне доверяют и просят «поработать на народ».

Мечты

Голова была полна самых лучших, самых светлых желаний нести народу свой труд — казалось, впереди так всё ясно: нет царя, нет власти угнетающей, но в остальном в моих знаниях был не только пробел, а вовсе не было никаких понятий о политике, об огромном движении огромного народа, о перспективах и постройке государственной власти, будто я жила где-то на задворках мысли — куда-то стремилась, к чему-то светлому, хорошему — к отдаче своих знаний народу, а знаний-то только и было, что в том, что дала мне гимназия, как в заколдованном кругу завертевшая меня в «великом мещанстве», поднявшая на какие-то ходули, помешавшие мне спуститься к низам, но и не поднявшие на высоты, с каких можно было бы понять и разглядеть, как идёт волна жизни общей, а отсюда и моей.

Гимназия в Карай-Салтыково

Подняться и переехать обратно в Карай-Салтыково с двумя детьми — и один из них ещё грудной — было делом нелёгким, но желание большого дела было так велико, что никакие трудности не в силах были остановить меня, да и одна из сестёр мужа, моя дорогая сподвижница

в те трудные дни — Наташа, была в Карай-Салтыкове учительницей. Поднялась и переехала.

Обществом в волости мне был отведён тот дом, в котором я жила с семьёй Викторовых, бывший дом дьякона. Началась жаркая работа: необходимо было отыскать помещение, подобрать учебники, учебные пособия, произвести приёмные экзамены, составить программы обучения — и всё это надо было проделать, не имея никакого опыта в таких начинаниях. И поистине была проделана огромная работа. К зиме под училище был отведён в бывшем имении Петрово-Соловово сначала небольшой каменный флигель на выгоне, потом уже, много спустя, отдан был главный корпус дома: часть под классы — их было сразу два, а часть под общежитие для учащихся из других сёл. Подобрав комплект «учащих»: студентка 4-го курса педагогического института Варвара Тимофеевна, окончившая только что гимназию Зинаида Дмитриевна (дочь механика мельницы) и я сама, составили программу 4-го класса гимназии и начали занятия.

Помню первого большевика, появившегося в селе (до тех пор оно было во власти левоэсэровской группы. Это я разбираюсь теперь, а тогда для меня были все революционеры — значит, люди, зовущие к лучшему).

Это был вновь избранный председатель волисполкома. Хороший, но безвольный моряк, добродушно старающийся делать, «как должно быть», как и я тогда: без практики и указаний со стороны — всё к общему благополучию. Оттого и было состояние такое, что выбираемся из тины, надо не только не утонуть, а и за собой тянуть.

События развертывались с огромной быстротой, и времени буквально не хватало. В эту зиму я была и заведующей, и учительницей,

и режиссёром театра самодеятельности, и в каждом очередном начинании каким-нибудь гвоздём. Так мало было интеллигенции на селе, и от каждого ждали, чтобы разъяснил, растолковал, помог. Должно быть, только моё огромное желание сделать жизнь простых людей лучше, диктовало мне поступки и мысли, какие тогда двигали то или иное начинание. А как велика была у народа тяга к знанию! Кроме своих классов, вечером собирались взрослые: они сами пришли и просили меня: «Приведи нас в порядок, Филипповна», — так они обращались ко мне, — это значит: «Научи грамоте».

Снова в Мосоловку

Две зимы провела я там, а потом пришлось переехать обратно в Мосоловку. Александр был в это время в Кирсанове, и я нередко ездила к нему. Жили они «на кадре»: в казармах, откуда начальники войсковых частей сбежали с белыми в начале революции. Потом полк снялся и ушел на борьбу с Деникиным, и я осталась одна с ребятами.

Жизнь в Мосоловке началась с того, что я опять стала учительницей в маленькой школе, которая помещалась в половине церковки. Отдельного помещения для школы не было. Хотя помещика уже не стало, но дом его за два года, пока я работала в Карай-Салтыкове, пришёл в такое запустение, что был не пригоден для жилья.

1919 год. Поездка в Бобров

В 1919 году, в декабре, я уехала из Мосоловки к больному мужу в лазарет в Бобров с Наташей. По дороге заболела тифом сама и, когда меня привезли больную в Бобров, муж уже поправлялся, но заболела Наташа, и только в мае вернулись мы трое обратно.

1920 год. Антоновщина

1920 год был годом разгула Антоновской банды (эсэров) по Тамбовской и прилегающей к ней Саратовской (ходили и туда) областям. Наша Мосоловка находилась очень близко к точке возникновения этой банды и на дороге их движения. В нашей семье трое служили в Красной Армии, а отсюда и сложность отношений с окружающими — и с жителями, и с проходящими частями. Жители не доверяли из-за «красноармейцев» (хотя никто ещё не знал, что двое из них коммунисты), а проходящие красноармейские части из-за «попа».

Оставалась, как-то выделяясь, одна я. Ко мне и бабы, и девочки относились сердечно, а для Красной Армии я была учительница и жена красноармейца-врача. Осенью разразились бандитские налёты на волости: на учителей, каких считали коммунистами, на сельские выборные власти. Занятия в школе было невозможно продолжать. Из районного центра не было ни указаний, ни помощи, а что ни день, то налёт, перестрелка — и всё это прекратило занятия.

Я помогала крестьянкам, чем могла, из своей домашней аптечки. Раза три приняла роды — ну и прославилась. В округе свирепствовал тиф, и за мной отовсюду приходили и приезжали с просьбой помочь больным. Напуганная семья, и я сама, чувствующая себя ответственной за детей и за стариков, — всё это заставляло меня безотказно идти и ехать на помощь, даже не спрашивая, куда. Однажды приехали за мной уже зимой — в феврале 1921 года, сказали, надо поехать помочь больному тифом. Беру кое-что из медикаментов, сажусь и еду. Привозят в одну из близлежащих деревушек, к дому посередине улицы. Нахожу больного — молодой парень (значит, дезертир) уже выздоравливает; выхожу в другую горницу, а там все в движении, суматоха, старуха суёт мне в руки полотенце новое расшитое и шепчет: «Не зна-

ем, кто идет. С мельницы прибегли, кто-то, бают, двигается, какая-то войска. А ты, милая, скажи, ежели кто спросит, к бабе, мол, приехала, беременна, вишь, она».

Я застыла — сижу в горнице с полотенцем в руках. Идти безрассудно — застрелят случайно. Старательно прячут парня куда-то в подвал. Но через несколько минут слышу крики на улице: «Наши, наши!» Ещё хуже — значит, банда. В комнату входит — нет, не входит, а врывается здоровенный мужчина в высокой белой папахе, хорошей шинели с саблей — ремни и всё, как полагается командиру. Пристальный взгляд в мою сторону, вопрос к хозяйке: «Кто?» — она что-то объясняет — стоят у порога, а он неотрывно в упор смотрит на меня блестящими голубыми глазами. Снял папаху — курчавые белые волосы. Повернулся и ушёл. Хозяйка заторопилась отправить меня — сажусь в сани — везут обратно через глубокий овраг. В душе всё застыло: было несколько случаев, когда в овраги отвозили, чтобы «зарубить». Но привезли домой и даже с полотенцем. Через два–три дня опять приезжают — опять полечить заболевших. Сажусь, еду. Опять та же деревня, но другой дом. Вхожу. «Где же больные?» «Я болен». Ещё не сразу всё вижу в избе после яркого дня, но первое, что положительно ожгло — это пристальный взгляд ярких голубых глаз и кудрявая светлая голова на подушке. Всё во мне замерло: «Допрос». Это тот же человек из банды. Подхожу ближе к кровати, потом вспоминаю, что надо раздеться, и, пока, отвернувшись к стене, укладываю свою шубку и вынимаю термометр, стараюсь успокоиться и потираю, как от холода, дрожащие руки. Ставлю термометр этому большому мужчине под его неотрывным упорным взглядом. Делаю вид, что не узнаю его. Смотрю — температура нормальная, тогда уж уверена: допрос. «Ну что же у Вас болит?» «Не в этом дело, — говорит. — Я хочу знать, кто у вас в Крас-

ной Армии и когда ушли?» Пришлось всё сказать, как было. Ушли ведь ещё до банды и сюда не возвращались. «А коммунисты есть?» «Не знаю, — говорю, — может быть, и есть. Уже полтора года не имею известий». Больной встаёт, причёсывается и начинает рассказ о том, как он был в плену в первую войну с Германией и как их сельхозкультуру хотел перенять и перенести к себе на огород и в поле. И как там, в Германии, уж «очень хозяйственно», и какие святые цели у партизан (так он величал своих бандитов), и всякими окружными путями добивался моих ответов о них. Весь мой мозг в эти минуты был мобилизован на ответы. Я шла, как по одной дощечке через пропасть, — ясно видела в подставляемых вопросах пропасти и опасные места и перескакивала или обходила их; а впереди перед глазами маячил тот берег, а там мы и родные деточки — мои малютки, и может быть, я их больше не увижу, если поскользнусь в разговоре или этому здоровенному дяде придёт мысль просто уничтожить меня, как делали это со многими.

Но дело обошлось — меня отправили домой. Банда на другой день по прибытии выехала куда-то дальше, и дядя этот, оставшийся, видимо, для наблюдения, тоже куда-то исчез. Весной пришли курсанты с Котовским, и с бандой было покончено.

В Москву

Весной же я собралась и с великим трудом выехала в Москву к мужу. Документа у меня никакого не было, и в Тамбове мне просто выдали удостоверение, что еду к мужу, чтобы дать возможность купить билет до Москвы. Билет покупать не пришлось, так как их никто не продавал, а посадил меня старичок железнодорожник в товарный вагон, сжалившись надо мной, сидевшей сутки на платформе. Сколько ни старалась потом найти этого старика по возвращении в Тамбов

— не нашла, но в душе и до сих пор есть светлая память о его бескорыстном поступке.

1920 год, лето

Приехала в Москву. Пешком с Павелецкого вокзала на Поварскую — через мост — через город, не зная Москвы — с девочкой, какая мне была поручена из Мосоловки в Москву — ехали с ней две станции на крыше вагона и двое суток в товарном от Тамбова до Москвы. Она помогает мне нести корзину и показывает дорогу.

Пришли: поднялась на 4-й этаж по чёрной лестнице — звонка нет. Спускаюсь на парадный ход, а там тоже оборваны звонки. Стучу. Встречают пожилые женщины. Узнают — «жена». Из комнаты выходит брат мужа, студент Сергей. Через короткое время является Саша. Он взволнован — на глазах слёзы, и такое волнение, что его надо успокаивать. Боялся, что погибну в бандитском окружении. Оказывается, зимой пробивался к нам — но на станции Чакино налетела банда, и еле уехал со снегоочистителем обратно. Быстро постарался собраться из Москвы, махнув рукой на «карьеру» (работал в министерстве), но он никогда и не интересовался этим. Едем в Тамбов — назначен в горветлазарет врачом. Едем «с визами» в город. Вижу — он с любовью.

С хлебом в Мосоловку

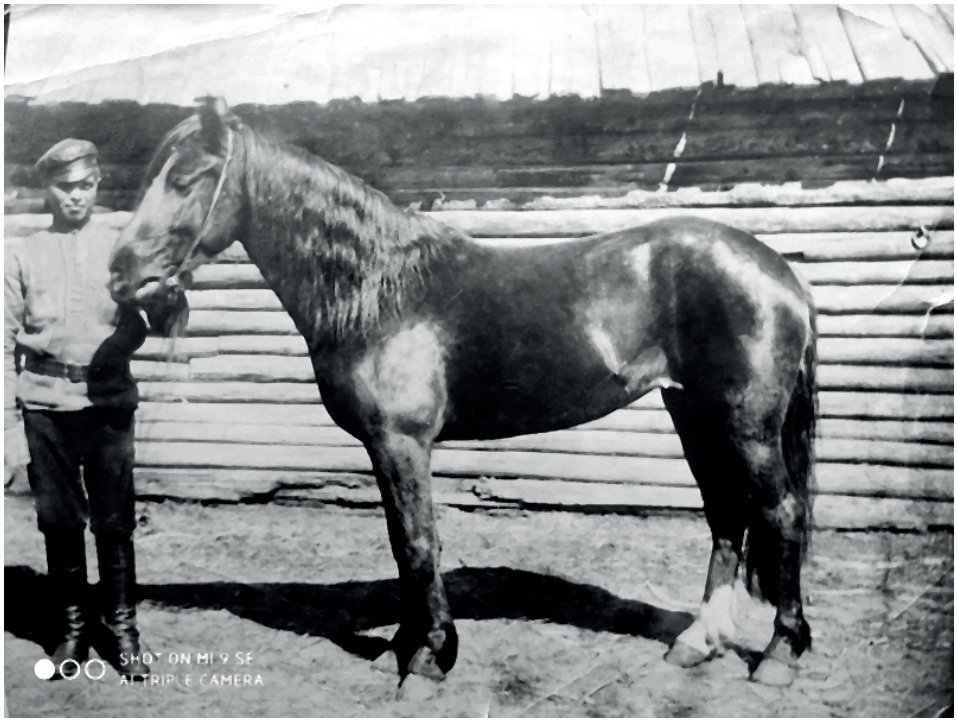
Живём в Тамбове — пока без детей. Голодный год, знаю, что в Мосоловке нет хлеба. Ехать туда по железной дороге с мукой нельзя — отберут. На лошади — 90 км. Достаём пуда полтора муки. Запряжён Гидеаджен (рысак) в беговую коляску. В сиденье ввязан мешок с мукой. Сажусь без кучера, одна — и пошёл!

Через лес — 30 км. В лесу чья-то мельница и недалеко селение Рассказово, через него мой путь в далёкую Мосоловку, а там голод, а там мои старики и дети. Страха нет — есть лишь стремление во что бы то ни стало доставить муку. Еду лесом на рассвете, дорога уже видна, но ещё не ясно. Рысак идёт ходкой рысью. Ухабы и стук колёс и копыт по затвердевшей земле чётко отдаётся близким эхом.

Высокий забор — за ним мельница. Дорога почти вплотную к забору, а в сторону —грязь и лужи чуть подмерзшие. Вдруг выстрел — как гром среди ясного неба — и не успела я что-либо подумать, как рысак с места взял крупной беговой рысью и увеличивая её, не разбирая дороги, помчал меня — мимо мелькали заборы, какие-то постройки, мостик, по которому с грохотом промчалась наша колясочка, и опять лес — опять дорога, но уже ближе, и вот оно — Рассказово. И только тогда сняла я оцепеневшие руки с передка коляски и подобрала вожжи, случайно упавшие и зацепившиеся за переднюю стенку коляски. В Рассказове в семье ветврача на меня смотрели, как на чудо, и говорили, что на мельнице банда, что этой дорогой теперь не ездят, что меня «пронёс бог» — а я ничего не знала, и пронёс меня рысак Гидеаджен.

Проезжаю село Хитрово — заезжаю на ночлег к судье. Живёт один. Семью боится брать, по ночам запирается в доме и спит с револьвером под подушкой. Мой поступок поездки с мукой, да на хорошей лошади считает исключительно безрассудным. Кругом банды, голод, и люди гибнут за кусок хлеба. Ничего меня не трогает — надо ехать: там малютки и старики, и там голод.

Всё же доехала, привезла — и первое «здравствуй» сказала мне мать и потащила мешок с мукой — замесила на воде тесто и тут же зажарила на загнетке лепёшки, а кудрявая моя прильнула ко мне и рассказывала, как бабушка «мажет масло на зелёненький хлеб». Из лебеды



лепила хлеб. Здесь я пробыла недолго и вернулась в Тамбов с твёрдым желанием взять детей в город и помочь старикам. В Тамбов ехала уже другими дорогами и только днём.

В Тамбове

Вот перевезла детей — у нас уже есть квартира. Старикам купили и отправили в Мосоловку корову. Урожай вознаградил тружеников — бедняки ещё работают на кулаков, но уже нет помещиков. НЭП в разгаре, спекуляция тоже. Падают ежедневно деньги — растут головокружительно цены на товары первой необходимости. Зарплата исчисляется уже миллионами, а деньги как почтовые марки. Еду за своими отцом и матерью в далёкий Симбирск. Перевожу их к себе в Тамбов.

Приехала и ушла с отцом за Волгу искать Капочку с дочкой. Шли пешком километров сорок от села к селу. Нашли. Встретились мы усталые, с потёртыми ногами (с непривычки — туфли городские). В одном селе отец предложил зайти в дом — отдохнуть (Самарская губерния, ныне куйбышевские Волгари). Нас накормили-напоили. Хозяйка посмотрела на ноги — принесла шерстяные чулки, сказала: «Обуйся да в них и иди — ботинки не надевай». Чулки были новые, я спросила отца, сколько заплатить, он ответил: «Не вздумай — это мои друзья, обидишь». Я не спрашивала, кто они, но и до сих пор помню участливый взгляд и помощь без расспросов, просто потому, что надо помочь.

Трудно было с билетами, но достала — выехали. Дом продали, а доехали до Тамбова, и деньги, не переведённые в червонцы, так упали, что для покупки домика для стариков не осталось никакой возможности — и опять остались у разбитого корыта. Жили со мной.

Семья Александра Фёдоровича и Людмилы Филипповны Викторовых: дочь Люля и сын Николай

1922 год. В Москве

Время шло, и вот я уже еду в Москву (1922-й год). На меня возложена миссия добиться открытия в Тамбове ветеринарно-зоотехнического техникума. Ничего не знала, ни возможностей, ни адресов, но энергия была вся направлена на выполнение задания — и нашла, и выполнила (помогло хождение по мукам с Карай-Салтыковской гимназией). Утвердили открытие, и обратно я ехала с чувством большой выполненной миссии. Тогда впервые увидела и познакомилась с Марией Владимировной, в доме у которой после мужа перебывали все молодые Викторовы, какие учились: и Капочка, и Наташа, и Сергей. Володя всё ещё был на фронте, а Алёша в плену в Польше.

Болезнь мужа (скарлатина в 35 лет!) — но уход и относительная молодость берут верх. Уже окрепший техникум (Ветзоо), в который поступаю и учусь рядом с юнцами.

Капитолина (слева) и Людмила Филипповна

Москва

В 1925 году переезд ввиду назначения мужа в ГИЭВ. Это под Москвой — Кузминки, Институт усовершенствования врачей. Чудесный парк — в нём по аллее дом двухэтажный — внизу лаборатории, вверху квартиры — в одной из них наши три комнаты, веранда —

красиво летом (т. к. по зимам надобно ехать оканчивать техникум). Огромное озеро, старинные здания. Видимо, увлекались лошадьми — статуи вздыбленных коней у бывшей конюшни на берегу пруда — чувствуется былая роскошь бывших бар.

Муж живёт и работает здесь, Коля учится в Москве на курсах им. Красина, а я с Люлей в Тамбове, живём в маленькой комнатке — и она, и я учимся. Она начинает, мама оканчивает.

Воронеж

1927 год. Выясняется, что вместо командировки во Францию едем из ГИЭВа в Воронеж — переводят мужа в областной ветеринарный отдел. Переезжаем: он из Москвы, а мы из Тамбова.

В 1928 году в Воронеже поступаю на работу, но сначала долго хожу на биржу труда, а потом случайно устраиваюсь в «Гормолллабораторию», причем рекомендовала себя заведующему так: «Я человек неплохой — работать буду стараться отлично». О муже ни слова, и только долгое время спустя меня спросили: «А что, Викторов Вам не родственник?» Говорю: «Нет». Он мне муж, но было какое-то внутреннее ощущение собственной силы.

Я чувствую, что слабо нагружена работой основной — включаюсь в общественную по жилотделу своего дома, а «дом» — это 18 домов по Никитской улице, а в них масса квартир и жильцы всяких рангов и состояний. И потому тысячи разных претензий. Как-то обобщала и, видимо, помогала, так что в результате во время выборов в горсовет была названа моя кандидатура в члены горсовета и прошла единогласно, несмотря на мою беспартийность. Это ведь много позже появилось название «беспартийный большевик» — но всё же люди, с какими сталкивалась по работе, оценили и заставили утвердить их

кандидата — меня — вопреки члену партии, выдвигавшемуся президиумом собрания.

В 1929 году перехожу на другую работу — инспектором маслозаводов ЦЧО — Центрально-Чернозёмной области (в состав входили четыре губернии: Тамбовская, Воронежская, Орловская и Курская). Заводов было 365, а рабочих дней в году — 356, а инспекторов — два областных. Причём им же вменялось в обязанность проводить курсы мастеров (организовать и самим присутствовать в числе преподавателей), ездить с проверками по выполнению плана заготовок Маслопрома, вести работу в областной лаборатории. Всё это для меня было ново и нелегко. Но — вперёд и только вперёд. Энергии хватало, а со временем — катастрофа. Дома почти не приходилось бывать. Люля жила одна, т. к. и отец часто выезжал в Москву в командировки.

1930 год. Коля живёт с нами в Воронеже. Сначала работает по окончании курсов в Тамбове на «Ревтруде» (завод), потом в 1929 году переводится на работу в Воронеж, в мастерскую воронежского общества друзей радио, и уж не знаю, в какой роли, но знаю, что по крышам СХИ лазает и по сёлам ездит по установкам радио, а в 1929–30 годах зимой раскулачивание — неспокойно, и сама я в командировках по сёлам, по хатам, по заводам. Каждый вечер собираются мужики в избу, в какой я останавливаюсь, сидят на корточках — курят и смотрят на тебя — ожидают освещения пути — с кем идти — всё пока неясно — много перегибов — много эксцессов, никакой ведь подготовки не было — надо было доходчиво и предельно просто, полагаясь на знание мужичьего нутра и на здравый смысл, разъяснять положение вещей и выгоду коллективизации, постепенно переходя к выгоде общей обработки и, конечно, вначале самыми понятными и приемлемыми были СОЗы (совместная обработка земли).

1933 год. Работаю уже в областной лаборатории сначала химиком-аналитиком, потом в 1934 году — заведующей, и по-прежнему избираюсь в члены горсовета.

Сашина командировка в Америку

1934 год. Муж уезжает в Америку на конгресс в числе троих представителей от РСФСР. (Я помню, как, приехав из Америки, он подарил мне надувной дирижабль, который лопнул при попытке его надуть. Взамен дядя Саша подарил охотничий рог и шутил над моими попытками извлечь из него звук. — *Примечание Л. Краснова.*) Коля мой уже учится в МЭИ — он поступил по конкурсу, будучи сам с 1930 года рабочим московского завода «Динамо».

Пока он учился на курсах, трудно было ему помогать. Действовал так называемый «партмаксимум» и, конечно, денег едва хватало и моих, и мужа на нас, но выручала Дина Шумилина — всегда без отказа одалживала и долго ждала, когда смогу ей отдать. Однажды, много времени спустя, я нашла записную книжку Коли, где с чрезвычайной тщательностью были записаны ежедневные расходы той малой суммы, какую я могла посылать ему, и вспомнила прошлое: жила тогда у Марии Владимировны, которая мне говорила: «Когда бы у Коли ни попросила денег взаймы — говорит, у него нет». Действительно, у него и не было, настолько всё было расписано до копейки — и баня, и мыло, и булка. Уже гораздо позже он жил, как отличник, в общежитии, в комнате вдвоём с Потехиным. Тогда он получал стипендию и жил более-менее нормально. Трудно, но без голодовок.

1935 и 1936 годы. Муж на съезде животноводов в Москве — получает в награду за отлично поставленное в области животноводство и премию, и легковую машину. (В эти счастливые годы я отдыхал

у Л. Ф. на даче под Воронежем. Помню поездки на той самой машине, помню приезд на дачу Л. Ф. с полным термосом мороженого. — П*римечание Л. Краснова.*)

Покупаем пианино. Люля учится играть. Я перешла на работу в «Хладопром». Организовала лабораторию при холодильнике и цехе мороженого — проверяю получаемую продукцию и выпускаемую цехом. Привлекаю к бактериологической проверке бактериолога Евгению Георгиевну Бобрикову, с которой долгое время работала в Маслопроме в областной лаборатории — где, кстати сказать, освоила с ней и Ниной Кузьминичной приготовление пепсина из желудков свиней.

Жизнь прекрасна! Сидят, слева направо: дочь Люля, Людмила Филипповна, Капитолина. Стоят: сын Николай и дочь Алексея Федоровича Алевтина

1937 год. Арест Саши

Начиная с марта 1937 года что-то случилось — непонятное мне лично и многим. Вдруг мой муж из хорошего, культурного, энергичного работника оказывается неподходящим — статьи в газете — травля в учреждении. Все кругом чем-то напуганы — боязнь, как эпидемия, охватывает круг людей всё шире и шире.

После долгих мытарств на работе в августе Саша уехал в отпуск в Сочи. А в сентябре прошёл обыск в нашей квартире — всё спрашивали, где хранится оружие. Я показывала на стенку над его кроватью, где висели ружьё охотничье и какой-то старинный кинжал. Окончен обыск — звонят по телефону в НКВД и со смехом просят прислать машину «на вывозку оружия». Нашли в ящике визитные карточки, напечатанные в Америке во время конгресса: «Видишь, какая связь с заграницей, сколько людей тут!» Я посмотрела — там было напечатано «А. Ф. Викторов», звание и место жительства на английском языке. Изъяли, их было штук двадцать.

Через несколько дней нас выселили из квартиры. Пришлось часть вещей поставить в сарае у знакомых. Сама я нашла приют у знакомых учительниц, а Люля моя ночевала у подруги. Так мы с ней оказались разлучены жильём.

Работать я продолжала на «Холодильнике», но сразу все отвернулись от нас, и в лаборатории, где я работаю, уже комиссия проверяет методы работы — но, не найдя ничего предосудительного, выводы мне не говорят.

Вечером 20 сентября, подходя к дому, где приютилась, я заметила, что за мной следит пара человек. Я всё искала по городу, где бы снять комнату — но люди, узнав, что нас выселили, отворачивались, как от зачумлённой — захлопывали двери или говорили: «Нет!» К вечеру я так

уставала от всей этой передряги, что еле доходила до койки. Я уже знала, что муж в НКВД — арестован. Попыталась раз пойти передать ему бельё — вернули обратно — сказали, не нуждается.

Приехал Коля — ему у следователя сообщили, что отец ужасный преступник — участник контрреволюционного заговора. Я не верю, но и найти правды не могу. Всё идет кувырком. Наконец Коля уехал в Москву — остались одни — без крова, без уверенности в завтрашнем дне.

Вызывали и меня в НКВД и задавали вопрос: «Неужели Ваш муж ни разу Вам не сказал, какой он великий преступник? Ах, он подлец!» Я ходила, как в тумане, ничего не понимая и не чувствуя за собой вины, думала, что это тяжёлое недоразумение пройдет. На это дворник мне ответил: «Эх, голубка, уж если туда попал, так пиши пропало — без вины ведь не берут».

Мой арест

Утром 21 сентября рано в дом вошли и сказали, чтобы я собиралась и показала свои вещи. Вещей у меня была только шкатулочка с мелкими украшениями и постельное бельё. Переписали всё, и на мой вопрос, можно ли мне взять с собой одеяло, было сказано: «Едете к следователю, зачем Вам одеяло?» Я послушно села с провожатыми в машину (легковушку) — поехали — подъезжаем к тюрьме — это я поняла, т. к. всегда мимо проходила на работу в «Холодильник». Я ещё забеспокоилась, кому отдать ключи от лаборатории, т. к. день был рабочий. Ключи у меня взяли. Въехали во двор тюрьмы — закрылись ворота, и вот вхожу в большое помещение, в дальнем углу, отгороженном скамейками, стоят больше десятка женщин. Упало сердце — в сумраке не могу рассмотреть, кто это, а меня посылают к ним. Подхожу со стра-

хом и вижу знакомые лица — тут и жена Рубцова, и Черняновская, и много других жён сотрудников обкома, облисполкома. У всех растерянные лица — многие плачут. Иные спокойны, говорят: «Разъяснится это недоразумение, и пойдем домой».

Никто ничего не разъяснял, а повели нас в тюрьму. По дороге в одной из комнат каждую обыскали и привели в грязную вшивую и клопиную камеру. Было нас в ней 14 человек, остальных повели дальше. В камере только несколько топчанов деревянных, да одно окно за решёткой высоко вверху. Сели мы кто на топчан, кто на пол и молча смотрели друг на друга. Состояние было такое, будто кто-то ударил по голове, и утратилось сознание.

Тюрьма

В обед дневальная надзирательница принесла ведро с какими-то помоями и по куску чёрного хлеба. Сказала, чтобы ели эту баланду. Никто не притронулся к такой необычной трапезе — всё унесли обратно. К вечеру, поняв, что «недоразумение» затянулось, часть женщин, кто с собой что сумел захватить из дома, делились всем, что имели. Как-то надо было спать. Постелили на полу, у кого что было, а одна молодая женщина всё плакала. Муж её, железнодорожный инженер, вечером должен был получить приговор. Утром, когда вывели среди заключённых на прогулку и её мужа, она вдруг с криком заплясала от счастья на топчане у окна: «Слава богу — 10 лет», а слезы по-прежнему бежали по лицу — она простояла всю ночь у окна и проплакала. Так любила своего мужа.

После первой ночи взволнованно стучим и требуем воды и тряпок, чтобы помыть нары и пол — полно вшей и клопов. Вода есть — моем два раза в день. С Рубцовой поделили полотенце, какое она почему-то

захватила с собой — и этими половинками и утираемся, и стелем их, и — жаль не хватало, а то бы и укрывались ими. Никаких матрасов никто не выдал — спали на голых досках.

Едим какую-то похлёбку — приносят в ведре, и по куску хлеба. Многие её не едят, но проходит время, и все начинают есть. Водят на прогулку во дворик. Караульный с ружьём говорит нам: «Это вам не Ленинский исправтруддом — это тюрьма». На одной из прогулок — случайно вывели две камеры вместе — вижу подружку Люли Орлову Люсю. Схватив пачку печенья, замешалась в их толпу. Оказалось, она не захотела покинуть мать, когда ту взяли за отца, председателя облисполкома Воронежской области.

У Люси туберкулёз. Передачи им носить некому — братишка её, ученик морского училища, исключённый из-за родителей, приехал в Воронеж и при наведении справок о родных тоже брошен в тюрьму. Сунула печенье в карман пальто Люси, сказала, что у нас никого не вызывали и ничего мы все не знаем.

Когда я узнаю, что арестован Орлов — лучший из коммунистов, каким я его знала как члена горсовета (вместе работали), честнейший человек — у меня возникает мысль, что это что-то ложное, что скоро всё разъяснится и кончится.

Жизнь в заточении

Самое тяжёлое было то, что никто нас никуда не вызывал — ничего не спрашивали. В отношении себя думала, где и в чём могла провиниться. Но позже, когда уж через год узнала, что мы, жёны, считаемся «членами семей изменников Родины», то думалось, что страдаю за какие-либо проступки мужа в его поездках за границу. Но это было всё потом.

В тюрьме было много девушек с КВЖД. Все они считались шпионками Японии — их вызывали к следователям. Однажды, вернувшись от следователя, одна из них спросила: «Есть ли тут у нас Викторова?» «Да», — ответила я. «Мы ехали с Вашим мужем — он нас спросил, есть ли где-либо в тюрьме Викторова? Мы не знали о Вас, но он просил: «Если когда придётся встретиться с ней, прошу, передайте, что перед ней я виноват, а перед партией невиновен».

Дни в тюрьме так были однообразны, что пролетали незаметно. Наступил праздник 7 ноября. Весь вечер и день простояли у окна. Ничего не было слышно, только где-то у высокого дома полоскался красный флаг. Не отрываясь смотрела на него и не чувствовала соседей — вся была там за воротами — с Люлей. Глаза опухли у многих от слёз — я тоже, не замечая, плакала. Одна осталась моя бедняжка. Хоть и не маленькая, но тем хуже: тех хоть распределяли в детдома, если родные не успевали их спрятать.

После 5 декабря как-то попала к нам в камеру газета «Воронежская правда», вероятно, дали специально. В ней было извещение, что группа из восьми человек получила приговоры. В числе первых мой муж и ещё несколько — приговорены к расстрелу, остальные получили по 25 лет, и в конце сказано: «Приговор приведён в исполнение».

И вдруг в марте на одной из прогулок сопровождающему нас конвоиру говорят: «Веди баб обратно в камеру». «Они же ещё только вышли», — отвечает наш конвоир. «Веди — мы тут в одиночку поведём Викторова». Я переглянулась с соседкой: он жив!

Шок отразился потерей памяти. Выпали из памяти названия улиц, фамилии людей. Чувствовала себя словно онемевшей — забыла всё; забыла, где осталась Люля — как фамилия её подружки — где живут — улицу, дом. Я забыла, как играют в шахматы и шашки, когда жен-

щины из хлеба лепили их и играли, чтобы не сойти с ума. Часто плачу. Потеряла меня моя девочка — должно быть, ей тоже наврали, что меня нет, не приносит больше передач. Я жестоко страдала от разлуки с ней, с Колей, но всё же Коля в Москве, а Люля почти на улице, да и Коля, возможно, тоже в тюрьме. Рядом соседка по сну (спим на двух топчанах 14 человек. Семь к стенке головой и семь в другую сторону, к нам ногами. Ночью, чтобы повернуться, надо всем поворачиваться разом. А под нами тоже спят люди на полу). Соседка — колхозница-стахановка. За то, что, как она говорит, «отлаяла завфермой по матушке», та постаралась упрятать её в тюрьму и, как сказал следователь, к которому её вызвали накануне, «спасибо скажи, что не удалось ей (завфермой) записать тебе 58-ю статью, вот и уйдёшь домой. Свои положенные шесть месяцев за хулиганство отбыла — собирайся». Приехала от следователя радостная и прямо ко мне: «Говори, где дочка живёт». Я испугалась — объясняла, что это опасно для неё, но она говорила, что всё равно пойдёт Люлю искать и всё ей расскажет. Твердила: «Не верю, что ты плохая». Вот тут я и обнаружила, что не могу назвать ей адреса. Только по зрительной памяти от завода Ленина рассказала весь путь к дому. Вечером, в 19 часов, её вызвали с вещами, и она ушла — шепнув мне на ухо: «Надейся». Утром, в часы, когда приносят передачи — вдруг вызывают меня и через дверь передают корзиночку, а в ней хлеб белый, три кусочка сахару и чулки — видимо, прямо с ног — значит, нашла она Люлю, рассказала ей, что я действительно сижу без прогулок из-за разорванных изношенных чулок. Сижу и рада, и вытираю слёзы чулками.

В одной камере со мной жена ветврача Нина Павловна, у неё остались две дочки. Одна студентка, другая в 10 классе. Одна из надзорок, оказывается, живёт в том же доме и иногда помогает Нине Павловне

— берёт от неё записки и передаёт девочкам — или рассказывает им о матери. Однажды Нина Павловна получает в передаче новый лиф, и надзорка говорит: «Осторожно распори». Распороли обшивку — она оказалась внутри сложена в четыре раза, и мы читали письмо девочек к матери, было в нём и о Люле. Писали, чтобы мы готовились на этап — что отправят нас в карагандинские лагеря.

Немного спустя нас, 80 жён, пригласили в баню, но не мыться, а выслушать приговоры. Всем жёнам подряд приговор Особого совещания — восемь лет, а Нине Павловне и мне — пять лет. На мой вопрос: «Почему?» — было сказано: «Позавидовала? Можем добавить, если мало».

Как правило, день тюремный, отбив память, не входил в сознание. Каждую ночь, засыпая, я жила дома в обычной обстановке — ходила на работу, что-то делала по дому, и только в глубине сознания было: всё поделав, надо без опоздания вернуться на поверку.

Двойная жизнь, двойное сознание или, вернее, бессознательное состояние дневное только теперь вспоминается в ряде случаев. Тогда, даже уже в ссылке, вижу ночью, что ухожу из какого-то окружения, заключения, из темноты на свет — всегда нахожу какую-то дорогу к свету, к воздуху. Теперь не часто, но живу во сне в местах заключения, но всегда свободной — не заключённой, вижу дали — каких там не было, но всегда знаю, что возможность вернуться всегда со мной.

Много было за восемь месяцев тюрьмы и горького, и смешного — но смех, т. е. улыбка при рассказывании какой-то нелепости, только теперь, спустя 20 лет, появляется на лице, а тогда всё было и страшно, и нелепо, и загадочно, и было лишь одно желание — стряхнуть с себя этот кошмар.

Этап

В конце апреля 1938 года в одно яркое весеннее утро все, кто назначен в этап, выходят по вызову в коридор — строятся в одну шеренгу. Обыск у каждого в вещах, оставленных в камере, и у нас, стоящих в коридоре. Странно, но охватывает радость от того, что через день-два покинем вонючие камеры — каменные коридоры — истоптанные пятачки прогулочных двориков, и кажется, что дядьки с ружьями тоже исчезнут. Но это только кажется. Наутро, когда выстроили на дворе «с вещами» и приказали стать на колени — должно быть, так удобнее было считать — увидели, что дядек ещё больше и с собаками, и что все они будут нас провожать. Но небо такое ясное, а солнце такое щедрое, что мой неумирающий оптимизм вылез наружу, и мне уже почти хорошо. Рядом идёт Нина Павловна Смирнова, и вот, когда нас вывели за ворота и повели задворками к вагонам, две девчушки с широко раскрытыми глазами лезут по грязным остаткам сугробов и всё равняются на наш ряд. Это дочки Нины Павловны. Они провожают свою маму, а мне крикнули: «Люле нельзя». Их гонят — запрещают, а они ничего не слышат — безотрывно смотрят на мать — и слёзы, как крупный град — залили лица. Они отмахиваются от них по-детски — и опять, и только шепчут одно слово: «Мама, мамочка». Она плачет, и я тоже. Идём, спотыкаемся, несём свои узелочки — сгорбились — думаю: «Какая мука девочкам видеть так свою мать!»

Усадили в товарные вагоны, закрыли двери — засовами извне, ну а окна — нет, отверстия в товарном вагоне не закрыты — опять в отдалении дочки — их гонят — они показывают извергам булочки и просят передать маме — отказывают — слёзы у них и у мамы не иссякают — плачу и я. …Тронулся поезд горя и слёз. Везли целых 10 дней до Акмолинска. Ещё в дороге нас, жён, отделили от девушек

с КВЖД, объяснив им, что мы — великие преступницы. Их распределяли в общие лагеря, а нас исключительно в лагеря для «членов семей изменников Родины» (ЧСИР).

В дороге нам давали воду и хлеб. Некоторые предприимчивые жёны писали записочки на ходу поезда и бросали в щель пола вагона, и некоторые, как потом выяснилось, достигали цели!

Лагерь

Ну вот и доехали. Пока были в Акмолинске, встретила жену председателя обкома Рябинину, а потом её нигде уже не видела. Конечно, трудно увидеть, если этот лагерь «жён» был по счёту 28-й, и в нём — около 6000 женщин.

Потом стали развозить по лагерям. По дороге наивные женщины приставали к конвойным с вопросами. «Есть ли там кино?» — «Есть». «А магазины?» — «А как же, есть». Но нас везли не к посёлку, а в ворота отгороженных бараков, и женщины умолкли и завяли. Привезли — среди открытой на многие километры степи огорожен участок с вышками и бараками, обнесёнными двойными колючими проволоками, а невдалеке несколько домов вольных сторожей. Нас по 600–800 человек поселили в бараки — большие сараеподобные помещения со сплошными двухэтажными нарами или — в лучшем случае — с нарами, как в вагонах на четыре места. Без всяких постельных принадлежностей, на голых досках, как кому придётся, устраивались мы, и не на короткий срок, а надолго.

Была весна 1938 года — степь расстилалась зелёная и в цветах. Солнышко приветливо грело, по территории бараков много было арыков, канавки с водой. Женщины сразу нашли себе работу — стирка, сушка и, конечно, болтовня, как у стайки воробьёв. Как-то ещё всё

новое после тёмной сырой камеры занимало людей, да и воздух был необычный.

На деревянных нарах не было ничего. Каждый стелил, что имел. Потом рвали и сушили траву — делали себе матрасы и подушки. Мне ещё в тюрьме подарили маленькую подушечку — одна из заключённых принесла в камеру подушку, так из её пуха она уделила мне немного, а из кем-то данной тряпочки сшили наволочку (эта подушка-путешественница и до сих пор у меня была, пока её не облюбовала внучка Женя).

Понемногу опомнились, присмотрелись, стали находить себе работу. Чтобы занять наше население и без пользы не кормить, начальство организовало швейную фабрику — шили бушлаты, бельё — не для себя, а куда-то. Часть женщин занялись вышивкой блузок по шёлку без канвы, скатертей и накидок.

В столовой нет кружек, солонок. А в округе есть глина — открылся кирпичный завод, часть хорошей глины завезена в зону — нашлись и скульпторы — стали делать вазы — разные фигурки, и я организовала поделку глиняных кружек и солонок, и работа везде на всех участках закипела без понуканий.

Пока было лето — всё как-то скрашивалось, но наступила зима. Ни одного мужчины в лагерях не было (исключая начальников). Для отопления бараков сами ходили на озеро за 2–3 километра, резали камыш серпами и вручную волоком тащили его в лагерь. Нередко кто-нибудь проваливался в камышах в воду и тогда мокрая — бегом в барак, а твою связку камышей тащит кто-то другой.

Много было женщин, сходивших с ума, причина — оставшиеся дети. Это было как эпидемия. Сначала таких селили в отдельном бараке, а когда перестало хватать барака — начали увозить. Остающиеся смотрели с завистью.

Необычайным был день, когда ко мне, сидевшей за вышивкой, подошла — наклонилась и шепнула на ухо: «Вам посылка» — дневальная барака. Это было так неожиданно, что аж дух занялся. Будто такой яркий свет, что на секунду я ослепла. Настал конец работы — я бегом в тот барак, где выдают посылки. Получаю распечатанный и, конечно, проверенный ящик. В нём и печенье, и сгущёнка, и джемы. Банки переложены обрывками бумаги, значит, упаковывали на почте. Сын мой родной! Если бы тебе было понятно то чувство бесконечной радости и счастья, и ощущения, что я понемногу снова человек — где-то люди думают обо мне! Принесла в барак, и всем соседям стало веселее и радостнее. Вспомнился мне случай в тюрьме, когда Люля передала горшочек сметаны, а в нём ложка деревянная, а на ней (прочла потом, когда съели сметану) выцарапано «Люблю маму, жить будем вместе». Эту сметану я всем, кто был в камере, раздала и видела, что у всех был как будто праздник. Приятно было не менее надписи и удовольствие на лицах окружающих людей.

Долинка

Летом 1939 года вызвали в контору и, опросив, что я знаю и кто я такая, направили в числе врачей и зоотехников на этап. Это было как счастье — неизвестно куда, но «за зону». С жалкими пожитками нас, 30 женщин, сажают в машину — день солнечный — кругом тоскливые лица провожающих — им до боли тоже хочется уехать отсюда хоть куда.

Ехали все радостные — движение — жизнь. Попросили остановиться отдохнуть у реки Нуры. Омутистая речушка, кругом на берегу кустарничек. Опустишь руку в воду — а она, вода, прозрачная — не как в арыке, и прохладная — идёшь мимо кустиков — погладишь листик, а он свежий — прохладный, зелёненький. Кое-кто рвал — я не могла.

Привезли в Долинку — главный штаб лагеря. Посадили, конечно, за проволочное ограждение. Объявили, что можем купить, кому что захочется, через посыльного. Все заторопились с заказами. Я сидела и знала, что мне не на что заказывать — денег не было ни копейки. Подходит ко мне жена одного районного секретаря и говорит: «Вот у меня оставалась мебель, так знакомые её продали за 50 тысяч и прислали мне деньги — заказывай, и тебе хватит» — и тут же отсчитала мне пять тысяч. Случай помню, а как зовут её, как фамилия — забыла, только знаю, что из Воронежской области и знала моего мужа. По заказу принесли сахар, белый хлеб, пряники, колбасу и селёдок.

В Самарке

Дня через два стали нас вызывать: опрашивать и направлять по «точкам» по специальности. Я попадаю по назначению в село Самарку, т. к. там находится маслозавод Карлага. В Самарку (50 км от Долинки) ехали два врача и я. Нам сказали, чтобы мы сами подыскали подводу. Нашли — сели, и повезли нас (провожатый с ружьём). Едем степью по невысоким увалам. Первая остановка — Сарепта, 30 км от Долинки. Остановились — одна из врачей оставалась в здешней больнице, а другая должна была ехать в Самарку. Хватились, а провожатого-то и нет! Пришлось опять самим подыскивать транспорт — это было и весело, и жутко. Наконец, поздно вечером приехали в Самарку — одни, без провожатого, а направление у него.

Врач сразу ушла в больницу, а я осталась на крыльце управления и думала, что буду тут и ночевать, но дежурный, опросив меня, повёл вглубь деревни. Привёл к халупе и сказал, чтобы тут и ночевала. Вошла — пол земляной, по стенам нары сплошные. Дневальная предупредила, чтобы на нары не ложилась — всё занято уголовными. Нашла за печкой

уголок и улеглась на полу. Утром рано побудка на работу. Я говорю: «Меня назначили на маслозавод» — дежурный обложил трёхэтажным приветом и заявил: «Пойдёшь со всеми на общие работы». Работы были по протравливанию семян. Работали с парижской зеленью.

Первый раз в жизни я видела уголовных вот на этих общих работах — это не работа, а движение из-под палки и окриков — это не разговорная речь между ними, а изощрённый и не всегда понятный для меня мат.

Возвратилась с работы в халупу и обнаружила, что девицы-уголовницы всё у меня, кроме пальто, взяли, и одна из них сказала: «Никому ничего не говори, а то хуже будет».

Мне пришлось целую неделю быть на «общих работах», пока не пришло подтверждение, что я прислана на завод в лабораторию. Когда выяснилось, что надо идти на маслозавод, дневальная одолжила мне сарафан, т. к. я считала, что в своём единственном наряде после работы с мышьяковистыми порошками не имею права идти на пищевое предприятие. Потом врач выделила мне из своих вещей кое-что.

Сарафан синий кубовый — на голове платочек — прихожу на завод к заведующему. Выходит раскормленный мужик, с наглым видом оглядев меня, вещает: «Бабок на завод не берём». Я села на порог завода и заявила, что отсюда не уйду — что прислана сюда работать, что я не «бабка», а человек, знающий производство. Было разрешено остаться и делать то, что умею.

Борьба за настоящую работу

Первые дни, видя на заводе непролазную грязь и, безусловно, хищения и пьянство, я занялась приведением в относительный порядок всего того, что резало глаза. Мыла окна — двери — посуду — завод был

новый и довольно сносный, но загажен до неправдоподобия. Однажды, зайдя в пристройку, где в куче свален был всяческий инвентарь, от приводного ремня до лабораторного стекла, я заинтересовалась, что это такое в большом чане чёрное и шевелится. Оказалось, в чан через отверстие в стене по жёлобу сливают пахту — после сбойки масла, чтобы потом отправить её на питание заключённым, а чёрное по верху — это миллионы мух — и затонувших, и ещё шевелящихся. Эти мерзавцы — заведующий и мастер (тоже заключённые — «бытовики») — даже не сделали ничего, чтобы закрыть чаны марлей, каковая была в изобилии!

Пошила круги-покрышки из марли, вычистила чаны и отводные сливы — стыдила начальство — меня не трогали. И когда я наладила лабораторию и предупредила, что теперь я буду по анализам говорить, сколько должны сдать масла за день — много смеялись и выкрикивали: «Давай, давай — поглядим». Поняв, что я как контроль на своём месте, стали проделывать всякие жульнические уловки с весами, пока я и это хозяйство не взяла в свои руки. Много было конфликтов, но как-то я уцелела среди этой своры неполноценных зверей. Немало надо было такта и разума, чтобы жить и работать в среде уголовников, которые сначала не верили в мою работу по учёту, а когда удостоверились, всё говорили: «Ну что стараешься, чего дождёшься? — ты работай потише, всё равно срок идёт».

Понемногу стали жён рассылать по участкам, и на завод в конце концов пришли жёны с этапа. Вместо заведующего заводом, снятого за хищения масла (уголовник, осуждённый на 10 лет), мною рекомендована «гражданину начальнику» одна из жён —Екатерина Михайловна Ямпольская, она в предыдущем лагере заведовала рабочей силой, и мне казалось, что она неплохой организатор. К этому времени я уже была известна гражданам начальникам как деловой человек, и с моим

мнением считались. Ямпольская взята была на завод в качестве рабочей, а потом по моей просьбе её сделали заведующей маслозаводом. Сначала предложили мне заведывание, но мне казалось, что для дела будет лучше, если административная часть останется у Ямпольской, а я своей специальностью постараюсь поднять качество масла. Так оно и вышло.

Тоска. Смерть Люли

Много было тоски от незнания ничего о детях — но и это прошло. Пришла открытка от Наташи с ответом на мой вопрос, что с Люлей. Только тогда она мне сказала откровенно, что нет Люли — умерла она. (Умерла Люля от скарлатины. Была сложная форма, а лекарства нужного не оказалось. — *Примечание Л. Краснова.*) Я шла с завода с одной из ЧСИР. Она уже работала за мастера и, как она рассказывает, я останавливалась у каждого телефонного столба — обнимала его и билась головой, горько плача. Пришли в барак, и отовсюду от «жён» было такое внимание (у всех ведь были где-то дети), что это меня как-то смирило. На людях и смерть красна. Долго я по вечерам уходила с завода в степь, чтобы не слышны были мои вопли в посёлке. Караульные не препятствовали — все сочувствовали моему горю.

Долинка, центральная лаборатория

Весной 1941 года я была вызвана с завода в главное управление в Долинку, где и занялась при базе организацией центральной лаборатории и просмотром продукции тринадцати маслозаводов НКВД по Казахстану. Много работы было и с людьми за улучшение качества продукции, но под конец моей «пятилетки» масла с заводов стали приниматься Маслопромом Караганды «экстрой» (высший сорт) и в ред-

ких случаях — первым сортом. Правда, к этому времени проведено было много курсов по молочному хозяйству, и мы практически вдвоём с Татьяной Николаевной обновили состав и заведующих заводами, и мастеров. Пропустив через курсы многие десятки «жён», спасли их от голода и дали квалификацию тем из них, кто ничего в жизни не умел делать, как только жить за счёт мужа. Недавно была у меня Шура Лопушанская — там я её встретила у сепаратора, а сейчас она, пройдя трудную, тяжелую жизнь, — кандидат химических наук, была на Менделеевском съезде — и, обнимая меня, говорила, что изучать химию она начала под моим руководством, и что во все трудные минуты жизни, когда кажется, что уже нет никакого выхода, она вспоминала меня и выход находила. Это хорошо и приятно.

Свобода. Приезд Коли

В 1943 году, когда я уже была свободной и работала вольнонаёмной, за мной приехал Коля. После болезни я ещё была некрепкой (сердце и нервная система сильно сдали). Однажды вечером, уже после работы, в лабораторию вошёл кто-то в сумерках, в шапке и стёганке — думала кто из возчиков с заводов — но он подошёл ко мне — я лежала на постели (жила тут же, в лаборатории) — и сказал таким знакомым голосом: «Здравствуй, мамка!» Ничего я не ответила, только обняла его голову и долго не могла поверить, что это не сон. Быстро он меня собрал — всё оформил и увез в Барнаул. По дороге в Новосибирске посмотрела на Люлиного сыночка, а Володя был уже на фронте.

Приехали в Барнаул в мае, а в июне уже были по дороге в Москву — реэвакуировался институт, и целый эшелон 13 дней двигался из Барнаула в Москву.

В Москве

Коля летел отдельно от нас самолётом. Увидела Аню (жену Коли). По приезде в Москву оказалось, что с моим паспортом в Москве прописка не полагается. Жизнь с Аней не сложилась. Коля подолгу бывал в командировках.

Жизнь у Капочки

Я была вынуждена уехать к Капочке. (Прописки не было. Но были доносчики. Однажды нагрянула милиция с проверкой. Л. Ф. спрятали в ванной, и всё обошлось. — *Примечание Л. Краснова.*)

У Капочки провела полуголодное существование до конца 1945 года. Уже отпраздновали победу, и по всей стране «тогда считать мы стали раны — товарищей считать». Разруха и послевоенные бедствия тяжело легли на народные плечи, а тут ещё засуха 1946-го года. 200 граммов чёрного хлеба, какие полагались на мою карточку, я както незаметно, отщипывая по кусочку, успевала проглотить, не дойдя до квартиры. А квартира!.. Ну, тут особое воспоминание: дело в том, что в декабре 1945 года, наконец, после долгих мытарств, было получено разрешение «в порядке исключения» прописать гражданку Викторову у сына и, конечно, отдать её под надзор милиции, о чём я узнала позже, когда было предложено являться мне в милицию в 1946 году. «Эх, бабуся, лучше бы Вы померли», — сказал мне как-то раз сердобольный милицейский начальник. «А почему так, сынок?» «Да вот так и будем Вас таскать до самой смерти». «Ну что же — значит, Вам обо мне надоело беспокоиться?» «Да нет, но Вам трудно». Когда Коле была присуждена Сталинская премия за его работу, эти мои визиты были прекращены. Вот всё прошло, как дурной сон. Но были и светлые минуты. Например, раньше, стоя в толпе у трамвая, я с горечью

в сердце сознавала: вот все стоят такие счастливые, они прописаны и не ожидают ежечасно, что вот придут — возьмут, как щенка за шиворот (как в 1937 году) и выкинут опять в отбросы жизни, и будут правы — нет прописки, а когда получила разрешение — как будто раздвинулись стены — и свет, и воздух, и счастье, радость нахлынули на меня. Много ли человеку надо? (Штрих того времени — у Л. Ф. была телогрейка с надписью большими буквами «КАРЛАГ». — *Примечание Л. Краснова.*)

От Капочки к Коле

Переехала от Капочки к Коле. Ему дали отдельную комнату на 4-м этаже — большое окно на юг. Комнатка 12 метров, а мебель казённая: немного исковерканная полуторная кровать без матраца и, конечно, без белья и подушек. Гардероб — с разбитой задней стенкой и без ящиков внизу. Столик маленький, два стула. Вошла в комнату — светлая, ну и ладно; кровать ломаная — ну и починим; гардероб развалюшка — ну и забью гвоздиками стенку, а без ящиков жить можно, класть всё равно нечего. А главное, меня прописали и пользуюсь хлебной карточкой на 200 граммов. Почти стала человеком.

Оглядела хозяйство, сочла: подушка у меня, он своей не взял от Ани, когда уходил. Он ничего не взял, кроме книг. Взяла старую телогрейку — распорола — всё пришила плоско и застелила на пружины — пусть это будет матрас. Простыней моих было две, полотенец — два. Пришла ночь, и спали мы с ним головами в разные концы кровати — думала постелить на полу, но стелить нечего, а пол всё же холодный. Вот тогда, да ещё у Капочки, я поняла, что как-то должна зарабатывать, ну хоть на свой хлеб.

Принялась шить — стали находиться заказчики. Навыки для этой работы были любительские, но училась не на курсах, а на ходу: распа-

рываю вещь и наблюдаю, и изучаю, как её делали, что к чему прикладывали, и почти как у Фонвизина в «Недоросле», когда Простакова говорит не угодившему ей портному: «Ну, а первые-то портные у кого учились?» Вот я и была первым портным и поэтому бралась шить всё — от белья до шуб. (Все курточки, в которых я щеголял в свои студенческие годы, были сшиты Л. Ф. из каких-то остатков. — *Примечание Л. Краснова.*)

Дома пока работать было нечем — не было машинки, ходила по людям, да и покормят, бывало. Знаю много форм труда, но такой не коллективный — единоличный, когда всё зависит от каприза «хозяек», когда совсем лишаешься чувства собственного достоинства, как раба — это самый тяжёлый — это опять, как тюрьма. Но другого ничего не оставалось. На работу в коллектив никуда и носа не сунешь — биография, навязанная мерзавцами, закрыла дороги в настоящую работу.

«Реабилитация»

Еду в Воронеж — нахожу пути для восстановления стажа — сценка из поисков людей, знавших меня за время моей работы до 1937 года. Вот иду на «Холодильник» — последнее место работы до ареста. Нахожу, что начальником цеха мороженого работает та, что девочкой работала в цехе и с которой я в свободное время занималась, обучая её. Она, кажется, рада ещё больше, чем я. Ведёт меня в цех и говорит: «Вот только ничего не говорите — пусть узнают сами». Идём по ряду конвейера — вдруг из середины, бросив место работы, выбегают две — и прямо к нам: «Да Людмила Филипповна, да неужто это Вы? Да мы сколько раз, работницы, соберёмся и вспоминаем Вас — царствие ей небесное, хороший была человек и пропала». Приблизительно так же происходили встречи и с другими людьми, знавшими меня по работе.

Восстановила стаж — съездила в Тамбов и собрала там сведения о своей работе — набралось больше 25 лет. Ну, а остальные годы уж для назначения пенсии были не нужны. Приехала в Москву и — о, ужас! — подача документов на пенсию в 1956 году. Это надо иметь железное здоровье и крепкие нервы. Чего только ни придумали люди, чтобы, должно быть, оградить себя от обмана, но это же — палки в колёса честным людям. Я ещё раз ездила в Воронеж и в Рамонь, все данные должны были пройти через собесы. А люди находились в разных местах, и это было просто пыткой. Но всё же в 1957 году, в феврале месяце, мною была получена первая пенсия. А за это же время я писала и ездила, и ходила по разным инстанциям по делу о реабилитации мужа, и только в 1957 году, в ноябре я получила извещение о его реабилитации посмертно. Сказано, что умер в 1943 году от воспаления лёгких, и что приговор был не расстрел, а 10 лет. Хочешь — веришь, хочешь нет, а прошлого не воротишь, и мёртвые остаются в земле. Вручила всё сыну и — «с души как бремя скатится — сомненья далеко — и верится, и плачется, и так легко-легко». Это по песне, а бремя действительно скатилось одно, а на его место вот оно — уже готово к накату другое. Это Коля и его окружение.

Сейчас призываю весь свой оптимизм, чтобы как-то ладить с жизнью. «Ты к ней жмись — а она корчится», — так когда-то говорила очень хороший человек Ольга Георгиевна. Уже нет и её, и Юли — дорогой Юли, скрашивавшей мне жизнь в бытность мою в Карай-Салтыкове. Нет Валюрочки, что знала меня в Воронцовке — и странно, что её старость во многом похожа на мою — в жизни с сыном Митей, которого ей не хотелось оставить, и это сосуществование с Верой — ох, ну как бы изменить всё это? Надо уйти, а боль за Кольку не даёт это сделать.

Хорошая песня

Что-то хмурится погода,
Нам опять дождём грозя,
Всё равно на берег лодку
Мы не вытащим, друзья!

Припев:

Ни разу мы не ахнем,
Ни разу мы не охнем,
Ни разу мы украдкой не вздохнём.
Под дождиком промокнем,
Под солнышком просохнем,
Промокнем мы, просохнем мы –
И снова поплывём.

Дождик льёт и льёт из тучи,
А у нас довольный вид,
Потому что дождь колючий
Нас, конечно, закалит.

Припев.

Вьются птицы в небе чистом,
Скрылась туча вдалеке.
С каждым дождиком туристы
Прибывают на реке.

Юрий Гагарин (Жизнь продолжается!!!)

Вот как всколыхнул всё вокруг полёт Юрия Гагарина в апреле (12-го) вокруг Земли в ракете — полёт продолжался в космическом пространстве — в сфере преодоления земного притяжения — т. е. в пространстве невесомости. Чтобы облететь земной шар — видеть его — понадобилось около двух часов с минутами, после чего ракета приземлилась в заданном месте, и лётчик (теперь космонавт) вместе с парашютом очутился на земле — жив–здоров и получил всемирную известность и славу. Славу и известность, конечно, получили и люди, создавшие условия для полёта, но главное, что первый космонавт, облетевший Землю, — наш советский человек.

Всё пришло к нему, и слава, и почести, но не слишком сшибли его с ног, а полученное им пойдет и ему, и его родне, а главное, и нам, всем советским гражданам, на удовлетворение в стремлении, что как много может сделать человек в настоящей свободной стране, когда у власти разумные и стойкие руководители. Ленинцы.

Встреча Гагарина в Москве вылилась в праздник ликования народа. Газеты, и радио, и телевидение — всё было мобилизовано для всестороннего освещения насто-

ящей сердечной встречи сына советского народа, доверившего свою жизнь, поверившего в прекрасные качества созданной умами и руками учёных и рабочих машины, пронесшей его по космическому пространству вокруг Земли. После этого наш лётчик поднялся ввысь на самолёте и тоже достиг высшего рекорда высоты. Теперь и в Америке человек в ракете поднялся вверх, но только поднялся и через 15 минут упал в океан — поднят и жив, но в космос полетят, наверное, позднее. Главное — путь в небо проложен, и эпоха космонавтики начата.

Л. А. Краснов

ПОТОМКИ РОДА ВИКТОРОВЫХ ИЗ ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

За отсутствием информации о более ранних представителях будем считать Александра Андреевича Викторова и его жену Анну первым поколением рода Викторовых из села Протасово Тамбовской губернии. Начало отсчёта этого поколения — 1816 год. У них было шестеро детей, представляющих второе поколение Викторовых, о котором у нас также практически нет сведений, за исключением самого младшего представителя — Фёдора Александровича. Его и его жену Екатерину Александровну будем считать вторым поколением Викторовых (линия села Александровка Тамбовской губернии). Начало отсчёта этого поколения — год рождения Фёдора Александровича — 1859 г. Их дети (братья и сёстры Викторовы) — это третье поколение.

Обо всех них достаточно подробно рассказано в данной книге.

Линию третьего поколения продолжили 11 персонажей — четвёртое поколение Викторовых. Попытка нарисовать полную картину «распространения» Викторовых за два прошедших столетия оказалась достаточно сложной задачей. Если между представителями четвёртого поколения ещё существуют некие связи, то пятое и дальнейшие поколения разобщены, перекрёстные связи между отдельными ветвями практически отсутствуют.

Поэтому от создания полной картины и от детального описания пятого и последующих поколений пришлось отказаться и довольствоваться полученными фрагментами информации.

Четвёртое поколение рода Викторовых

Дети Александра Фёдоровича и Людмилы Филипповны Викторовых: сын Николай (1912–2007) и дочь Людмила (1915–1938).

Николай Александрович Викторов, безусловно, был яркой, незаурядной личностью. Талантливый инженер и учёный, лауреат двух

Сталинских и Ленинской премий, один из пионеров создания систем автоматического наведения ракет, прекрасный чтец Маяковского, отец шестерых детей — неудивительно, что в роду Викторовых он занимает особо почётное место.

Он был удивительным собеседником, всегда имевшим собственный взгляд на обсуждаемый предмет. А от его чтения «Облака в штанах» или «Разговора с Пушкиным» мороз пробегал по коже.

О его творческом и рабочем пути подробно рассказано в тексте «Путь радиоинженера», который будет опубликован в следующей книге Л. А. Краснова, посвященной потомкам рода Викторовых.

Людмила Александровна училась в медицинском институте в Воронеже. Была замужем, родила сына. В 1938 году Людмила ушла из жизни после тяжёлой формы скарлатины. Тогда нужен был, кажется, «красный стрептоцид», но вовремя его найти не удалось.

* * *

Дочь Алексея Фёдоровича и Марии Петровны Викторовых — Алевтина (1921–2017).

Алевтина Алексеевна Викторова жила в Ташкенте, училась в Ташкентском университете. По образованию филолог. Работала в библиотеке Академии наук Узбекской ССР.

Жениха её убили на фронте. Замуж Алевтина Алексеевна не выходила, и детей у неё не было. До развала СССР часто гостила в Москве у сестры Капитолины. После развала эти поездки стали трудно осуществимыми. Прожила долгую жизнь и ушла в преклонном возрасте.

* * *

Дети Владимира Фёдоровича и Анны Петровны Викторовых — сын Дориан (1928) и дочь Лия (1930–2013).

Дориан Владимирович Викторов окончил в 1952 году ЛПИ им. М. И. Калинина (сейчас — Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого), по специальности физик-экспериментатор; был распределён в Сухумский физико-технический институт, где проработал до 1996 года в должности старшего научного сотрудника и защитил кандидатскую диссертацию. Из-за военных действий в Абхазии был вынужден переехать в Дубну, где продолжил научную деятельность в должности начальника лаборатории в Институте физико-технических проблем, созданном в 1992 году с целью разработок, производства и внедрения аналитических приборов на предприятиях Росатома. В 2010 году ушёл на заслуженный отдых. Имеет более тридцати авторских работ. Заслуженный ветеран атомной промышленности РФ. Увлекался альпинизмом. Высшее достижение — восхождение на одну из сложнейших вершин Кавказа, Шхельду.

Его жена Вера Сергеевна окончила Сухумский государственный педагогический институт им. А. М. Горького по специальности «Физика». Работала инженером, в 1989 году вышла на пенсию. Автор нескольких изобретений, удостоена звания «Заслуженный ветеран атомной промышленности РФ».

Лия Владимировна окончила Саратовский государственный университет, по специальности химик-неорганик. Выйдя замуж, уехала с мужем, военным врачом, сначала в Прибалтику, затем в Тулу, где работала преподавателем химии в Тульском политехническом институте.

Муж Лии Владимировны — Вячеслав Леонидович Гомоз родился в 1932 году в украинском городе Каховка, в семье военного ветеринарного врача. Закончил Саратовское военное училище, по специальности

офтальмолог. После переезда в Тулу работал врачом авиаполка «Нормандия — Неман». Лия и Вячеслав разошлись в 1984 году, после чего он уехал на Украину, в Херсон, создал новую семью.

Лия и Вячеслав воспитали дочь.

* * *

Дети Сергея Фёдоровича и Фаины Викторовых — Мария (1945) и Татьяна (1953).

Мария Сергеевна родилась в 1945 году. Переехала к супругу Виктору Колегову в Кемеровскую область, город Юрга. Образование среднее специальное. Работала медсестрой. Воспитали с мужем двух дочерей.

Татьяна Сергеевна 1953 года рождения. Образование среднее специальное. Работала медсестрой, потом на «Хладокомбинате». В «лихие девяностые» челночила. Вырастила дочь.

* * *

Дети Наталии Фёдоровны Викторовой и Николая Михайловича Семёнова — Николай (1930–2014), Владимир (1935–2003), Виктор (1937–2016).

Николай Николаевич Семёнов по профессии химик. Окончил химический факультет Саратовского государственного университета, по окончании был направлен в Новосибирск, в знаменитый Академгородок. Защитил диссертацию, стал кандидатом химических наук. После смерти отца, чтобы мама не оставалась одна, вернулся в Саратов и работал в Институте стекла сначала старшим научным сотрудником, затем начальником отдела архитектурно-строительного стекла. Даже

выйдя на пенсию, продолжал работать консультантом и читал лекции в профильном техникуме. Много времени проводил в архивах, встречался со старожилами, как в Саратове, так и за его пределами, написал несколько книг о старом Саратове и даже один любовный роман, в основу которого легла реальная история. Над написанием книг работал вплоть до самой смерти. Все наброски и записи, найденные после его кончины, были систематизированы дочерью и при помощи внука Антона изданы в книге «О чём не успел…» (название придумал Антон).

Очень увлекался лошадьми. Однажды даже совершил побег из больницы, где лечился, чтобы попасть на важные бега на ипподроме.

Его будущая жена Вероника после школы отправилась с геологоразведочной экспедицией в горы Саяны за романтикой. Затем поступила в электромеханический техникум и после его окончания работала по специальности. В 1954 году познакомилась с Николаем на танцплощадке. Он очень хорошо танцевал, и Вероника подослала к нему своих дружков, которые повелели пригласить на танец «вон ту блондинку». Николай не испугался — девушка ему тоже понравилась. Вероника была красоткой, хорошо играла на гитаре, пела романсы. Они поженились в 1955 году. После переезда в Саратов Вероника работала в книжном магазине, затем в библиотеке, а потом, чтобы заработать хорошую пенсию, в Госстрахе. Прожили они, как говорится, «долго и счастливо и умерли в один день». Сначала Вероника, а через 11 дней Николай. Не смог без любимой. В семье росла одна дочь.

Владимир Николаевич Семёнов окончил геологический факультет Саратовского госуниверситета. Работал геологом-поисковиком в Иране. Впоследствии работал в Красноярском крае, сначала в экспедиции в богом забытом уголке — селе Мотыгино, где возглавлял крупную геологическую партию, а затем «продвинулся» по партийной

линии. Защитил диссертацию, стал кандидатом геологических наук. Будучи активным человеком, был привлечён к крупной общественной работе — возглавил отдел науки Красноярского обкома КПСС. В этом качестве работал очень плодотворно. При развале структур КПСС был приглашён на должность заместителя министра лесного хозяйства России. Начало работы было очень успешным. Но этот взлёт оборвался: тромб — и мгновенный уход из жизни… Он тоже был увлечён краеведением, но, к сожалению, успел написать только одну книгу: «Красноярск и красноярцы».

С женой Нелли познакомились ещё школьниками — свела страсть к волейболу. Вместе поступили на геологический факультет университета. Сыграли студенческую свадьбу и уехали по распределению в Красноярск. Яркая и артистичная, Нелли была хорошим дополнением к своему мужу. Вместе работали в экспедициях по специальности, а когда муж ушёл на партийную работу, Нелли до пенсии работала в тресте, связанном с геологией. В Москве уже не работала, занималась обеспечением уюта для своей семьи.

Воспитали двоих сыновей.

Виктор Николаевич Семёнов окончил геологический факультет Саратовского госуниверситета. Его специализация — геофизик. Длительное время работал в городе Жирновске, затем в Алжире, в специальных геологических партиях. По итогам работ защитил кандидатскую диссертацию. В дальнейшем перешёл на редакторскую работу, возглавлял журнал «Геолог Поволжья». Тоска по Родине во время работы в Алжире подвигла его на увлечение, с которым впоследствии Виктор Николаевич связал всю жизнь — краеведение. Вместе с братом Николаем написали и издали трилогию «Саратов купеческий», «Саратов мещанский», «Саратов дворянский», которая имела огромный успех

у жителей города и переиздавалась не один раз. О старом Саратове и его жителях им было написано порядка двадцати книг. Последняя книга, которую Виктор Николаевич написал, но не успел издать — «Купцы Шерстобитовы» — издана внучатым племянником Антоном.

Виктор хорошо играл на гитаре, сочинял стихи. Были изданы сборники его стихов, а также аудиодиски с его песнями. Пользовался большим успехом в Саратове как бард. Очень часто выступал по радио как с бардовскими песнями, так и с циклом рассказов о старом Саратове.

Виктор Семёнов написал и издал книгу «Братья Семёновы», в которой подробно описал творческий и жизненный путь своих родных. В книге были использованы материалы о жизни его братьев с их слов и воспоминаний. Они были очень дружной, замечательной командой ещё с того времени, как учились в Саратовском университете, где, хотя и обучались на разных факультетах, были ядром сборной по волейболу.

С женой Аллой Виктор познакомился во время учёбы на геофаке. Поженились будучи студентами. По распределению в Жирновск (под Волгоградом) поехали уже с маленьким сыном. Там же родилась и дочка. Алла всегда была очень тихой и скромной женщиной, это и нравилось разбитному Виктору. После переезда в Саратов она работала по специальности. Трагическая смерть сына сильно подкосила её, и она ушла в свой мир.

* * *

Сын Капитолины Фёдоровны и Александра Семёновича Красновых — Лев (1931).

Лев Александрович Краснов по примеру двоюродного брата Николая Викторова окончил радиофакультет Московского энергетического института (МЭИ). Работал в одной из ведущих фирм в СССР в области телеметрии и траекторных измерений баллистических ракет. Участвовал во всех циклах испытаний легендарной ракеты Королёва Р-7 (от полигона Тюра-Там до Камчатки и Тихого океана). Участвовал в приёме телевизионного изображения при выходе Алексея Леонова в открытый космос. Являлся заместителем Главного конструктора академика Богомолова при создании комплекса слежения за индийскими спутниками на Медвежьих озёрах под Москвой. Защитил кандидатскую диссертацию. Последние несколько лет до выхода на пенсию занимался вопросами внедрения методов интерферометрии в системы космической связи. Увлекался альпинизмом. После выхода на пенсию на 88 году жизни занялся мемуаристикой. Изданы три книги, написанные им.

Жена Галина Павловна Котова (1931) также окончила радиофакультет МЭИ. Работала в области создания и эксплуатации медицинской техники.

У них родились дочь и сын.

Пятое и последующие поколения рода Викторовых

У Николая Александровича Викторова — четверо сыновей и две дочери (от разных женщин): Андрей (1938), Александр (1940–2017), Вячеслав (1942), Татьяна (1952–1978), Евгения (1955), Игорь (1961).

Андрей Николаевич Роков родился в Москве. Мать — Евгения Георгиевна Рокова (в 1920 году уехала из деревни на заработки, работала в детском доме, училась в педагогическом техникуме, затем в Академии коммунистического воспитания им. Н. К. Крупской в Москве. С 1950 до 1970 года заведовала массовой библиотекой в Москве).

Андрей Роков (Викторов) в 1956 году поступил на геологоразведочный факультет Московского института цветных металлов и золота им. М. И. Калинина; окончил в 1965 году по специальности «Геология и разведка месторождений редких и радиоактивных руд». По окончании вуза молодой инженер-геолог был направлен на работу в Степную экспедицию 1-го Главного геологоразведочного управления Министерства геологии СССР, где проработал в течение трёх лет на должностях техника, старшего техника, инженера и начальника отряда одной из поисковых партий. По возвращении в Москву был принят на работу в геологоразведочную партию НИСа МГРИ им. Серго Орджоникидзе на должность инженера, а после поступления в аспирантуру на должности младшего и старшего научного сотрудника. После защиты кандидатской диссертации (1968) работал в должности доцента; после защиты докторской диссертации (1988) — в должности профессора. С 2005 по 2019 гг. занимал пост заведующего кафедрой. Подготовил четверых кандидатов наук.

В период работы в МГРИ являлся членом учёных советов факультета и института, диссертационных советов по защите кандидатских и докторских диссертаций по специальности. В 1987 году избран академиком Международной академии минеральных ресурсов, в 2001-м — членом-корреспондентом, а в 2003-м — академиком в составе Российской академии естественных наук по геологоразведочному отделению. Входил в состав редакции журнала «Известия вузов. Геология и разведка месторождений полезных ископаемых», а также впервые изданной «Российской геологической энциклопедии» в 3-х томах и приложений к ней.

Написал 287 научных работ и учебных пособий, в большинстве случаев в соавторстве со своими сотрудниками,

С женой Ниной Григорьевной (в девичестве Игнатьевой) познакомились в 9 классе. Окончив в 1956 году школу с серебряной медалью, Нина поступила на химический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, который окончила по специальности «Химия». По окончании поступила в аспирантуру на химфаке и защитила кандидатскую диссертацию по специальности «Аналитическая химия» (1964). До ноября 1993 года работала в Научно-исследовательском институте по удобрениям и инсектофунгицидам им. профессора Я. В. Самойлова на должностях младшего, старшего и ведущего научного сотрудника. С ноября 1993 года на пенсии.

В семье Андрея Николаевича Рокова выросло трое сыновей:

— **Алексей Андреевич Роков** (1968) окончил Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана по специальности «Динамика полёта и управление летательными аппаратами», в настоящее время работает в частных компаниях в области телевизионного вещания. Дети Алексея и его жены Наталии: **Людмила** (1988) и **Дмитрий** (2002). У Людмилы муж Артём и сыновья **Алексей** (2016) и **Александр** (2019).

— **Павел Андреевич Роков** (1973) также окончил МГТУ им. Н. Э. Баумана, с 1993 года работает в качестве индивидуального предпринимателя. Дети Павла и его жены Татьяны: **Маргарита** (2012) и **Екатерина** (2015).

— **Иван Андреевич Роков** (1973) окончил факультет прикладной математики в МИЭМ и экономический факультет МАДИ, получив специальность «Инженер-экономист». С 2014 года является генеральным директором ООО «Кильватер». Дочери Ивана и его жены Елены: **Александра** (2000) и **Ульяна** (2010).

* * *

Александр Николаевич Румянцев родился в Москве. Мать — Анна Сильвестровна Румянцева (родилась в Калуге, окончила Институт истории, философии и литературы (ИФЛИ), аспирантуру в Академии общественных наук СССР, кандидат исторических наук, доцент, историк, зав. кафедрой истории КПСС Московского полиграфического института).

Александр Румянцев (Викторов) окончил школу с золотой медалью и поступил в МИФИ. После 1-го курса пахал на тракторе целину в Казахстане. Был загребным «восьмёрки» в составе сборной вузов Москвы по академической гребле. После окончания МИФИ поступил в Научно-исследовательский и конструкторский институт энерготехники (НИКИЭТ). Занимался проектированием реакторов для Белоярской АЭС. Увлёкся применением вычислительной техники для решения различных технических задач. В начале 1966 года переведён на работу в Институт атомной энергии (ныне —Курчатовский центр).

В период 1969–1973 годов разработал комплекс программ трёхмерного расчёта характеристик канальных реакторов, запатентовал в соавторстве с коллегами ряд изобретений. В 1973 году защитил кандидатскую диссертацию, в 2008-м — докторскую. В 1976–1980 годах работал в МАГАТЭ (г. Вена, Австрия), где разработал программно-технологический комплекс «International Safeguards Information System» (ISIS), который не менее 35 лет оставался информационной основой деятельности МАГАТЭ в области Гарантий предотвращения распространения ядерного оружия.

С 1981 года вновь стал сотрудником ИАЭ в ранге заместителя директора нового Отделения вычислительной техники и радиоэлек-

троники (ОВТиР). Занимался вероятностным анализом безопасности после «чернобыльских» проектов АЭС с ВВЭР-1000 и РБМК. С 1993 года под его руководством и при непосредственном участии создана компьютерная система учёта, контроля и отчётности по ядерным материалам и радиоактивным веществам (система КИ-МАКС).

Награждён медалями «За освоение целинных земель», «300 лет Российскому флоту».

Женился в 1961 году. Жена Любовь Михайловна — экономист, возглавляла экономическую службу ВНИИлитмаша. Вырастили двух дочерей, потом помогали растить четверых внуков и внучек.

Дети Александра Николаевича и Любови Михайловны Румянцевых:

— **Елена Александровна** (1963) окончила МИФИ с красным дипломом, по специальности инженер-математик. С июля 1995 года работает в НИЦ «Курчатовский институт», в настоящее время занимается реализацией проектов создания и совершенствования систем безопасности ядерных объектов и проектов реабилитации радиационно-загрязнённых территорий РФ. Ветеран атомной энергетики и промышленности. Увлекается живописью — пишет картины маслом. Имеет двоих детей. Дочь **Екатерина** (1987) — инженер-экономист, логистик; сын **Алексей** (1999) — студент.

— **Мария Александровна** (1975), журналист, режиссёр, кандидат педагогических наук, мастер спорта. У неё двое детей: сын **Лев** (2003) и дочь **Софья** (2010) — учащиеся.

* * *

Вячеслав Николаевич Румянцев родился в г. Барнауле Алтайского края, во время эвакуации из Москвы. После окончания школы поступил на работу в Московский заочный полиграфический институт (МЗПИ) и на 1-й курс того же института. В 1965 году Вячеслав Румянцев (Викторов) окончил Московский полиграфический институт (МПИ). В 1966 году служил в рядах Советской Армии. По окончании службы поступил в НИИ полиграфического машиностроения. В 1986 году был назначен на должность зав. отделом печатных машин. Много лет был председателем совета молодых учёных и специалистов института. В 1975 году защитил кандидатскую диссертацию.

За время работы в НИИполиграфмаш принимал участие в выполнении нескольких десятков научно-исследовательских работ (НИР), связанных с созданием отечественной полиграфической техники, в том числе для Министерства обороны, МВД, администрации Президента. Соавтор нескольких учебников по печатному оборудованию для вузов и колледжей. Почти 20 лет был председателем Государственных экзаменационных комиссий в вузах и техникумах. Награждён орденом Трудового Красного Знамени и медалями. Участник боевых действий.

В 1975 году женился на Нине Ивановне Лобовой. Специальность жены — художник-график, была начальником отдела на заводе детских игрушек «Огонек», в настоящее время на пенсии.

Воспитали сына, **Румянцева Олега Вячеславовича** (1976) — к. т. н., работает в области цифровых печатных машин.

* * *

Татьяна Николаевна родилась в Москве. Мать — Татьяна Васильевна Викторова (в 30-е гг. окончила химический факультет Воронеж-

ского университета, после войны работала химиком в НИИ, защитила кандидатскую диссертацию «Химочистка и подготовка воды для паровозных котлов — коррозия металлов». Последнее место работы перед выходом на пенсию — научный секретарь по подготовке Всемирного конгресса химиков Комитета по науке и технике).

Татьяна Николаевна окончила институт иностранных языков, факультет французского языка, работала переводчиком. Детей не было.

«Гибель Тани: она была особенно трагической в том, что так и не был поставлен диагноз! Она только окончила институт, уехала в Алжир переводчиком, там почти сразу заболела воспалением лёгких, и её отослали домой. И она заболела … тогда томографов не было, УЗИ не было… Предположительно ставили опухоль мозга, но при вскрытии её не нашли. Таня ничего не успела сделать в своей жизни. Ей было всего 25 лет. Таня кровь сдавала, но если и заразилась, то чем? Диагноза не было вообще никакого. То, что это был не СПИД, о котором тогда ещё ничего не слышали — точно, т. к. симптомы болезни совершенно другие. А вот воспаление лёгких у неё было, но после него с лёгкими всё было отлично», — рассказала Евгения Николаевна, сестра Татьяны.

* * *

Евгения Николаевна родилась в Москве, окончила МИСИ, факультет строительства спецсооружений, инженер-конструктор по металлоконструкциям. 15 лет работала в проектных организациях, затем более 20 лет — в издательстве, в филологических журналах, сотрудничала с институтами РАН: Русского языка, Философии, Всеобщей истории и другими как технический редактор научной литературы. Сама Евгения Николаевна так оценивает свою работу: «Никаких

заметных (выдающихся!) дел в моей трудовой жизни не было. Работала, работала и до сих пор работаю… Проекты по строительству были разные, и было их много. Но всё это были не «стройки века». А сложность моей нынешней профессии такова: работа с научными текстами на многих языках — особенно на древнегреческом (который был задолго до Рождества Христова!), старославянском (с XI в. и далее). Из полной галиматьи первоначальных текстов автора могу слепить приличную научную книгу. Книг каждый год штук по 40 и более проходит через мои руки. Многие авторы — академики, известнейшие ученые.

Я никогда не расценивала свою жизнь как жизнь «винтика» в общем механизме. Мне плевать было на социализм и стройки века! Я жила сама по себе, а не в построении светлого будущего!».

Евгения Николаевна воспитала сына, **Константина Вячеславовича Зуева** (1981), окончившего Московский институт электроники и математики (МИЭМ) по специальности «Менеджемент», специализация — наружная реклама (10 лет работы). С 2014 г. — менеджер по работе с недвижимым имуществом ГК «Росатом». Константин имеет двоих сыновей: **Глеб** (2007), школьник, и **Клементий** (2017).

* * *

Игорь Николаевич Мещеряков родился в Москве. Мать — Любовь Петровна Мещерякова, до войны поступила в Институт связи, после войны окончила Энергетический институт. Инженер-радиотехник, проработала всю жизнь во Всероссийском научно-исследовательском институте радиотехники (бывший ЯРТИ, а еще раньше НИИ-20), ведущим инженером, была детутатом Бауманского районного совета. В ЯРТИ познакомилась с Н. А. Викторовым.

Игорь Николаевич Мещеряков (Викторов) окончил Институт связи по специальности «Радиотехника», ведущий специалист управления спутникового вещания НТВ-плюс.

После окончания Института связи в 1983 году работал до 1990 года в научно-исследовательском секторе того же института, НИЛ-4, ездил в командировки по всему Советскому Союзу, внедряя автоматизированное рабочее место телеграфиста. В 90-е гг. работал в Гематологическом научном центре РАМН компьютерщиком, был инструктором по вождению автомобиля, занимался разработкой и установкой пейджинговых станций и пейджинговых ретрансляторов. С 1998 по 2000 работал инженером-компьютерщиком в ЗАО «Люберецкий производственно-технический узел связи», внедрял элементы сетевой инфраструктуры. С лета 2000-го и по осень 2003-го — инженер поддержки на Московской межбанковской валютной бирже. С осени 2003 и по настоящее время трудится на НТВ-плюс, занимается системой условного доступа. Увлечения — горные лыжи и дайвинг.

Имеет двоих детей:

— **Лебедева (Мещерякова) Вера Игоревна** (1985).

— **Мещеряков Павел Игоревич** (1987). У Павла есть дочь **Арина** (2018).

Вера и Павел окончили Бауманку, специализация — информационные технологии. Павел работает начальником отдела Московской межбанковской валютной биржи, Вера — пресейл-инженер в крупной IT-компании OSC Distribution, финалист премии ЦОД РФ 2019 года. Владеет английским, немецким, итальянским, испанским языками.

* * *

У Людмилы Александровны (Люльчи) родился сын Володя.

Но в связи с событиями 1937 года, гибелью Людмилы и войной это семейная линия была не в контакте с остальными Викторовыми. Контакт с Володей был только у Людмилы Филипповны. Но с её уходом сведения потерялись.

* * *

Дети Дориана Владимировича и Веры Викторовых: Елена (1953) и Ольга (1961).

Елена Дориановна окончила ЛПИ им. М. И. Калинина (ныне Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого) в 1978 году, по специальности — инженер-металлург. Сейчас работает в Концерне «Океан-Прибор». Сын **Алексей** (1986).

Ольга Дориановна окончила в 1983 году ГДОИФК им. П. Ф. Лесгафта (ныне Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья имени П. Ф. Лесгафта), специальность — тренер по лёгкой атлетике. Была членом сборной команды СССР по лёгкой атлетике с 1978 по 1983 годы, мастер спорта СССР, кандидат педагогических наук. Работает вместе с мужем в семейной фирме. Воспитывает двоих сыновей:

— **Викторов Артём Евгеньевич** (1991), окончил Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского в 2013 году по специальности «История», увлекается интеллектуальными играми «Что? Где? Когда?», готовит команды школьников к интеллектуальным турнирам.

— **Любимов Михаил Олегович** (2005), учащийся лицея № 4 г. Саратова.

* * *

Дочь Лии Владимировны Викторовой и Вячеслава Леонидовича Гомоза — Марина (1959).

Марина Вячеславовна Гомоз (Ерёменко) родилась в Саратове. Окончила Тульский политехнический институт, по специальности — инженер-металлург. Отработала три года на Болоховском машзаводе, затем переквалифицировалась на котельные установки малой и средней мощности и стала преподавателем. Муж — Ерёменко Евгений Андреевич, родился на Украине, в городе Кадиевка, ныне Стаханов, в семье горного инженера. Марина познакомилась с мужем на 69–й параллели в Норильске во время путешествия по реке Енисей на корабле «Валерий Чкалов», где Евгений проходил плавпрактику. Закончил Николаевский кораблестроительный институт по специальности «Судовые силовые установки». Затем семья переехала в Тулу. Евгений работал главным энергетиком машиностроительного завода, затем перешёл в инспекцию Госгортехнадзора.

Воспитали сына:

— **Дмитрий Евгеньевич Ерёменко** (1989) закончил МИИТ по специальности «Грузоперевозки» и курсы переподготовки при Институте рекламы. Работает главным оператором интернет-фирмы «Продвижение», снимает экстремальные виды спорта. Женился в 2017 году на Королёвой Наталье (руководитель департамента в кадровом агентстве).

* * *

Дети Марии Сергеевны Викторовой:

Сергей (ушёл из жизни рано).

Ольга (1978) — имеет дочь **Екатерину** (1999), студентку архитектурного факультета.

* * *

Дочь Татьяны Сергеевны Викторовой — Светлана (1979).

Светлана Ерошкина окончила Московский гуманитарный университет, работает управляющей производством в кондитерской фирме. У Светланы два сына от разных браков: **Георгий Виссарионович Читанава** (2000) и **Тимофей Игоревич Крюков** (2009).

* * *

Дочь Николая Николаевича Семёнова — Наталья (1960).

Наталья Николаевна — судмедэксперт, сейчас на пенсии.

Имеет сына и дочь:

— сын **Антон** (1983) — владелец бизнеса, связанного с автотранспортными услугами, женат, двое детей: дочь **Соня** (2008) и сын **Богдан** (2017);

— дочь **Светлана** (1990) — медик, работает судмедэкспертом. Замужем, детей нет.

* * *

Дети Владимира Николаевича Семёнова — Михаил (1959–2008) и Алексей (1965).

Михаил Владимирович Семёнов работал в милиции, умер

в 2008 году от опухоли мозга. Известно, что у него было два брака, от каждого есть дочь.

Алексей Владимирович Семёнов работал в ГАИ, вышел на пенсию, сейчас работает водителем на «Скорой помощи». Его жена Ирина тоже вышла на пенсию. Их сын: **Владимир** (1988), женат, в феврале 2020 года у него родились двойняшки **Марина** и **Дима**.

* * *

Дети Виктора Николаевича Семёнова и его жены Аллы: Андрей и Екатерина.

Андрей Викторович Семёнов трагически погиб.

Екатерина Викторовна Семёнова (Михайлова) имеет двоих сыновей:

— **Алексей** (1989) закончил СГУ, геофизик, работает в «Сургутнефтегаз», вахтовик. Семья: жена Лиза и сын **Андрей** (2018).

— **Николай** (1995) закончил СГУ, географический факультет, работает метеорологом в Нижнем Новгороде. Живёт в общежитии, семьи нет.

* * *

Дети Льва Александровича Краснова: Татьяна (1956) и Денис (1970).

Татьяна Львовна Краснова (Лежнёва) окончила радиофакультет МЭИ, радиоинженер. Работала в МНИИПе, разрабатывала контрольное оборудование для самолётов радиолокационной разведки. В 90-е

годы перешла работать в ФГБУ ОБП, отдел медтехники, где занимается организацией покупки нового и поддержания работоспособности действующего высокотехнологичного оборудования.

Муж Лежнёв Алексей Васильевич также окончил радиофакультет МЭИ, по специальности радиофизик. Работал в Академии наук, сейчас трудится в Концерне «Алмаз-Антей», занимается разработкой методов и оборудования для обеспечения качества изделий. Автор более чем 40 российских и зарубежных патентов. Награждён премией Правительства РФ в области науки и техники за 2008 год.

Две дочери: **Анна** (1985) и **Мария** (1990).

Аня окончила МПГУ им. В. И. Ленина, работает педагогом в детском саду. У неё есть сын **Петя** (2005). Маша окончила исторический факультет МГУ, искусствовед. Работала экспертом в ВХРНЦ им. Грабаря, сейчас организатор защиты животных. Создала с подругой проект «Накрой», помогающий возрождению традиционных текстильных русских промыслов.

Денис Львович Краснов учился в МЭИ. В два года заболел сахарным диабетом. Ушёл из жизни в 2009 г.

* * *

В Александровке у Викторовых жила приёмная девочка-сирота Ульяша. Когда начались переезды семьи по разным сёлам Тамбовщины, она уехала в Ленинград. Там работала, вышла замуж. Потом перебралась в Крым. Она очень хорошо разбиралась в лечебных свойствах трав, и со временем стала широко известной в Крыму народной целительницей–травницей. Контакты с Ульяшей поддерживала Капитолина Фёдоровна Викторова-Краснова. С её уходом эти связи оборвались.

Подведём итоги:

• Общий состав поколений Викторовых (линия села Александровка Тамбовской губернии), живущих в настоящее время — 60 человек.

• Двое из них представляют уже восьмое поколение рода Викторовых.

• Большинство потомков никак не связаны с сельской жизнью. Мужская часть потомков ушла, в основном, в работы, связанные с высокотехнологичными направлениями, причём весьма успешно: среди них два доктора наук, шесть кандидатов наук, один профессор (к сожалению, это же подтверждает гендерное неравенство в России и, наверное, в мире). Среди потомков-женщин — два кандидата педагогических наук и два мастера спорта по лёгкой атлетике.

• Многие потомки увлекались экстремальными видами спорта (альпинизм, горные лыжи, дайвинг, конный спорт), а дочь Александра Румянцева Мария завоевала звание мастера спорта ещё и по мотоспорту.

• Только один из представителей молодого поколения потомков Викторовых носит их фамилию.

Артём Евгеньевич Викторов родился 7 июня 1991 года в Москве, в настоящий момент проживает в Саратове. Не женат. В 2013 году окончил СГУ им. Н. Г. Чернышевского, исторический факультет, по специальности «Учитель истории». Трудовую деятельность начал в областном архиве, где пользовался авторитетом благодаря своей эрудиции. Ещё в школе увлёкся интеллектуальными играми, в составе команды выиграл важный турнир и был награждён поездкой в Турцию. В университете стал развивать это направление по школам Саратова, создал школу подготовки тренеров.

Артём Викторов на тренировке своей команды

С 2007 года участвует и проводит в Саратове турниры по интеллектуальным играм как среди взрослых, так и среди школьников. Неоднократно по итогам турниров награждался медалями, грамотами и кубками. Выезжал на игры в составе сборной команды Саратова в другие города России, а также на молодежные форумы.

С августа 2017 года по настоящее время работает на договорной основе тренером команды ФТЛ №1 по интеллектуальным играм. Знает два иностранных языка (английский и немецкий), обладает широкой эрудицией, переводит и редактирует зарубежную литературу. Пишет стихи, но публиковать их не хочет.

Благодарю!

Я благодарю Татьяну Львовну Лежнёву, Галину Петровну Митькину, Ольгу Александровну Волкову за огромную помощь и творческое участие в создании этой книги.

Благодарю Вячеслава Николаевича Румянцева и Андрея Николаевича Рокова за предоставление дополнительных материалов, которые расширили мои знания о людях, связанных с семьёй Викторовых.

Отдельно благодарю Елену Александровну Румянцеву, Марию Александровну Румянцеву, Ольгу Дориановну Викторову, Елену Дориановну Викторову, Евгению Николаевну Зуеву (Викторову), Игоря Николаевича Мещерякова, Марию Вячеславовну Ерёменко, Наталью Николаевну Жалнину, Екатерину Викторовну Михайлову, Светлану Викторовну Ерошкину за помощь в подготовке материала для раздела «Потомки рода Викторовых из Тамбовской губернии».

Л. Краснов

Два столетия рода Викторовых
из Тамбовской губернии: 1816–2016

Составитель: Л. А. Краснов

Редакция и издатель: ООО «РИЦ «Курьер-медиа»
Генеральный директор: Г. П. Митькина
603009, г. Нижний Новгород, проспект Гагарина, 110–40
E-mail: direktor@kuriermedia.ru

Дизайн и вёрстка – Л. С. Белопросова

Печать: Типография «Юникопи»,
г. Нижний Новгород

Издание не предназначено
для коммерческого использования

2020